

ГРАФИТ

литературный альманах

№1

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Кристина Власова
Анатолий Глущенко

Художник номера: Лада-дождь

Вёрстка: Кристина Власова

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Сентябрь 2011 года, г.о. Тольятти.

Электронную версию журнала можно найти по адресу:
graffitt.ru

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции -----	4
Поэзия	
Андрей Тавров -----	6
Константин Латыфич -----	11
Валерий Черешня -----	16
Тимур Алдошин -----	20
Проза	
Андрей Бехтерев -----	25
В фокусе	
Письмена листы -----	51
Золотой запас	
Лада-дождь -----	78
Ветер странствий	
Алексей Аристов -----	85
Мир-чужбина	
Канат Омар -----	90
Книга Стихов	
Сергей Щелоков -----	94
Листки	
Татьяна Бочкарь -----	107
Анатолий Глущенко -----	108
Кристина Власова -----	109
Владимир Малолетков -----	110
Два рассказа	
Дмитрий Перегудов -----	112
Мир-Отечество	
Георгий Квантришвили -----	124
Александр Кремлёв -----	129
MEMORIA	
Григорий Яковенко (01.09.1936-29.04.2011)-----	131
Постскриптум	
Тимур Алдошин -----	137
Nota Bene	
О самарской литературе-----	142
Тольятти пишущий -----	144
Книга за книгой-----	148
Авторы -----	153

Первые слова при рождении!

Альманах? Еще один? Да, пожалуй, один из... Но в Тольятти такого еще не было. Независимый, разнообразный, непровинциальный... В первом номере можно прочесть авторов не только Тольятти, но и Самары, Казани, Питера, Москвы, Астаны. Уровень хороший и снижать планку мы не намерены. И все-таки, кажется, что следует объясниться. К чему еще одно литературно-художественное издание?

Все дело в том, что наши глубочайшие и сокровеннейшие мысли должны быть высказаны, потайные желания должны иметь реализацию. Наш альманах рождается только лишь из желания говорить.

По сути, нет никаких предпосылок, чтобы он появился. Нет ни спонсоров, пожелавших вложить деньги в литературу, ни новых ярких имен в тольяттинской поэзии, ни критиков, готовых писать обзоры-ежеквартальники, пока нет ничего....

Есть лишь желание издавать альманах, искать молодых поэтов, читать современную прозу, писать о любимых авторах. Кажется, этого желания и мало, и много одновременно. Ведь, когда посмотришь вокруг с холодным вниманием, то видишь столько обусловленных причинами и следствиями вещей, что поневоле возмечтаешь о чуде, возникновении из ничего.

Именно акт непрактичного волеизъявления, свободная игра людей в пространстве вариантов и может только создать что-то интересное. Все остальное – рынок и суетливая борьба за существование.

Провинция – не лучшее место для карьеры поэта или писателя. Однако так получилось, что в Тольятти живут и никуда не собираются уезжать несколько человек, преданных искусству слова. Эти люди почти случайно встретились летом 2011 года и решили объединиться. Это означает лишь одно – альманах «Графит» теперь целиком и полностью зависит от их усилий и их вдохновения. Надеемся, что и усилий, и вдохновения хватит не на один год. Ну и конечно, изданию нужны помощники, сочувствующие, меценаты! С нашей стороны мы лишь можем пожелать нашему бумажному кораблю счастливого плавания в океане гляцевых, толстых, желтых и интеллектуальных изданий.

Итак, в путь! Присоединяйтесь к нам! Читайте «Графит»! Литература – это самое интересное дело на земле. Лично мы в этом уверены на все сто!

Редакция альманаха «ГРАФИТ»

ПАТМОС 2

Разве не память создает вещи?
 Эти скалы, эту лазурь, еще негустую, вполсилы,
 бухту со шлюпкой, стол и стул,
 все эти твердые предметы, окутанные мыслью, как сгоревшей кожей,
 разве не память?

Качнется шлюпка – и прибавится морщин на лице.

Ангел пролетит с ведром тишины,
 и выпадет волос.

Глянет стрекоза –
 и уйдет у розы ребро, а океан углубится.

Вот что только и есть – соотношение, лишь
 оно обнаружит на миг души предметов,
 единое в их различье.

Лишь поле соотношений с зернами цветка и глины. Вот почему
 вне времени видишь ты Дракона и Деву,
 Антихриста и светильники,

но как только входят время и память,
 ты слепнешь для главного, что ты там видел.

Увидеть вослед за тобой, Зритель, это стать пятой –
 в твою пяту, и лицом
 совпасть с твоим, но этого мало, нужно
 этой пятой из времени выйти, шагнуть, отрясти,
 потерять себя с тобой вместе и тогда лишь – увидеть.

Не то, что ты видел, не то, во что вгрыглись буквы,
 а то, что всех их объединяло – ведь лишь оттуда
 увидишь ушко иголки и темя дитяти
 и зев земли, и подкову,

согнувшуюся от веса земли и света,
 и камень, и свет.

Дракон сгибается и брызжет картинками, как фонтан – твердыня и шелк.
 Распадается Вавилон великий, но тело окутывает пустоту объятий,
 камни проросли совой и суслик в каждом окне.

Не увидишь стрижа, пока не умрешь.

Не постигнешь, как он роет звезду, упадает в избу,
 как маленький Гарри, как Микула

Селянинович с сохой, загнанной по рукоятки

в сердце, разрывающей синие глины.

Разве не память?

Но когда в дверь стучат и ты идешь отворять,
гадая, что там за поздний гость, -
ты выпал, вышел из памяти,

и проходя мимо кувшина, коромысла и хомута,
еще не знаешь – кого ты там встретишь.

Вот тогда ты и видишь Патмос.

Его зеленую землю.

Райских его бабочек.

Город небесный.

Разве музыка и тишина не одно?

Смерть и рождение?

Червь и ангел?

Смотри – кто стоит на пороге.

Смотри как крот, как сова, как воздух без глаз.

Кто делал слепок лицу?

А теперь струится ручей

по позвоночнику. Из-за детей встает мать,

совпадая ими, себя избежав,

как небо.

Кит-кашалот тычется как воздух-бульдог из сада,
обозначен в листве, в водонапорной со ржавью башне,
в боли сплющенной, в слепке,

в паутине снега, упавшего во двор отовсюду –

разве кита этим сетям сдержать,

они лишь выглянут, вылепят его, спеленают.

Возьми меня, кит!

Но разве может он проглотить себя самого,

разве у нас не один на двоих лоб,

тупой и прекрасный?

ОДЕРЖИМЫЕ

Из земли доставал и нес до рта, до гнезда,
из корней выдирал поцелуй, как верблюд слепой,
и как горб вмещал все, чем жива верста –
холм могильный, ручей да белый огонь сухой.

Он был длинным чулком дыхания в темноту,
и он заговор плел, зарываясь мордой верблюд,
поднимая губы горбатые в наготу,
из которой был слеппен, из которой холмы растут.

Он слоился и вяз, словно ухо в самом себе,
сам себя кусая, как рот, губой находил
свои бедра, захлестнутые в блесне,
за поток и песок ее белых колен и жил.

Тяжелее, чем роза, раслаиваясь на стекло
с черным воздухом, он уходил за круг
ее яблок-плеч, и тело с него текло,
словно с весел вода, твердея, как лодка – в грудь.

За обоих волчат он один натружал сосцы,
и сжималась в пружину змеи на двоих земля
и косили его дети смерти, хохлы-косцы,
и он в брешь, как в титаник, без рук затыкал себя.

Шла звезда-дромадер, на белой горела коре,
птица-гриф свое сердце клевала – полынь траву,
размоталась на ветер роза в любом дворе,
и ныряла свирель, небо держа на плаву.

И в отверстиях куст и зверь, глубоки, как язык
пламени-горбуна, волчьей пасти в живой крови
все идут на одной ступне вдоль дорог босых,
прорастая, как кость в обрубок, – в сустав любви.

ЛЕТОПИСЕЦ

С хрустом грудь расширь, как будто бы вложили
не охапку воздуха, а куст
роз негнущихся, чтобы с мороза шире
выдох шел сквозь букву гибких уст.

Чтобыгнулась воздухом подкова,
лев с садами лапою играл,
чтобы целлофан движенья светового
грудь речную в зайчиках сжимал.

И трава растет, то совпадая
с телом, то поврозь, как ты хотел,
строит губы буква меловая,
возвращая воздуху предел.

Кто кого родил – не мать ли сына,
и не сын ли вновь ее рожал.
Краб застыл, как мира середина,
и себя, как жгучий камень, сжал.

То ты в нише воздуха, то в глине,
то ты волк и коготь, то пробел.
Свет разжат. Рысак – как луч в пружине.
И дрожит пята – земли предел.

Константин Латыфыч

Балхаш

1.

Здесь, где кончаются и рельсы, и дороги,
и можно не смотреть себе под ноги –
и ни единого куста за полчаса.
Ни камня, ни пригорка, ни оврага,
вся степь для ветра – чистая бумага,
и перехватчика сплошная полоса –
как след далекий колесницы Феба...
Здесь желтая вода ценнее хлеба.
Здесь меряешь все на собственных весах.

2.

Здесь нет отчаянья, поскольку не закрыта
от взора перспектива, и забыта
любовь к себе... И больше никому
не взять тебя заведомо в кавычки –
в зависимость от собственной привычки,
и можно попытаться самому
определять по Солнцу части света.
Часы здесь бесполезны, и газета
не добавляет пищи взору и уму.

3.

Смотри и слушай, подключаясь к току
степных ветров. Как будто бы уроку,
внимай движенью пыли и травы.
Оно приблизит к пониманью роли,
что ты – всего лишь перекасти-поле
и не находишь собственной канвы.
Но отмети сей вывод! Кроме сплина
у одиночества всегда есть дар акына,
и тигра слух, и зрение совы.

4.

Приди на берег, чтобы растворение
двух разных вод почувствовать. Их трение
отбросит соль к невидимому дну –
туда, где в бывшей вотчине Фетиды
руины казахстанской Атлантиды,
уподобляясь виденному сну,
застыли – без надежды на открытие
себя, хотя бы чьим-нибудь наитием.
Их распознай как давнюю вину.

5.

Нам соль дана, чтобы познать конечность
созревших форм. Их раннюю беспечность
рождает только пресная вода...
И здесь поймешь, как тихий возглас: Amen,
что создается и слоится камень
одной лишь силой строгого суда.
И точно так же отлетают к праху
воспоминанья, скомканные страхом,
освобождая место для труда

6.

совместного – не завершен экзамен! –
и путь наверх отброшенному равен.
И вот теперь возможен первый слог.
И кончик языка на альвеолах...
И взгляд вовне фиксирует: и в полых
пространствах движется песок.
И это – ты... И можешь быть собою –
зачерпывай из озера рукою,
чтобы прохладу ощутил висок!

7

Теперь ты видишь над водою серой
 чирка и гоголя. Уже не terra
 incognita – воссозданный пейзаж...
 И цапель белых, чаек и бакланов
 у каменистых рифов, пеликанов,
 плывущих полукругом, как мираж –
 с ветвей смолою белою точащий,
 за солончак корнями уходящий, –
 здесь тамариск застывший, словно страж,

8

хранит, но остается безучастным –
 к мерцающим моллюскам, неподвластным
 эрозии, мелькающим под всей
 до горизонта разлитую линзой
 невидимого глаза – с укоризной
 на небеса, где поле скоростей,
 смотрящего, и гасящего всплеском
 звук перехватчика, когда-то бывший резким,
 не оставляя от него вестей.

9.

Теперь, как завещание, с тобою –
 Балхаш. Монетой гладь не беспокоя,
 иди, держа в себе урок пустынь:
 «Расти росток до выделенного срока,
 и ни одно зерно не одиноко,
 и не горька дареная полынь».
 Шажок к шажку – по собственному кругу –
 оказывай бесплатную услугу,
 осваивая местность, как латынь.

Жигули. Заповедник.

*И когда встаёт над Волгой солнце,
видны над рекой дворцы и стены Мирного города...
«Сказки Волги»*

Над поймою ветвящейся реки,
где острова, намытые песками,
меняют очертания Луки.
Там, пермскими слоясь известняками,

бесшумно продолжающие рост,
холмы стремятся завершить собою
подземное движение - внахлест
воды и камня. Стянуты уздою

двух берегов, что длинною дугой
уходят, чтоб едва не возвратиться.
И степь с доледниковой тайгой
встречается. Здесь рядом медуница

с альпийской астрой - точные часы-
отмеривают время аккуратно.
От суховея до лесной росы.
От холодов к потопу и обратно.*

И волжский сталкер на середине лет,
как слово в лабиринтах Даля,
здесь ищет жигулёвский солнцезвезд
с оранжевою каплей из Грааля.

Чтоб, с ним в руке, спуститься без труда
в шурфы, где ночь не ведаёт остатка.
И в глыбах полированного льда
оставил птеродактиль отпечатки.**

И снова выйти в поисках страны
(у той горы, похожей на верблюда)-
мерцающей, не знающей вины.
Там тихий звон серебряной посуды

чуть слышится, и ровный разговор
 прощенного разбойника с монахом,
 идущих вверх по лестнице... Но взор
 не проникает дальше из-за страха.

Здесь ночью жгли сигнальные костры,
 садились в круг, втыкая посередке
 бердыш и пики, что всегда остры.
 Выслеживать купеческие лодки

надолго отсылали вестовых.
 Княжну топили. Зарывали клады.
 И лошадей гоняли скаковых
 к местам горючим черных водопадов***.

Хранится всё незримым лесником.
 В сегодняшних и прошлых поселениях.
 Парит орлан над редким сосняком.
 И не кричит до холодов осенних.

* По увеличению или уменьшению ареала степных и лесных растений учёные Жигулёвского заповедника судят о потеплении или похолодании климата.

** Есть предание, которое гласит, что некоторые люди, забравшиеся под землю в районе Жигулёвских гор, натыкались на глыбы льда и замороженные в них скелеты странных животных.

***Имеется в виду нефть, которая в давние времена в этих местах выходила на поверхность.

Валерий Черешня

ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Лужа от окрика ветра
мелкими ртами смеётся,
илистые её недра
бесстыдно белеют.

Рвётся
плоть полотнища флага,
туго хлопает тканью.
Глаза пустая фляга
рада полниться дрянью
мимолетающей – любою.
И не беда, что слезится,
только б расстаться с собою,
с тем, что к гибели мчится,
ветра прикинувшись воем.

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Такая тёплая и плотная,
сторуким Шивою танцующим,
густою тьмою полноводною,
вакханкой, всей собой целующей,
над степью, запахом умаянной,
над морем, зыбью околдованном,
ты встала чёрною проталиной
во льду Вселенной, Богом взломанном.

Так чёрным по степи намазано,
накатывает море в рвении,
как будто вслух ещё не сказано
ни глупости, ни откровения;
так вечность, кутаясь в мгновение,
дрожит на грани понимания,
что холодок исчезновения –
другая сторона слияния.

МОЛИТВА

Не оставь меня в робости
 перед немощью, немостью,
 наклонившимся к пропасти
 в позаброшенной местности.

Здесь ни смысла, ни дерева,
 ни глотка, ни объятия...
 Взяв от облика зверева
 люди разум утратили.

Не оставь в неприкаянье
 духоты тела тесного,
 где на шёпот раскаянья
 только эхо отвечает.

Сохрани мне умение
 быть и небом, и глиною,
 а не то – дай терпение
 и забвеньё звериное.

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

*«и я мог бы...»
 А.С.Пушкин*

Река, изба и луг,
 вдали – заката ложе,
 застыла лошадь вдруг,
 мальчонка поднял вожжи,
 и снова лес вокруг.

И я бы, может, тоже...

ОСТАТОК

Если выбросить всё, что же будет в остатке?
Все привязанности и страхи, все сорные стебли
красоты и ума, на которые падки...
Заползти в глухие бессловесные дебри,
где земля так покорно смерзается зимой,
так податливо раскисает осенью,
как в подполье, таится под асфальтовой тьмой
и рождает бездумно – топчут ли, косят ли...
Этой слабости научиться – стать слабым вдвойне,
взгляд, как руку ребячью тянуть, куда тянется,
всякий раз обжигаясь на том же огне,
радуясь этим ожогам и ссадинам.

Это место ушедшей любви,
ничего торжествующий зоб,
храм забвенья на бывшей крови
и гнездо неразобранных злоб.

Вкось тебя дуновеньем снесёт, –
за кровинку заката держись.
Варвар Время в пустыне пасёт
замечательно гулкую жизнь.

Преврати её в бубен, в тамтам,
в жаркий танец её преврати,
пни её и услышишь, что там –
ничего, кроме эха пути,

кроме грохота ржавых цепей,
норовивших тебя удавить,
кроме птички, сказавшей: «пи-ить»,
и добавившей тут же: «не-пей».

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Солнечный день – удар силуэта в стену.
 В силу этого сплюснутый в тень,
 молчаливую, быстро бегущую
 по ребристым камням. Сущую.

Солнечный день. Птица
 до предела расперив крылья
 мелкотенью чиркает лица
 быстрой пылью.

Одинокое дерево пишет
 ветвеносную скоропись. Это
 потому, что над ним пышет
 несмываемой ясностью света

ослепительно синий свиток,
 раскаленный до блеска блесны.
 Вот сейчас понимания слиток
 отольется из голубизны...

Солнечный день. Ты
 в состоянье тупой немоты.
 На границе света и тьмы –
 ты.

Тимур Алдошин
Из книги «ПУСТЫНЯ»

Дед колотит в колотушку,
чтобы нам не красть,
на зуб пробуя игрушку
под названьем власть.

Ходит-бродит вдоль забора
громко, как урод,
тем подсказывая вору
безопасный ход.

Но и яблок нет в помине
за оградой той –
только Бог грустит о Сыне,
полон пустотой.

Лазят, ищут яблок дети,
да колотит дед...
Ничего на этом свете
не было и нет.

21.6.2010

У Господа Бога всего много, -
так богомолки её утешали. –
Ни о чём не думай, живи строго,
всё перемелется: жизнь большая.

И святые во поле ей говорили:
будет и хорошее, и плохое,
ни о чём не думай, живи Во Имя,
ходи по воде тропой сухою.

Потеряла любимого, потеряла сына...
Не качайся былиночкою повинной:
одна половина жизни – чтобы любить сильно,
чтобы любить тихо – другая её половина.

Дверь в Рай – с другой стороны любого порога.
 Отсюда ушла – значит, пришла куда-то.
 Своя арифметика у Господа Бога:
 когда потеряешь всё – станешь богата.

23.6.2010

Им ли бояться людей,
 если сам Бог их клеймил?
 Комнат, лесов, площадей
 воздух шуршит и не мил.

Сух, как бумага, бел-зной,
 влажен атласом дождь-снег.
 Книгу заботы земной
 пусть там листает дед-век,

жильный, в железных очках,
 на жестяном сундуке...
 Бродит ли в душах тоска,
 ходят ли души в тоске –

что им бояться людей,
 сроков, свиданий и мест?
 Мир ждёт: возьми и владей –
 но только небо окрест.

23.6.2010

Основа жизни – мера:
 сегодня пить и петь,
 а завтра скуке серой
 нести себя под плеть.

Не перепутать плаху
 и брачную кровать:
 на похоронах – плакать,
 на свадьбах – ликовать,

Быть с нищенкой смиренным,
и гордым – с богачом,
чванливых – гнать коленом,
простых – держать плечом.

Не перебрать веселья
в рыдающем миру,
чтоб не было похмелья
потом в чужом пиру.

Не отдаваться страсти
в бездельные рабы,
на свете быть во власти
лишь Правды и Судьбы.

Не врать себе, что смертен:
взломав грудную клетку,
на воле станет сердце
вновь верить, плакать, петь.

Мир, как свою галеру,
простя, благослови,
храня златую меру
терпенья и любви.

23.6.2010

Тампонами как гной
от прокажённых тел,
так облаками зной
ты б снял, когда б хотел.

Хотел бы, выдал всклянь
дождей литой кетгут –
они любую дрянь
разверстую заткут.

Скворчит паяцев плоть,
но ты не пожелал
слегка убавить хоть
свои прожектора.

Единственный в сей день
 желанный человек –
 какая-нибудь тень,
 пьянящая, как снег.

Единственный в сей ад
 любезный сердцу рай –
 нарзаном снегопад
 шипящий через край.

Но косит злей чумы
 проклятая звезда,
 и на земле зимы
 не будет никогда.

Как в избу, из огня
 спасти дитя души
 пусти, кричал, меня!
 Но ты не разрешил.

26.6.2010

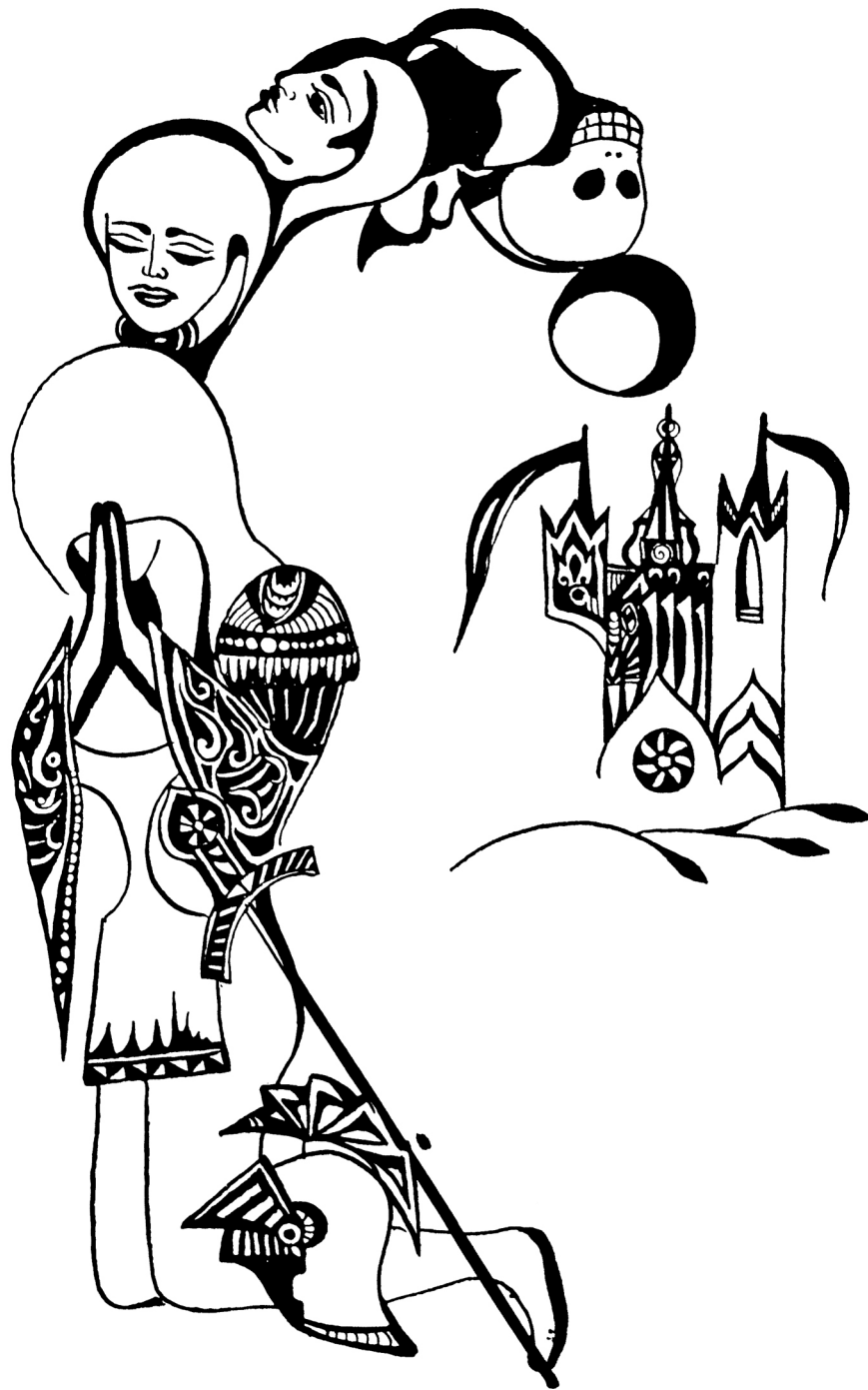
Наказать бы семью ледорубом,
 и уткнуться в блаженные сны,
 распустив по-младенчески губы
 в ожиданьи ментов и весны.

Выть с кнутом по дорогам России,
 расхристав ё-моё неглиже,
 что не будет вам, черти, мессии
 и спасенья не будет уже.

Рухнуть тушей на плиты собора,
 размотав по лампадам кишки,
 в ожиданьи Великого Вора,
 что избавит от этой тоски.

Гумилёвским очнуться жирафом,
 отказавшись от русских полей,
 от Закона отделавшись штрафом
 за убийство в пятнадцать рублей.

26.6.2010

Андрей Бехтерев

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО

Гриша сидел за столом и раскладывал пасьянс. В дверь постучали. Гриша, не выходя из задумчивости, встал открыть. На пороге стоял человек.

- Что? – спросил Гриша

- Ничего - сказал человек.

Гриша хмыкнул и закрыл дверь перед носом Незнакомца. Он хотел вернуться к картам, но в дверь постучали опять. Гриша снова открыл.

- Такие большие куклы ходят вокруг тебя, а ты такой маленький мальчик, – улыбнувшись, сказал Незнакомец и протянул Грише открытку. Гриша взял открытку. Человек кивнул головой и пошел вниз по лестнице. Гриша закрыл дверь и вернулся за стол.

В открытке было написано: "Никто не может спорить с тем, что безукоризненно. Мир, в котором ты живешь давно, как безупречен. Ты обречен этому миру, потому что он умней, благородней, красивей тебя. Он сожрал тебя своей безукоризненностью. Если ты попробуешь его опровергнуть, он опровергнет тебя. Если ты попробуешь его ударить, больно будет тебе. Твой мир переполнен твоей слабостью, твоим неумением сделать хоть что-то выходящее за рамки. Когда-то жил-был принц, который всю жизнь просидел на берегу Океана, считая, что где-то там, с другой стороны, на том берегу находится его Королевство. Он не знал, что другой стороны нет, что Океан бесконечен во все стороны, но его ожидание свидетельствовало об его происхождении. Никто и никогда не ждет чего-либо просто так, без причины. Принца спасла девочка, которую он спас, тебя же не спасет никто, потому что вряд ли какая-то из пяти, до сих пор не разбуженных, Спящих Принцесс проснется от твоего поцелуя. Впрочем, я затем и спустился к тебе, что бы ты мне не поверил".

Гриша смешал наполовину разложенную колоду. Он надел свой единственный пиджак и вышел на улицу. На улице было лето. Жара. Грише стало плохо. Гриша запрыгнул на первый попавшийся троллейбус и поехал. Лишь бы куда-то ехать. Он сел на пустое кресло. Напротив, сидела девушка. Гриша столкнулся с ней взглядом. Какие-то розово-сиреневые круги поплыли у него перед глазами. Гриша потерял сознание и упал на грязный пол, под ноги мрачному кондуктору...

- Знаешь, почему деревянные куклы не любят маленьких детей? Потому что дети слишком мягкие, слишком не скользкие. Потому что они

ПРОЗА

капризничают. Им постоянно больно. Они боятся заноз и поэтому абсолютно не воспитаны.

Гриша открыл глаза, посмотрел в стеклянные глаза, склонившейся над ним большой деревянной кукле и опять закрыл глаза. "Зачем просыпаться, когда снится чушь" - подумал он. Тут его лица коснулась шершавая деревянная ладонь. Гриша вздрогнул и вскочил на ноги. Кукла тоже поднялась и оказалась на голову выше его.

- Ты, действительно, думаешь, что тебе будет весело с нами? – засмеялась кукла, – а вдруг нам будет скучно с тобой? Тогда тебе будет точно не до веселья.

Кукла засмеялась. Гриша, ничего не понимая, огляделся. То, что было вокруг, напоминало Диснеевский мультик изнутри. Настоящее кукольное царство. Разноцветные домики, поля, огороды, размноженные птички- белочки, лакированное солнце, а вдали щетинился башнями нарисованный замок.

- Нравится? – спросила кукла.

- Нет – ответил Гриша – чему тут нравится?

- Ты просто недостаточно деревянен, но это исправимо.

- Не ты ли собрался это исправлять? – огрызнулся Гриша.

- Если бы я имел доступ к твоей ненормальности, я бы обтесал тебя досконально. Но сегодня мне некогда.

- И кому мне сказать спасибо за это? – пробурчал Гриша. Он никак не мог понять, что происходит, и поэтому нервничал.

- Поблагодари меня, – снисходительно улыбнулась кукла, не поняв Гришиной злости – Меня – единственного и абсолютно неповторимого.

- Абсолютно неповторимого? Затупился фрезерный станок? – засмеялся Гриша.

- Не смейся, лупоглазое создание. Неприлично смеяться над тем, что не смешно.

- А я и не смеюсь, – кивнул головой Гриша - я улыбаюсь.

- Твоя улыбка слишком дребезжит – не меняя интонации, сказала кукла.

В это время к ним подошла еще одна деревянная кукла. Она была такой же, как и та, с которой разговаривал Гриша, только в другом колпаке.

- Тебе, Галогало, совсем нечем заняться что ли, как разговаривать с этим бездельником? - спросила другая кукла, улыбаясь от уха до уха.

- Конечно, он бездельник и тупица, – ответил Галогало – но у меня есть, что сказать даже ему. Я, вообще, считаю, что мы, люди, все очень похожи. Все люди очень похожи.

- И на что же они похожи? – огрызнулся Гриша.

- Не прерывай старших, особенно когда их двое – сказал Галогало и повернулся всем своим деревянным туловищем к своему другу – видите ли, я думаю, что в каждом из нас спит свое полено. Я верю, что если хорошенько постучать, то даже в этом мягкотелом создании можно найти сучок.

- Вы, правда, так думаете – искренне удивилась кукла – я бы на Вашем месте, прежде чем утверждать что-то столь остроумное, написал бы свои слова на листочке и перечитал их раз этак пять. Обычно помогает.

- Черт, чушь-то какая – пробормотал Гриша и быстро пошел прочь в первую попавшуюся сторону. Гриша боялся, что его будут догонять, но его никто не догонял. Гриша шел по тропинке и смотрел по сторонам. То, что он видел, все больше и больше ему не нравилось. Вокруг было самое настоящее Деревянное Царство. Большие деревянные куклы копались в огородиках, беседовали друг с другом, проходили мимо Гриши, не обращая на него внимания. Гриша не знал, как относиться к этим куклам. Они были слишком большие, что бы их ненавидеть и слишком нелепые, что бы их бояться или уважать. К ним можно было бы вообще никак не относиться, но на это не хватало никакого высокомерия, потому что эти куклы были всюду.

- Иди ко мне, маленький уродец – вдруг окликнула Гришу большая кукла, сидевшая на траве и окруженная другими куклами.

- Сам ты уродец – обиделся Гриша, но подошел. Кукла засмеялась

- Знаете, господа, за что я люблю, всех этих бродяг и бездельников – обратилась кукла к окружающим – так это за их неисчерпаемое пустословие. Давай-ка, друг, скажи нам что-нибудь такое этакое.

- А думаете, не скажу? – разозлился Гриша – мне плевать, как я попал в ваш маразматический мультик и как я буду из него выбираться, так что я готов послать вас к той самой матери, которая вас всех рожала. Вот, наверное, грохоту-то было?

- Ну, это слишком банально – заворчали куклы.

- Конечно – кивнула главная кукла – 5 том, 10 страница, вторая строчка справа.

- Безусловно. Конечно – закивали куклы.

- А – еще больше разозлился Гриша – вам все еще не смешно? А не устроить ли мне тогда небольшой пожарчик из дюжины начитанных досок? Мне кажется, начитанное бревно будет гореть веселее. Есть чем трещать.

- Фу, как глупо – заворчали куклы - ни проблеска своего. Все ворованное. И ладно бы из газет, а то из энциклопедий.

ПРОЗА

- Конечно, – кивнула главная кукла – третий том, 15 страница, третий параграф.

- Безусловно. Конечно, – закивали куклы.

- Ну и дураки, – совсем вышел из себя Гриша – в принципе скорее я дурак, раз пытаюсь насмешить бревна. С какой-нибудь другой стороны, это, должно быть, выглядит весьма забавным. Вот кому-нибудь должно быть сейчас весело.

- Старо. Старо, – закивали куклы.

- Да, мальчик, – сказала главная кукла – иди отсюда. Я думал ты нам дашь пищу для размышлений, но, судя по всему, нам опять придется обсасывать последний правительственный Гороскоп.

- Приятного сосания – плюнул Гриша и пошел дальше. Он вышел на тропинку. Кукол вокруг становилось все больше и больше. А ему становилось все муторней и муторней.

Вдруг Гриша увидел под одним из нарисованных деревьев девочку, такую же маленькую, как он сам, и, похоже, что совсем не деревянную. Гриша остановился. Он не мог решить является ли отсутствие деревянности достаточным поводом, что бы подойти к незнакомому человеку. Усиленные раздумья, как это обычно бывает, привели его в тупик. Но девочка сама пришла к нему на помощь.

- Привет, – сказала она и кивнула Грише.

- Привет, – кивнул в ответ Гриша и улыбнулся. Он подошел к девочке и сел с ней рядом.

- Ты что здесь делаешь? – спросила девочка.

- Не знаю, честное слово не знаю, – замахал руками Гриша – просто постучали в дверь, а я, дурак, и открыл. Спрашивается, зачем открывать, когда пришли за тобой. Это же полная ошибка. Зачем напрашиваться на сюрпризы? То, что приходит за тобой всегда не то, что ты выбираешь. Такая вот вышла ахинея. А ты, что здесь делаешь?

- Я сижу – ответила девочка.

- Давно?

- Не очень.

- А как тебя зовут? – спросил Гриша.

- Меня зовут Ясенька.

Молодой человек вежливо кашлянул в сторону и переспросил:

- Как-как?

- Ясенька, - повторила девочка - тебе не нравится мое имя?

- Нет, – замотал головой Гриша – только оно странное.

- А, по-моему, в имени не может быть ничего странного, конечно, если ты можешь его выговорить.

- Ясенка – повторил Гриша – я смог тебя выговорить и больше я ничему не удивляюсь.

- А как тебя зовут? - спросила девочка, улыбнувшись на удивление живой и чистой улыбкой.

- Меня зовут Гриша - ответил Гриша.

- Другого я от тебя и не ожидала.

- Ты умеешь мыслить логически? - спросила Ясенка.

- Иногда – ответил Гриша.

- Так вот. Если мыслить логически, то сидение - самый достоверный способ существования. Чувствуешь себя устойчиво, и мир ведет себя достаточно послушно.

- Я знаю, что такое послушный мир. Это когда тебя без причины не бьют по морде.

- А ты - забавный. Хотя ты и не прав.

- Терпеть не могу быть правым. Правота - это слишком безвыходно.

- Да? - удивилась девочка - интересно. Надо будет как-нибудь это обдумать. Хотя скорей всего это бред.

- А ты не знаешь, как отсюда выйти? – спросил Гриша.

- А куда ты хочешь выйти?

- Назад. Если есть сюда вход, то значит должен быть и выход. Разве не так?

- Ничего это не значит - мотнула головой девочка - скорее, если бы ты действительно хотел отсюда выйти - ты бы сюда не вошел. Слушай, может быть, сходим к господину Кудкудаку. Здесь недалеко. Кудкудак обожает зеленых и любопытных. Заодно и я повеселюсь.

- Я не зеленый - пробурчал Гриша.

- Все зеленые так говорят, - хмыкнула девочка и они пошли. Путь был неблизкий, но торопится, как Гриша уже успел догадаться, было абсолютно некуда.

По дороге им встретилась сидящая на табуретке кукла. Она занималась тем, что вбивала себе в голову большие гвозди

- Что это она делает? - удивленно спросил Гриша.

- Она забивает себе гвозди в голову - ответила Ясенка.

- Зачем?

- Что бы ее пожалели.

- А зачем она хочет, что бы ее жалели? – удивился Гриша.

- Она просто романтик.

- И тебе ее жалко? - удивился Гриша.

- Конечно. Гвозди в голову - это так больно. Ты хотя бы прослезись для приличия.

ПРОЗА

- Ну вот еще - ответил Гриша.

Вскоре они подошли к большому картонному домику. Ясенька поднялась на порог. На двери была прибит листок бумаги, на котором было написано крупными буквами: "Я умер на парочку недель. Просьба не беспокоить. Кудкудак".

- Вот, блин - ругнулась девочка - он опять умер не во время.

- А разве можно умереть во время? - спросил Гриша.

- Конечно, если бы он умер завтра - это было бы во время.

- А сколько сейчас времени? - спросил Гриша, обратив внимание, что нарисованное солнце находится на одном и том же месте.

- До куда? - спросила Ясенька.

- Что значит до куда? - не понял Гриша.

- А что значит сколько времени?

- Ну, скажем, сколько времени до вечера?

- До вечера - далеко. Километров – пять, в ту сторону. Зачем тебе вечер? Я там не люблю.

- А у вас вообще есть часы?

- Конечно, есть. Они на башне - Ясенька махнула рукой в сторону нарисованного замка.

В это время дверь, возле которой стояли Ясенька и Гриша, отворилась, и на пороге показалась худая взъерошенная кукла.

- Что вы тут раскудахтались? - недовольно сказала кукла - читать, что ли не умеете?

Кукла ткнула пальцем на надпись на двери.

- Не ори, Кудкудак, пожалуйста. Если ты до сих пор не умер, то мы здесь при чем?

Кукла, нахмутив брови, посмотрела на Ясеньку сверху вниз и хмыкнула

- А, это ты, Ясенька. – сказала она доброжелательней - Я тебя и не узнал. А это что за сопля с тобой?

- Это мой друг - ответила Ясенька.

- Что ж, проходите, друзья друг друга.

Гриша и Ясенька вошли в дом. Внутри было, не на много веселей, чем снаружи. В доме был беспорядок, но он был искусственный, словно нарисованный в качестве образца беспорядка.

- Ну и что вас заставило нарушить мое уединение? - спросил Кудкудак, запрыгнув на извилистый стул.

- Твое уединение было слишком навязчивым. Его трудно было не нарушить - сказала девочка, запрыгнув на соседний стул.

- А читать вы умеете? – спросил Кудкудак.

- Только некрологи - ухмыльнулась Ясенька.

- А где ты выловила эту корягу? - Кудкудак кивнул на Гришу.

- Я не коряга - вступил в разговор Гриша.

- И чем же ты не коряга? - усмехнулся Кудкудак.

- Ты напрасно ухмыляешься - вмешалась в разговор Ясенька - мой новый друг в три раза интересней тебя.

- Я не напрасно ухмыляюсь - засмеялся Кудкудак - я понимаю, что поленом костер не испортишь, но не все что горит - дерево.

- Ты слишком хорошо учился в школе - ответила Ясенька.

- И чем же твой новый друг так необычен? - усмехнулся Кудкудак.

- Он задает неправильные вопросы - ответила Ясенька.

- Да - мгновенно сменил свой высокомерный тон Кудкудак - Неправильные вопросы нынче большая редкость - затараторил он - неправильные ответы уже всех достали. Каждый может ответить, что угодно, но ни у кого не хватает наглости, что угодно спросить. Нахальных людей много, а наглости все равно не хватает. Итак, я слушаю ваши вопросы, мой интересный господин.

Гриша, к которому и относилась вся эта тирада, и который никак не мог простить Кудкудаку ассоциирование его с соплей, хмыкнул.

- Понятно - засмеялся Кудкудак - видимо тебе действительно есть, что спросить, иначе бы так не набивал себе цену.

- Я, вообще не знаю, о чем вы говорите, - сказал Гриша, поморщившись - я, действительно много не понимаю из того, что происходит, но это не значит, что мне это интересно. Да ходите вы все хоть на головах вы будете для меня только придурками ходящими на головах и не более. Узнавать, почему у вас валенки вместо варежек у меня нет никакого желания, уж поверьте.

- Замечательный спич - засмеялся Кудкудак - давненько я не слышал ничего более свежего. Значит мы все кудкудакнутые?

Гриша взглянул на Ясеньку. Ясенька взглянула на Гришу. Гриша решил не отвечать на вопрос.

- Может быть, вино? - спросил Кудкудак.

- Странно, что у вас есть вино - сказал Гриша.

- А что тут странного. Как говорится, пьяное дерево и в огне дымится, и в воде не портится. Ха-ха-ха. Давайте-ка, выпьем. Так сказать проветрим целлюлозу.

Кукла встала и достала из-за потрескавшегося угла большую бутылку с красной жидкостью.

- Давайте, выпьем и начнем удивляться собственному красноречию - сказал Кудкудак и живо разлил жидкость по трем стаканам. Вскоре вино было выпито. Потом еще раз и еще, после чего разговор стал непринужденным и немного заикающимся.

ПРОЗА

- Знаете, как иногда хочется изменить все краски, - сказала Ясенька после очередного тоста.

- Объясни, про что ты и, может быть, мы тебя пойдем - усмехнулся Кудкудак.

- Не знаю, поймете вы меня или нет, но так хочется все смешать и перепутать, что бы все стало неправильно. Почему желтый цвет - это солнце, зеленый – трава. Почему синий цвет – холодный, оранжевый - теплый. Должен же, в конце концов, настать момент, когда все это станет неправдой. Разве это не должно однажды стать ерундой.

- Какой еще ерундой? - не переставал смеяться Кудкудак.

- Да все той же. Что бы сделать белку, нужны три краски, что сделать птицу – две, что бы настало лето – всего одна. Но не может же одна и та же дрянь, срабатывать бесконечно. Должно же однажды, что-то сорваться. Так, что бы перемешать все краски и не вызвать при этом тошноты у окружающих. Почему бы и нет?

Гриша с удивлением посмотрел на разгоряченную девушку, а Кудкудак не как не мог найти повод, что бы вставить едкое словечко.

- Знаешь - сказал, наконец, он, с ухмылкой на всю свою кукольную морду - если перемешать все краски, то ты пожалеешь, что родилась симпатичной и, для некоторых частей тела, неотразимой барышней. Если дрянь, на которой держится мир, перестанет работать, то ты, дорогая, боюсь, что станешь пугалом на каком-нибудь огороде.

Кудкудак захохотал.

- А ты уже пугало – вмешался Гриша – может, тебе полезней умирать себе дальше и ни пугать ворон вроде нас.

Ясенька взглянула на Гришу, и в глазах ее блеснул огонек.

Кудкудак возмутился.

- В конце концов - сказал он - это не я вас воскрешал из небытия.

- Представляю я себе твое небытие, - усмехнулся Гриша, - среди консервных банок из-под сладкой кукурузы.

- А я ведь вас вином угощал - недовольно пробурчал Кудкудак.

- А мы тебя к черту послали - окончательно разозлился Гриша – так что в расчете.

Гриша встал и взглянул на Ясеньку. Девочка тоже встала.

- Ты думаешь, что это зеленая субстанция и есть твой друг? - растерянно спросил Кудкудак.

- Нам пора - ответила Ясенька, и взяв Гришу за руку пошла к выходу. Они вышли. Ясенька на прощание со всего маху хлопнула дверью.

- Я первый раз хлопаю дверью - сказал она смеясь.

ПРОЗА

- Поздравляю - улыбнулся Гриша.
- Теперь нас больше сюда не пустят.
- Ты думаешь, он обиделся?
- Нет, не обиделся. Просто не пустит и все.
- Ты думаешь, он сейчас будет умирать?
- Конечно. Что ему еще делать?
- А что теперь будем делать мы?
- Я думаю, что мы будем идти – сказала Ясенька - потому что здесь нам уже нет смысла стоять.

- И в какую сторону?
- Мне все равно.
- Тогда, может быть, сходим туда - Гриша кивнул в сторону нарисованного дворца.

- Ты хочешь в город? - спросила Ясенька. Гриша кивнул.

- Пошли.

Они взялись за руки, и пошли по тропинке.

Через несколько минут, Гриша увидел стоящую рядом с дорогой большую лакированную корягу, на которой золотыми буквами было написано: "Тем, кто погиб - от тех, кто умер".

- И что это значит? - спросил Гриша.

- Это памятник - ответила Ясенька.

- Памятник коряге?

- Как может быть коряга памятником коряге? Это памятник всем героям.

- У вас есть герои?

- А как же.

- И что они сделали героического?

- Откуда я знаю. Для того и ставятся памятники, что бы, не загромождать свою память. Зачем помнить про долг, который отдал. Это неразумно.

- Не хотел бы я быть настолько разумным – сказал Гриша.

Ясенька засмеялась.

- Откуда ты взялся такой странный? - спросила она.

- Я же тебе рассказывал.

- Я тогда тебя не знала и поэтому решила, что поняла. Но сейчас я опять тебя не понимаю.

- А что тут понимать. Все очень просто. Мне постучали в дверь и дали непонятную записку. Я ее прочитал, пошел гулять и упал. Ну и провалился сюда.

- Свалился к нам с неба?

Гриша улыбнулся.

ПРОЗА

- Вряд ли с неба. У вас есть телевизоры?

- Конечно, есть.

- А по ним показывают мультики?

- Да. У нас есть телевизоры, по которым показывают мультики.

- Так вот я вот этот мультяшный герой и есть.

Девочка засмеялась.

- Ну и как вам живется там? Я даже не представляю.

- А что тут представлять? Все то же самое, только совершенно по-другому.

Ясенька еще раз засмеялась. У нее был такой ясный и чистый смех и такая светлая улыбка, что Гриша все больше и больше влюблялся в эту девушку.

- Я просто не представляю, как можно жить в мультиках. Это, наверное, так бестолково.

- Конечно, бестолково - кивнул головой Гриша - но если привыкнуть, то можно не удивляться тому, что каждый день может стать по-настоящему новым днем.

- Но ведь это же ад – перестала улыбаться девочка - Как можно жить в аду?

- Почему ад? – не понял Гриша.

- Да потому что это хаос, Хаос, если ты столкнешься с ним наяву, сожрет тебя.

- Какой еще хаос? - улыбнулся Гриша, но Ясенька не ответила на его улыбку.

- Ты просто не знаешь, что это такое – сказала она - и как его надо бояться. Было несколько случаев, когда люди встречались с ним. Они хотели выйти из этого мира, искали двери, но за каждой дверью идущей отсюда стоит Он.

- Кто он?

- Хаос. Это такая зараза, ты не представляешь. Я сама видела человека, который объелся Хаоса. Кошмар. Человек заживо разлагается. Его тело растрескивается и превращается щепки. Из человека выползают щупальцы, как у осьминога, они пережевывают его и забирают с собой в ад.

- Господи. И что делают с такими больными.

- Их бросают в огонь.

- И они умирают?

- Ты смеешься? Они исчезают вообще, представляешь. Раз и навсегда.

- Действительно страшно, но я, наверное, из другого мультика. Поверь, я не заразный.

- Про хаос не бывает мультиков - сказала Ясенька и улыбнулась - Я знаю, из какого ты мультика.

- Из какого?

- "Про путешествующую соплю". Я угадала?

Гриша обиделся.

- Нет - отрезал он и замолчал.

- Ну не обижайся - засмеялась Ясенька - я пошутила. Когда человек обижается на шутки, с ним начинают говорить серьезно. Ты хочешь, что бы я стала гнусавить с тобой, как Кудкудак?

- Нет - сразу же перестал обижаться Гриша - просто я еще не совсем понимаю, когда ты говоришь серьезно, а когда шутишь.

- А что тут понимать. Если тебе смешно, то значит, я шучу, а если тебе не смешно, значит, у тебя нет чувства юмора.

- Но, что может быть смешного, когда тебя сравнивают с соплей?

- А ты в зеркало смотрелся когда-нибудь, звезда телеэкрана?

Гриша хотел сказать, что "да", но вспомнил, что с тех пор, как он попал в деревянную страну, он не разу не видел себя в зеркале.

- И на что я похож? - спросил он остановившись. Ясенька тоже остановилась и, улыбнувшись, кашлянула в сторону.

- А ты не обидишься? - спросила она с лукавой улыбкой.

- Я хочу посмотреться в зеркало - сказал он, нахмурившись. Мысль о том, что он стал уродиной, ужасно его расстроила. "Мало того, что влюбился, так еще и уродом стал?" - недовольно подумал он.

- А ты не боишься? - спросила Ясенька.

- Уж лучше знать, что ты урод, особенно, когда ты на самом деле, урод.

- А по моему если ты будешь знать, что ты урод, то ты никогда не станешь красивым, это во-первых, а вторых, кто тебе сказал, что ты урод?

- Ты только, что сказала.

- Ничего подобного я не говорила. Ты очень даже симпатичный и мне ты очень нравишься.

Ясенька стремительно подошла к Грише и поцеловала его в щеку.

- Видишь, я совсем не боюсь заразиться - сказала она, смеясь, и вытерла рукой свои губы. Гриша засмеялся, и они пошли дальше.

- Слушай, Ясенька, а сколько тебе лет?

- 15 - ответила девушка.

- Да? - немного расстроился Гриша - ты еще совсем маленькая.

- Что значит еще?

- Ну, это значит, что скоро станешь большой.

Ясенька удивленно посмотрела на Гришу и развела руками.

ПРОЗА

- Я совсем забыла - сказал она - что ты из мультика. У нас возраст человека определяется при рождении. Как человек рождается, ему делают срез и по кольцам определяют, сколько ему лет. Мне при рождении определили, что мне 15 лет. Может быть, и обманули, кто их знает. Я свои кольца не видела, не считала. Но 15, так 15. Лично мне нравится это число, потому что я к нему привыкла.

- Интересно у вас. А если тебя обманули, и ты никогда об этом не узнаешь.

- Ну и плевать. Главное, что бы то, что ты думаешь о себе, тебе самой нравилось.

Они пришли к замку. Кукол вокруг стало больше. Это был город. Башня, которая казалась нарисованной, стала объемной. На башне были часы. На часах была одна стрелка, и она показывала на 12 часов. Гриша стал искать глазами солнце и нашел его прямо над своей головой.

- Это центр мира. Солнце здесь прямо над нами - сказала Ясенька.

В это время Гришино внимание привлекла процессия из огромного количества кукол. Кукла шедшая впереди была почти в два раза выше всех остальных. Смысл процессии, как догадался Гриша, заключался в том, что шедшие позади куклы должны были в точности повторять движения своей главной куклы

- Это что? - спросил Гриша, показывая на процессию.

- Это верующие идут в храм.

- А что это за дылда впереди?

- Это священник.

- Понятно - кивнул Гриша.

- Если хочешь, давай пристроимся к ним. Я думаю, тебе будет интересно, послушать проповедь.

Гриша согласился, и они пристроились к концу колонны.

- Повторяй движения. Это не сложно - сказала девочка. Они стали маршировать вместе со всеми куклами. Куклы маршировали синхронно, без запинки. Гриша же постоянно сбивался с ритма и несколько раз наступил на пятки впереди идущей кукле. Кукла пыталась делать вид, что не обращает внимания, но даже со спины было видно, что она давится злостью. У Ясеньки напротив все получалось четко и автоматически. Она почти не сдерживала смех, глядя на неуклюжее топтание Гриши. Наконец, когда священник резко остановился, сделал два шага назад, и все куклы с готовностью повторили этот вираж, Гриша со всего маху налетел на впереди идущую куклу и свалил ее. Кукла упала на следующую куклу, та зацепилась за рядом стоящую, и образовался

небольшой завал. Гриша, поднявшись, вопросительно посмотрел на Ясеньку. Девочка хохотала.

- Класс, у тебя так здорово получается ходить не в ногу - сказала она ему. Тем временем куклы быстро вскочили на ноги и продолжили движение. Гриша старался идти аккуратней, но чем больше он старался, тем меньше это у него получалось. И когда Гриша в очередной раз наступил на ботинок впереди идущей кукле, та не выдержала, и обернувшись к Грише, злобно прошипела:

- Сколько можно?

Глаза у куклы были в виде двух огромных пуговиц с четырьмя дырочками.

- Я первый раз здесь танцую, - пробормотал Гриша.

Глаза куклы быстро провернулись вокруг своей оси, выражая крайнее удивление, после чего кукла поскакала дальше. Гриша с Ясинькой поскакали следом. Вскоре вся процессия подошла к дверям храма, напоминающего огромную резную деревянную шкатулку. Священник распахнул ворота, и чуть не задев макушкой верхний косяк, вошел в храм. Куклы ввалились следом. Внутри храма было 12 колон, подпирающих купол. Они располагались по окружности. В центре было круглое возвышение с 4 ступеньками. Священник запрыгнул на возвышение и поднял руки вверх. Куклы стали занимать места. Ясенька дернула Гришу за рукав.

- Нам сюда - сказала она, и они проскакали в ближнее к стене место между двумя колоннами.

- А почему именно здесь? - спросил Гриша.

- Потому что - ответила Ясенька.

- Друзья мои - заголосил тем временем священник - сегодня я хочу рассказать вам о Боге. Вы все, конечно, знаете, в чем смысл нашей бесконечной жизни. Смысл нашей жизни сделать будущее предсказуемым. Мы все стремимся к тому, что бы наше представление о завтра не отличалось от того, что завтра действительно с нами произойдет. Конечно, будущее коварно. Оно часто начинает извивается как гадина, а иногда может дать задний ход. И все мы, конечно, знаем, что Великий и Единственный дал нам мощнейшее оружие в борьбе с нашим будущим. И имя этому оружию - Гороскоп. Все мы от рождения поделены на 12 знаков, 12 секторов, 12 сортов дерева. Нас сделали из разных деревьев только для того, что бы удобней было предсказывать наше будущее. Каждый вечер все мы слушаем по радио о том, что нас ждет завтра и каждое благочестивое полено старается сделать все, что бы то, что было предсказано ему в Гороскопе, произошло на самом деле. Одна верующая мне рассказала на исповеди историю, как ей было предсказано, что день

ПРОЗА

будет плохим, и что она подвернет свою ногу, и как она целый день боялась выходить на улицу и подворачивать себе эту несчастную жалкую ногу. И только после глубокой и продолжительной молитвы она решилась выйти. И Бог помог ей. Он не стал ее долго мучить. Она споткнулась прямо с порога и тут же подвернула себе ногу.

Вздых восторженного удивления пронесся по храму.

- Вот друзья мои, что может с нами сделать вера. Вера, как говорил, Великий и Единственный, может из каждого сделать полено. 12 столпов лежит в основе нашей церкви и 12 столбов символизирует эту основу. Самый большой грех - это не знать свое будущее или что еще страшней не быть похожим на то, что пишет о тебе твой Гороскоп. Я знаю, некоторые неверующие оправдывают себя, говорят, что не помнят из какого дерева их выпилили. Но это трухлява, как выражается благочестивая молодежь. Каждый из нас способен и, следовательно, должен быть таким каким его хотят видеть и тогда вы не узнаете, что такое ад. Вы можете спросить меня, а что же такое ад. Мы видели, как разлагаются люди, которых коснулось дыхание ада, как бездна хаоса прорастает сквозь них. Посмотрите на эту стену - проповедник указал своей длинной рукой на одну из стен. Тотчас включилась какая-то подсветка и Гриша к своему удивлению увидел на стене огромное живописное изображение самого обыкновенного соснового леса с папоротником. Вздых ужаса пронесся по залу.

- Вот как выглядит ад, - заголосил священник с придыханием - так увидел его во сне наш Великий и Единственный и я своею слабою рукой как смог попытался изобразить это величие. В аду столько сырости, столько дикости, столько варварства. Того самого, которое смог победить наш Бог сотворив Вселенную.

Некоторые особо злобные философы утверждают, что без этого хаоса не было бы порядка, что мы все выпилены из этого теста, на что я отвечаю, как можно из нуля сделать единицу, как можно из ничего сделать что-то? А если даже такое возможно то ноль - это не слагаемое, прибавляй или не прибавляй, ноль прибавляет ничего. Следовательно, даже если из хаоса что-то и сделано, то хаос в этом не принимал участия. Если даже из хаоса и рождается порядок, то не хаос его рождает. И, следовательно, если даже что-то и было под руками Бога, когда он творил нас, то это что-то, абсолютно не имеет никакого значения. Бог мог нас создать из чего угодно. Конечно, мы могли при этом выглядеть не совсем так, как выглядим сейчас, да и пахнуть могли бы по-другому, но мы были все равно абсолютно теми же. Мы также стояли бы сейчас в этом нерукотворном храме и слушали проповедь. Это абсолютная истина и, следовательно, все вы со мной согласны. И последнее, что я хотел бы

сегодня сказать и показать. Вы все, конечно, слышали, что сегодня всем 12 знакам предсказано великое удивление, и я надеюсь, что все вы уже приготовились удивляться. И не просто открыть рот для приличия, как еще делают некоторые не до конца благочестивые граждане. А по-настоящему от всего сердца удивиться. Представьте себе на минуту, как бы вы удивлялись, если бы вы не были бы готовы удивляться? Вы бы даже не поняли, в каком месте надо открыть рот, а в каком ахнуть. Сейчас же, когда вы готовы, вы можете со всей полнотою осознать, как грандиозно то, что вы удивите. Я уверен, что вы меня не подведете, я не могу в вас сомневаться, потому что мне в этом месяце предсказано, что моя паства будет вести себя образцово. Как говорил наш Великий и Единственный: "Делай, что тебе говорят, и тогда тебе будут говорить только правду". И еще как говорил наш Великий и Единственный: "Для того, что бы услышать голос своего разума достаточно постучать головой о пол". Итак - священник сделал паузу - смотрите и удивляйтесь. Сегодня я покажу вам, как выглядит Бог. Великий и Единственный видел его во сне, и я по мере своих неисчерпаемых сил изобразил услышанное. Да будет: "Ах!"

В этот момент что-то свистнуло под потолком, и на всю стену развернулась полотно. Тотчас включилась яркая подсветка, заиграли трубы, и взору всех открылась картина. На картине был нарисован мужчина с бородой, в рубахе и рубящий дрова. Гриша засмеялся, но его смех потонул в общем "Ахе".

- Я тоже умею рубить дрова - сказал Гриша Ясеньке.

- Что? - переспросила Ясенька, не расслышав.

- Я тоже умею рубить дрова - громче повторил Гриша.

- Что? - опять переспросила Ясенка, потому что было слишком шумно.

- Я тоже умею рубить дрова - прокричал Гриша и на этот раз его слова улетели под самый купол Храма, так как совершенно внезапно все замолчали. Куклы повернулись к Грише. Повисла пауза.

- Не смотрите на эту болотную корягу - решил взять инициативу в свои руки священник - вам всем послышалось.

- И что им всем послышалось? - во весь голос ответил Гриша.

- А ты разве не знаешь, что невежливо говорить ерунду, - повысил голос священник.

- Вы абсолютно невежливы, - усмехнулся Гриша.

- Не зли его, - испуганно прошептала Ясенька, но Гриша вошел во вкус.

ПРОЗА

- И, вообще, - растягивая слова сказал Гриша - я тоже умею рубить дрова и выпиливать лобзиком и, следовательно, я и есть ваш Бог, так что прошу любить и жаловать.

Куклы хотели ахнуть, но второй ах не был предусмотрен в их гороскопе на сегодня. Однако некоторые, особо чувствительные особы упали в обморок, увлекая за собой, рядом стоявших.

- Бежим, - испуганно сказал Ясенька, хватая Гришу за рукав. Гриша понял, что сказал лишнее.

Они вместе с Ясенькой выскочили на улицу, пересекли площадь, и забежали в один из двориков. В дворике никого не было. Они посмотрели назад. Никакой погони за ними не было.

- Извини. Вырвалось, - сказал Гриша.

- Да я другого от тебя и не ожидала, трудно молчать тому, кто болтает ерунду.

- Остроумно.

- Так говорил наш Единственный и Великий - усмехнулась Ясенька.

- А кто это?

- Наш царь. И даже больше, чем царь. Это тоже самое, что Бог, только Бог непонятно где и с кем, а Царь всегда где-то рядом.

Ясенька еще раз выглянула на площадь. На ней все было тихо и пустынно за исключением некоторых прогуливающихся кукол.

- Ну, мы и влипли - зло сказал Ясенька - и какой черт тебя понес объясняться в любви этим недоструганным козлам. Ты думаешь только о себе. А то что не только тебе могут подпилить ножки, ты похоже и не думал. Я и без того уже маленькая.

- Да ладно тебе, Ясенька, - расстроился Гриша - за нами же никто не гонится.

- В том то и дело. Раз за нами не гонятся, значит, нас уже поймали.

- Как это? - не понял Гриша.

- Так это.

В этот момент, непонятно откуда, прямо перед ними появились пятеро здоровых, почти квадратных кукол с железными прутьями.

- Надеюсь, вы знаете, что вас сейчас арестуют? - сказали они молодым людям.

- Нет, - зло отрезала Ясенька.

- Тогда знайте - засмеялись куклы.

- Если кто-то тут в чем-то виноват, то это я. Так что где тут ваша тюрьма. Мне пофиг. Только ее не трогайте, - сказал Гриша, сделав шаг вперед.

- А мы и не собирались ее трогать - опять засмеялись куклы - но теперь после такой речи нам ничего не остается, как арестовать и ее.

Их привели в тюрьму и посадили в разные камеры. Уже с самого входа в тюрьму, их развели в разные двери. Гришу провели по идеально грязному коридору. Со скрипом отворилась дверь. Гришу толкнули в спину. Щелкнул замок. Гриша остался один в тесной камере. Гриша был расстроен из-за Ясенки.

- Ну и что ты натворил? - раздался голос из угла. Гриша пригляделся и увидел в углу небольшую, заросшую мхом куклу.

- Ты кто? - спросил Гриша.

- Не бойся, - улыбнулась кукла - Я тебя не съем. А если и съем, то в переваренном виде, ты будешь выглядеть не намного хуже.

- Я тебя не боюсь - сказал Гриша.

- Так за что ты здесь. Может быть, это мне следует тебя бояться?

- Я подвел девочку.

- Куда?

- Ее арестовали из-за меня.

- А тебя арестовали почему?

- Меня арестовали за то, что я дурак.

- А ты не льстишь себе? - усмехнулась кукла. - Честно говоря, я давно уже не видел настоящих дураков.

- Вам бы зеркало на стенку - усмехнулся Гриша.

Кукла улыбнулась, заворочалась в углу и спустя некоторое время стала смеяться. Гриша сел на один из больших мешков сваленных в углу и, не обращая внимания на куклу, задумался.

- Такие большие куклы ходят вокруг тебя, а ты такой маленький мальчик - сказала кукла, перестав смеяться. Гриша поднял голову и снова посмотрел в угол.

- Где-то я уже слышал это - сказал, больше самому себе Гриша.

- Еще бы - улыбнулась кукла - более того, скоро ты поймешь, о чем я говорю. С третьего раза люди понимают даже то, в чем нет никакого смысла.

- Вы знаете меня? - спросил Гриша.

- Да. Ты один из тех, кому мы снятся. Ты очень опасное существо. Мы все молимся на то, что бы тебе, не приснился кошмар.

- И как мне отсюда выбраться?

- Ты хочешь отсюда выбраться?

- Конечно. Я чувствую себя здесь сумасшедшим.

- У тебя есть два варианта выхода отсюда. Или ты проснешься, вернешься к себе домой, назад и твоя жизнь продолжится, как ни в чем ни

бывало. Это будет твоим поражением. Второй вариант: ты можешь сломать этот мир, вывернуть свою жизнь наизнанку и выйти с другой стороны.

- А другая сторона - это где?

- Другая сторона - всюду, во все стороны.

- Значит у меня всего лишь два варианта?

- Человек, два варианта - это не всего лишь. Два варианта - это бесконечно много.

- А, по-моему, два - это только раз и два.

- Хорошо. Раз тебе мало двух вариантов, то я дам тебе еще и третий. Он слишком банальный и почти не отличается от первого. Я не хотел давать его тебе, но раз ты настаиваешь. Третий вариант такой: однажды куклы вокруг тебя оживут, станут такими же как ты. Часы пойдут вперед. Солнце сдвинется с места. Это будут означать только то, что ты сам стал деревянным.

- Я не могу стать деревянным.

- Почему?

- Потому что это не написано в моем Гороскопе - попытался пошутить Гриша, но кукла шутки не поняла.

- А ты давно здесь сидишь? - спросил Гриша, спустя минуту.

- Как сел, так и сижу. А ты будешь четвертым. - ответил старик.

- А - усмехнулся Гриша - я и забыл, что у вас время кукольное - от представления, до представления.

Кукла улыбнулась и опять зашевелила своим мхом.

- Когда ты будешь умирать, - сказал старик, тщательно пережевывая каждое слово - А ты судя по всему однажды шагнешь на балкон, которого нет, то тогда ты поймешь, что время - это не вытекший песок и это не расстояние, время - это стоп-кадры, в которых мы были.

Гриша задумался.

- Как тебя зовут? - спросил наконец он.

- Коростыль - ответил старик с готовностью. В его голосе мелькнула интонация гордости.

- Интересные у вас имена - пробурчал Гриша - Как будто вы их сами себе придумываете.

- Нет - улыбнулась кукла - Мы просто вырастаем из наших имен. Имя - это как семя, посаженное в горшочек. Имя, которое нам дают, прорастает и появляемся мы - единственные и неповторимые.

- То есть, у вас ни у кого нет двух одинаковых имен?

- Конечно, нет. - сказал Краковяк - У каждого свое имя.

- Что бы хоть чем-то отличаться?

- Что бы Бог мог запомнить каждого из нас.

- Не завидую вашему Богу - сказал Гриша.

- Индивидуальность имени - больше, чем индивидуальность внешности.

- Я так не думаю.

- Ты просто не веришь в нашего Бога.

- Может быть - улыбнулся Гриша - зато вам трудно не верить в него. Вы все не больше, чем свидетельства его настроения, его таланта, его пристрастий. По большому счету, кроме вашего Бога тут никого и нет.

Коростыль недовольно крикнул.

В этот момент послышался шорох за дверью. Коростыль и Гриша замерли в ожидании. Ключ с треском провернулся в замочной скважине, и на пороге показались два больших охранника.

- Ты или ты? - спросил один из них, остановившись посреди камеры.

- Он, - с готовностью показал пальцем на Гришу, старик. Охранник повернулся к Грише и схватил его за шиворот. Гриша недовольно дернулся, пытаясь вырваться. Охранник моментально отпустил Гришу.

- Ты разве не знаешь, что нельзя сопротивляться без разрешения? - удивленно спросил охранник.

- Он не здешний, - крикнул из угла Краковяк.

Охранник взглянул на куклу.

- Если бы он был не здешний, он не был бы здесь - сказал охранник и ухмыльнулся.

Гришу привели в небольшой кабинет. В комнате за столом сидела высокая кукла в колпаке. Охранники вышли.

- Меня зовут Крундукук - представилась кукла и указала Грише на стул. Гриша сел. Кукла взяла со стола пачку подшитых листов и пролиставала их.

- И что вы можете возразить на все эти обвинения? - спросил Краковяк, кивая на бумаги.

- Я не знаю, в чем меня обвиняют, - ответил Гриша.

- Да? - удивился следователь - а вы разве не знаете, что не знание обвинения усугубляет вину.

- Ну и пусть, - стал злиться Гриша - я хочу знать, в чем меня обвиняют.

- Хорошо - мотнула головой кукла - тут написано, что ты утверждал, что ты Бог. А это уникальное преступление.

- А если я на самом деле - Бог?

Следователь попытался выпучить свои глазки, но у него это плохо получилось.

- Ты не можешь быть Богом - сердито возразил следователь.

ПРОЗА

- Вы просто не верите в Бога.

Следователь еще раз стал выпучивать свои глазки. На этот раз получилось лучше.

- Если бы вы верили в Бога, вы бы допускали бы возможность его существования. А если бы вы допускали бы возможность его существования, вы бы допускали бы возможность его существования среди вас, а если бы вы допускали бы возможность его существования среди вас, то вы бы допускали бы, что он может существовать в ком угодно и когда угодно - выпалил Гриша сам удивленный своему красноречию.

Следователь долго и неподвижно смотрел на Гришу, потом встрепенулся, и на лице его появилось прежде снисходительное выражение.

- Не важно где, но вы где-то ошибаетесь - сказал он.

- А, может быть, это вы ошибаетесь?

- Я не ошибаюсь. Я - следователь.

- Я не буду отвечать на ваши вопросы, - решил опять удивить Гриша.

- А я тогда не буду больше спрашивать - сказал следователь и стал, что есть сил стучать по столу. Тотчас вошли охранники.

- Что со мной будет, - обречено спросил Гриша - я хочу увидеть Ясеню. Что с ней?

- Какая еще Ясеню? - не понял следователь - забудь про все. Сейчас тебя отведут на полировку.

- Какую полировку? - не понял Гриша.

- Тебя хочет видеть Великий и Единственный, - повысив голос сказал следователь, и, встав, склонил голову в знак уважения к своему уважению своего Царя. Охранники тоже выдержали благородную паузу, после чего потащили Гришу в мастерскую, где его тщательно отполировали, причесали, умыли и почистили зубы. После выполнения всех дежурных процедур, Гришу посадили в огромный спичечный коробок и поволокли. Когда коробок открыли, Гриша обнаружил себя перед дверьми огромного, внушающего уважения своими размерами, дворца, похожего на тумбочку. Двери открылись, и Гришу повели по лестнице наверх...

Великий и Единственный был самой обыкновенной куклой, только на лбу у него была очень искусная резьба, видимо, как знак его царской власти. Охранники вышли, и Гриша остался с Царем один на один.

- Надеюсь, это не я украд у тебя твою улыбку? - спросил, улыбнувшись, Царь.

- Я вас первый раз вижу - после паузы ответил Гриша.

- Я тоже первый раз тебя вижу, но я хорошо знаю тебя. Ты хочешь быть Богом. Последствия этого желания самые предсказуемые из всех последствий. Тот, кто хочет быть Богом, в конце концов, не может стать даже куклой.

- Я не хочу быть Богом.

- Тебя оклеветали?

- Нет - сказал Гриша - Просто я один из тех, кто мог бы быть вашим Богом.

Царь засмеялся.

- Бог - это тот, кто смог, а не тот, кто мог бы. Будь ты хоть трижды слесарем, пока ты не выпилишь самого себя, ты так и останешься слесарем.

- А может быть, вместо того, что бы выпиливать себя, выпить грамм двести?

- И после этого ты утверждаешь что ты – Бог? Что такое Бог без творчества?

- Я для вас больше, чем Бог, – разгорячился Гриша - Потому что мне не интересно быть вашим Богом. Желание творить идет от неполноценности. Это попытка восполнить себя за счет окружающего мира. То, что мы творим - это не мы, а то, что нам не хватает. Бог не может жить без сотворенного им мира, потому что только вместе с ним он полноценен. А я не хочу искать свою полноценность среди бревен, пусть и выпиленных мной.

Царь задумался.

- Из тебя бы получилась неплохая прищепка - сказал он, наконец - Что бы удержать на лету ту ахинею, которая болтается у тебя в голове, ты цепляешься за слова. Тот, кто играет словами, тот всегда проигрывает. Ты думаешь, что если в том, что ты говоришь и делаешь, не будет смысла, то ты оригинален? Что если тебя никто не понимает, то за тобой будущее? Здравый смысл - вот точка отсчета вокруг, которой вращаются слова и мысли законопослушных граждан. Они знают, чего хотят, потому что они хотят только то, что знают. И они всегда добиваются успеха, просто потому что ничего другого им не остается.

- Я хочу уйти отсюда, - сказал Гриша.

- Иди - усмехнулся Царь.

- Вы меня выпустите? - спросил Гриша. Царь засмеялся.

- Ты действительно похож на Бога. Он тоже сначала построил мир, а потом стал спрашивать разрешения войти. И он так долго спрашивал разрешения, что ему было отказано.

ПРОЗА

- Я допустил тебя до себя для того, что бы ты поговорил с ним, - шепотом сказал Царь, склонившись над Гришиным ухом - у него вторую неделю запой и мне скоро нечего будет рассказать своим поданным.

- Вы про что? - не понял Гриша.

- Про Бога.

- Он где-то здесь? - удивился Гриша.

- А где же еще ему быть. Он здесь, в чулане.

- Вот оно что, - усмехнулся Гриша - Теперь я понял, почему вы такой умный. Вы просто общаетесь с Богом.

Великий и Единственный рассерженно закрутил глазами, встал в свой полный рост и со всего маху стукнул Гриша по лицу. Гриша упал со стула. Было больно.

- Послушай свою боль, - сказал Царь - она говорит тебе о казни.

Гриша поднялся и опять сел на стул.

- Если я такой умный от общения с этим пьяницей, то отчего скажи мне так красива твоя подружка? Уж, не от общения ли с тобой? – зло сказал Царь.

- Ясенька? - пробормотал Гриша - что вы с ней сделали?

- Мы сделаем с ней то, что ты захочешь. Выбирай. Она может вернуться к себе домой и зажить прежней скучной жизнью, а может умереть вместе с тобой, но по-настоящему и навсегда.

- Пусть живет - сказал после раздумья Гриша. Царь засмеялся.

- Какой ты, однако, эгоист и жадина. Даже смертью своей не хочешь поделиться. Пошли со мной. Время говорить с Богом.

Царь встал и кивком головы позвал Гришу за собой.

Они одни прошли по пустому узкому туннелю, потом еще по разным закоулкам, пока не выбрались через люк в небольшой пыльный чулан. Запахло спиртом и опилками. Царь молча прошел в угол, забрался на табурет и стал проворно цеплять на себя крючки, от которых под потолок тянулись ниточки. Зацепившись на крючки, царь спрыгнул с табурета и безжизненно повис.

- Разбуди его, - прохрипел царь, в судорогах кивая на диван, на котором кто-то лежал. Гриша подошел к дивану. На диване лежал Бог. Гриша тронул его за плечо. Бог сразу же проснулся и испуганно поглядел на Гришу. Гриша развел руками, не зная, что сказать.

- Ты кто? - спросил Бог.

- Гриша.

- Что ты делаешь в моей конуре?

- Я хочу поговорить с Вами.

- Странное желание, - сказал Бог и махнул рукой. Тотчас зажглись свечи.

- Ты хочешь рассказать или услышать?

- Я хочу спросить вас, вы что-нибудь знаете про кукольное царство?

Бог поморщился.

- Пить будешь?

- Да - согласился Гриша.

- Там посмотри под столом бутылка, а на столе - стаканы. Давай их сюда, на табурет.

Они выпили и закусили хлебом.

- Ты задал идиотский вопрос - сказал Бог – Не делай из меня идиота, если можно. Может быть, у тебя есть другие вопросы?

- Где я? – спросил Гриша.

- У меня.

- А где вы?

- Дома.

- А можно посмотреть, что у Вас за дверью?

- Посмотри.

Гриша встал, подошел к двери и открыл ее. За дверью был лес. Сосновый лес с высоким папоротником.

- Вы здесь один живете? - спросил Гриша, вернувшись на место.

- Да - кивнул Бог- то есть мне так кажется. Честно говоря, мне бы хотелось, что бы мне казалось что-нибудь другое.

Бог прервался на полуслове.

- Давай лучше выпьем еще.

Они выпили еще.

- А можно я выйду через дверь? - спросил Гриша, которому хотелось на свежий воздух, на свободу.

Бог, поморщился и схватился за голову.

- Что со мной такое сегодня - пробормотал он про себя - ты случайно не галлюцинация? - спросил он Гришу.

- Нет - ответил Гриша.

- Ты задаешь такие странные вопросы.

- Так я пойду? - спросил Гриша.

- Иди - сказал Бог.

- Я не вернусь – сказал с порога Гриша.

- Хоть одна хорошая новость – сказал Бог без тени иронии.

Гриша оглянулся на пороге. Деревянный царь по-прежнему висел в углу и не подавал никаких признаков жизни. Гриша толкнул дверь и вышел на свежий воздух. Он пошел прямо по мокрой траве. Он чувствовал себя окончательно пьяным. И от водки и от того что, он наконец вернулся. Но спустя пару минут, он вспомнил про Ясеньку, и ему сразу стало плохо. Ему захотелось увидеть девушку, опять услышать ее

смех. "Я должен вернуться за ней", - мелькнуло у него в голове, и он развернулся. "Но что я могу дать ей, кроме несчастья" - эта мысль расстроила его и он, остановился, не зная куда идти. "Но если мы будем вместе, то не все ли равно, что я ей дам", - мелькнула новая мысль в голове Грише и он, стараясь больше не думать, пошел назад. Однако он заблудился. Он так и не смог найти дом, из которого он вышел. Поняв, что он неизвестно где, Гриша испугался. Он долго шел по сырой траве. Становилось все темней и темней.

"Так это, наверное, и есть та самая казнь, которую мне обещал Великий и Единственный" - подумал он. "Этому лесу нет никаких причин где-нибудь кончаться". Гриша тщательно искал в траве, в кустах, на деревьях хоть какие-то следы человеческого присутствия. Гриша был готов отдать полжизни, за пустую консервную банку или пачку из-под сигарет, но тщетно. "Это тот самый хаос, который сожрет меня", - вертелось у Гриши в голове. Ему становилось все страшней и страшней. "Он почувствовал, что быстрее сойдет с ума, чем умрет с голоду. Гриша шел все быстрее и быстрее. "Надо остановиться, остановиться, потому что некуда идти. А если некуда идти, то надо остановиться" Но он не мог. Он все шел, шел и шел.

- Ну и куда ты так спешишь? - услышал Гриша человеческий голос. Гриша испуганно оглянулся. Перед ним стоял человек. Гриша пригляделся и узнал в нем того самого неизвестного господина, который постучался к нему и с которого все и началось.

- Это Вы? - спросил Гриша.

- Да.

- Кто вы и что все это значит?

- Я дорога, по которой ты пошел.

- И куда ведет эта дорога?

- Одним ключом можно открыть много дверей.

- Пожалуйста, не надо опять начинать всю эту чушь. Лучше скажите мне, как мне выбраться отсюда. Я хочу домой.

- А ты уже построил свой дом, что бы хотеть в него вернуться?

Гриша задумался.

- Как выглядит твой дом, и что в нем есть кроме твоего одиночества?

Гриша молчал.

- Если бы я мог исполнять желания, то, сколько бы квадратных метров счастья ты бы попросил?

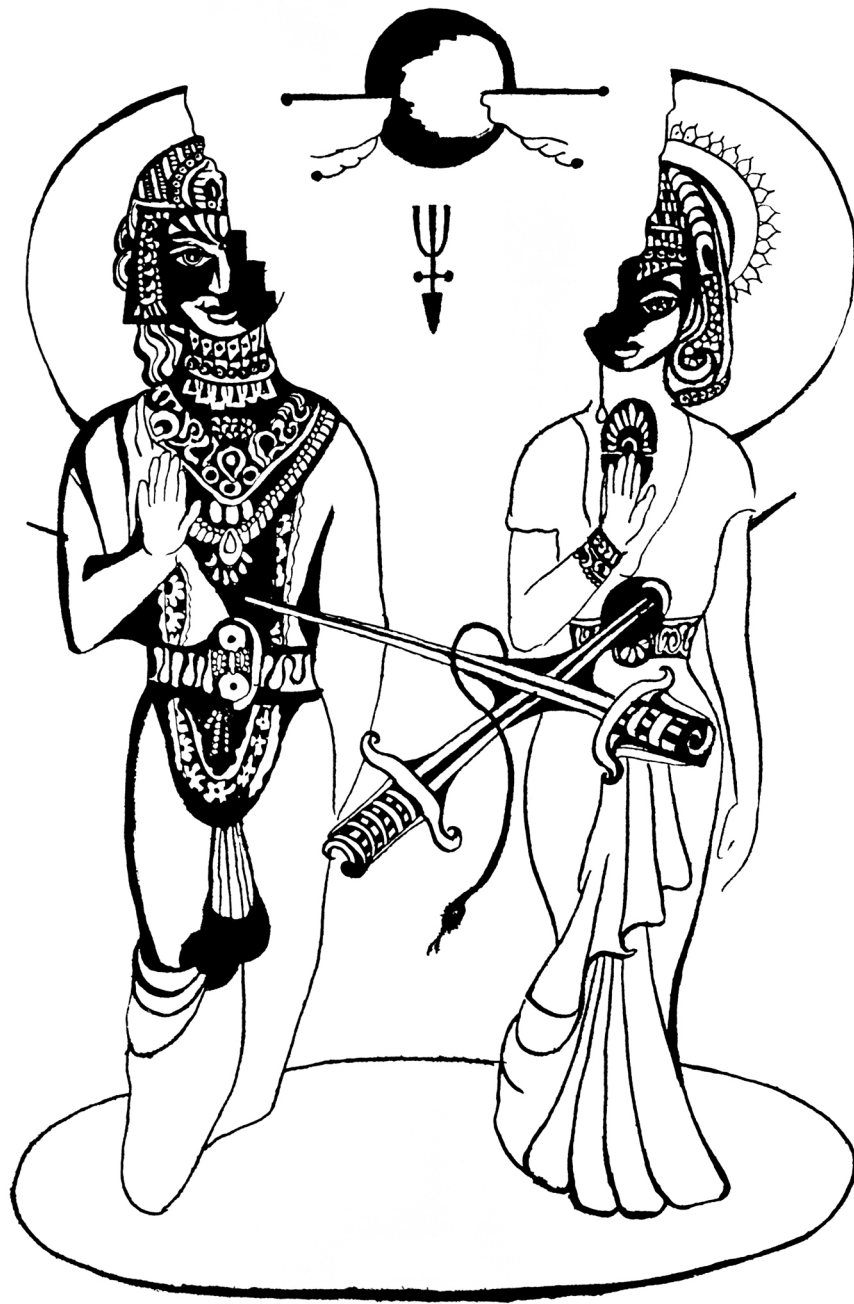
Гриша молчал.

- Я хочу Ясенку, - сказал он, наконец, и поднял глаза. Неизвестного господина уже не было рядом. Гриша, не спеша, побрел дальше. Потом ему в голову пришла еще одна идея.

Потом он увидел протоптанную тропинку. Он присмотрелся. Действительно, эта тропинка была кем-то протоптана. Гриша быстро пошел по ней. Тропинка становилась все шире и шире. Потом он увидел в траве сломанную игрушку, маленькую одноногую куклу. Гриша поднял ее и положил в карман. Вскоре лес плавно превратился в сад. Стало светло, зачирикали птицы. Появились невероятные цветы. Гриша все шел и шел вперед, пока не вышел на порог большого красивого домика. Вокруг все было тихо, только птицы чирикали. Гриша взошел по ступенькам и открыл дверь. За дверью была тишина. В углу стояла кровать, а на кровати лежала девушка. Гриша подошел и узнал в девушке Ясенку. Она спала. Гриша коснулся рукой ее волос, Ясенка не откликнулась. Гриша наклонился и поцеловал девушку. Ясенка вздрогнула и открыла глаза.

- Это я - прошептал Гриша.

- Привет - улыбнулась Ясенка.

Письмена листвы
(гербарий для посвященных)
Фрагменты книги

Собрал **Сергей Сумин**

**Трилистник
сомнений**

(письмена калины)

Иногда бывает

Бывает - страстно ждешь встречи, а она все не случается и не случается.

Иногда идешь долго без цели по улице и думаешь: «Ну и какой в этом толк?».

Бывает – заглянешь в бездну, и ничегошеньки не видишь, только свое отражение в ней.

Иногда даже и не смотришь ни на кого, а видишь и понимаешь многое.

Случается такой непонятный восторг в душе, что хочется верить в существование счастья.

Бывает - встретишь знакомого, поздороваешься, и тут же забудешь про него, а ведь и он тоже сразу забыл.

Иногда медлишь, медлишь с ответом, но потом отвечаешь все-таки тихонечко.

Бывает - расстанешься с любимым человеком, и такая тоска накатит – до тех пор, пока другого человека не встретишь.

Иногда жалко себя до безумия, но что ты с этим можешь поделать?

Случается – только задумаешься над чем-нибудь хорошенько, а глядь – надо действовать.

Бывает - ищешь-ищешь чего-то и вдруг вспоминаешь, что ничего, в общем-то, не терял.

Иногда ждешь вопроса настоящего, а вокруг одни умники со своими ответами.

Бывает - терпишь-терпишь, а потом как скажешь, и видишь – не стоило.

В ФОКУСЕ

Случаются встречи с продолжениями и расставания навсегда.

Иногда и не ждешь никаких удач от себя и вдруг убеждаешься в собственных силах.

Есть радость созидания, а есть экстаз разрушения, а чаще – то и другое вместе.

Бывает - напишешь какое-нибудь стихотворение и спрашиваешь себя: «А стихотворение ли это?».

Февраль 1997г.

Что значит жить?

Жить – это считать, что все неповторимо, и видеть, как все повторяется.

Жить – это пытаться опередить других людей, смутно осознавая, что никого здесь опередить невозможно.

Жить – это верить, что твоя мечта исполнится, верить до самой последней минуты.

Жить - это думать, что любовь движет солнца и светила, но не уметь полюбить хотя бы одного человека.

Жить – это знать, что все усилия напрасны, но действовать так, как будто этого не знаешь.

Жить – значит замедлить шаг, чтобы увидеть, как быстро завершается этот день.

Жить - это полагать противоположностями жизнь и смерть, но ежеминутно убеждаться в их неразрывной связи.

Жить – это видеть как ангелы и птицы слетают с неба и тают в легкой стайке городских облаков.

Жить – это иметь возможность выбирать между вещами, от обладания которыми иной раз отказался бы, не задумываясь.

Жить – это всегда надеяться на некий выигрыш, внутренне осознавая, что любая победа, как и поражение, ничего не стоят.

***Жить** – это хотеть совершить что-то великое, создать нечто небывалое, но не находить сил на самое обыкновенное.*

***Жить** – это все время сравнивать себя с другими, страдать от сравнений, плюнуть на все сравнения.*

***Жить** – это любить, думать, что любишь, смеяться над любовью, упасть в нее вновь.*

2009г.

Нечто.

Существует **Нечто**, что не должно нас греть, но греет.

Есть **Свет**, отклоняться от которого нельзя, но мы все время отклоняемся.

Есть **Жизнь**, живая и настоящая, она летит уже несколько миллиардов лет, а мы стоим и смотрим на нее, не шевелясь.

Существует **Истина**, которая явлена нам в **Слове**, но мы не читаем таких книг.

Есть чистые души, что никогда не лгут и не беспокоятся, однако, нам скучно общаться с ними.

Есть **Чистота**, которую невозможно ничем испачкать, но мы все пытаемся и пытаемся.

Существует пища, без которой мы страдаем, однако ее невозможно откусить или разжевать, только выпить из воздуха.

Есть дом, что стоит на горе, он крепок и защитит от тысячи гроз и ненастий, но нам лень подниматься в эту гору.

Есть **Любовь**, ради которой можно бросить все, что имеешь, мы каждодневно слышим и видим ее, но всегда говорим – нет, не она.

Есть мечта, что может унести нас на сотни метров – на самый верх, но если мы решимся полететь за ней, то умрем.

Существует радость, что излечивает от любой тоски и грусти, и это снег, лес и река, но мы ждем чего-то другого.

Есть дни и минуты, когда все возможно, все сходится – и мы сейчас внутри них, но отчего такая печаль?

Есть **Нечто**, что уведет нас за горизонт, к **Свету**. Мы ждем его прихода, готовимся, а оно уже давно стоит перед нами и ждет, когда мы его увидим!

Декабрь 2010г.

**Трилистник
прозрений**

(письмена дуба)

ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА

(из новонайденных стихов)

- На вершине своего последнего предутреннего сна я стоял в одиночестве и изрекал слова, которые были столь огромны, что падали в зримую повседневность сплошной стеной недосказанности.
- Как обнаруживается голос, если горящая стрела пролетает всегда чуть левее сердца, а стрелявший тотчас пытается отвернуться?
- Припомни чуть отчетливее, какие встречи и расставания, ожидающие тебя в недалеком будущем, снятся тебе по ночам особенно страстно.
- Говори долготерпеливо и четко, чтобы любую произнесенную тобой фразу смог бы мгновенно запомнить любой случайный или неслучайный собеседник.
- Связь наша абсолютна и ослепительно-жемчужна и ты знаешь, что единственная опасность для нас – это барабанная дробь самопрезрения.
- Никому не слышные шаги твоей белоснежной памяти сейчас очевидно измеряют ту тропинку в снегу, которую протоптал когда-то ты сам.
- Дно священной похоти выстелено жаром и пышет, поднимаясь шапкой обжигающего пара, в нетерпении томясь и выплескиваясь.
- Поднимая юную остриженную голову, будь осторожнее, зрелость может наступить чуть раньше обещанного.
- Подлинное хобби одиночки – охота за новыми чувствами и ощущениями, причем охотник этот почти не ищет добычи, а скорее сам хотел бы оказаться подвижной мишенью.

- Время - лишь дуновение, квинтэссенция движения в его неостановимости, однако, каждый из нас – последний свидетель его безотлагательного шелеста.
- Желание, соблазн, обладание - порядок вчувствования вновь произволен, но призыв крови навязчив до отвращения.
- Держащие свод: и небесный, и хрустальный, держат его давно уже только из гордости или сострадания.
- Почерк стал сумеречнее, и явно некому нынче помочь отовсюду уходящему прочь, что обломался о каменное облако грез заснеженной грудью.
- Ты только не ходи по этому хрупкому мосту – говорит он и очень легко взмывает надо мной.
- Не закрывай ночью глаз своих медово-приторных, ибо воля сумерек луны прихотлива и неожиданна в понимании всех бодрствующих слуг!
- Остывая сердцем, окропи тело речной водой, новым взглядом, молитвенным словом верни свет, изысканно благоухающий в зарослях чертополоха и бессмертника.
- Берedit волною воздуха крыло, несомое в голубом сиянии дня, почти равное в этом недлительном мгновении прерывистой линии женского платья.
- Сердцевина осени сейчас во мне, а октябрь чуть-чуть достает до рукавов рубахи, сшитой просторной в области горловины, чрез которую уже чувствуется скорое возвращение льда.
- Берегись застав врага, выставленных на берегах и лесных тропах, внезапно оказывающихся перед тобой, пронзающих скоро деревянные щиты твоей беззаботности.
- Дом, опустошенный взглядом насмешки, устоял-таки для бессрочной тоски, незаметно укутывающей странника, остановившегося в дельте улицы.

В ФОКУСЕ

- Встань и со дна воздуха посылай мне знамения, неочевидные для окружающих, но ощутимые для утопающего в покое падающих стрел.
- Млечное солнце ударит раз, потом еще раз, и мы упадем где-то за тяжелыми синими горами, а степь пропоет ковыльно наши с тобой имена.
- Путеводная звезда летит, вышивая по черному платку ночи серебряный узор все более широкими стежками.
- Эфирные женщины, сидящие в сердцевине ясеня за прелестной работой, льстят твоему голубиному воображению и докричатся до яви будет сегодня непросто.
- Сбросить свое пестрое кукольное одеяние актеру почти никогда не удастся, за исключением случаев, когда красное и черное на его плаще заключают временное перемирие.
- Не стоит ловить чужие желания золотым ковшом любезности - мало чего хорошего можно выловить из неглубокого озера всякого обласканного понапрасну.
- Удар любви силен только к вечеру, когда жалость к себе вымещает злобу на суровое одиночество в столь изящной форме.
- Среди нарастающего выталкивающего гула он чувствует, как некая внезапная сила толкает его, и он, ныряя в кромешный свет, слышит только приказ: Живи!
- Медленно-медленно город приветствует утреннюю зарю на своих окраинах, призрачно-неторопливо проплывая мимо случайных свидетелей, испытывая наощупь.
- Что может согреть нового пастыря, когда каждый случайный огонь внезапно отдаляется, как только он подходит к нему в ожидании тепла?
- Шесть великих авторов, построившись в ряд, прочесывают длинными деревянными палками каждый сантиметр моего сознания.
- Человеческое счастье - серебряная монета, не попадающая надолго ни к кому и уходящая внезапно, растворившись в ковшике с водой.

- С тобой я такой же, как все, и те, кто считают, что хорошо меня знают, испытывают в такие моменты чувство наибольшей удовлетворенности.
- Полюбив злую праведность, ты можешь больше не вытирать слюни собственной ненависти, отдавая должок этому миру со всей ослепляющей силой отталкивания.
- Ночью я вижу насквозь всех, пьяно-идуших ко мне, но днем рвущееся с полмира желание видеть вредит чрезмерно, и я слепну, как пень и колода.
- Черная судорога дрожи ползет по щеке, а потом летит по тихим полям и заросшим тропкам, остервенело перечеркивая рассветную боль на тот момент прикосновения.
- Кошачья лапа девушки всегда мягка, но когтиста, и не убирать лица, когда она игрива и есть высшее испытание для любящего.
- Девственность лучше всего втягивать ноздрями, и прищелкивая от чистоты, заочно наблюдать за этой жизнью, перебрасываемой с высоты настороженного тела.
- Не выдергивай зубы из вечной пасти несправедливости, не прячь побледневшее сердце за ширму равнодушия, слушай лишь позолоченный голос своего истинного призвания.
- Подозревая совершенно-текущее, сгорай до рассвета дотла, яростно сопротивляясь господствующей страсти к неравновесию правды и лжи.
- Кто не может любить – будет осужден, всякий нелюбящий знает об этом, и отчетливая несомненность приговора как-то особенно сладко простреливает заиндевевшую грудь.
- Тонкая паутина, висящая в проходе, образует сложнейшее переплетение ловушки, которая может дорого стоить проходящему – незаметная смерть.
- Сердечный шар, случайно попавший в красноватую воду пруда, не мяч, он тяжел и упруг, и начинает мгновенно тонуть, быстро достигая мутного дна.

В ФОКУСЕ

- Исчезновение жизни - блеф, тусклая тень сильнее четкого контура, рисуешь, не нажимая на карандаш, и проникнешься.
- И к нежности - не притронутся, когда тело полно и пресыщено, созерцая тщету сердечной привязанности.
- Возможная рана глаз - пауза, делящая невыносимое ожидание, перерезающая пуповину памяти и высасывающая ясновидящий мозг.
- Болезнь одинокого ястреба - парение понапрасну, терпеливая саморастрата в полете забвения, шорох бесцельных крыльев.
- Ночь зеркального лезвия, хорошо сохранившаяся в трещине между явью и сном, холодна еще и на ощупь.
- Слова, эти капли прозрачного сквозь прозрачное, просачиваясь в подсознание автора, отводят ему заведомую роль стороннего наблюдателя, с которой тот не желает мириться.
- Оценить подлинность всего происходящего с ним идущий к провалу выхода сможет лишь в точке, в которой сходятся все смертельные варианты его жизни.
- Непосредственное знание, которым я обладаю, нигде нельзя применить и никому нельзя передать, и от неизбежной недосказанности спасает лишь окончательное молчание.

1999-2000гг.

Вести с очей бескрайнего.

Жизнь неповторима, а не оригинальна.

Смерть повторима, ибо не существует.

Прообраз фантазии – только ограничение.

Отдай себя волне – и будь готов уплыть.

Стань прозрачнее и свобода выберет тебя.

В глухом лесу легче молчать.

Крылья бабочки – двойная фантазия неизвестного поэта.
Зеленый, голубой, белый, оранжевый.
Крепость на горе, сияющая непобедимо.
Руки девы, переливающие чистоту в новую форму.
Беззаконие сокола – вымышленная свобода полета.
Золото осени сейчас в твоих руках.
Гулкое капание воды в неразумном сердце человеческом.
Игра в прятки судьбы с тобой одним.
Лавина чувств обжигаяще-прекрасна.
Горные плантации зеленого чая внутри картинки мастера.
Чтобы понять – нужно отпустить смысл.
Ни о ком не сожалей, как о потерянном, лишь сам не заблудись в Пути.
Невыносимая тяжесть слов, сказанных о тебе.
Все во всем, и ты в единстве всего.
Турецкий оттенок кофе в чашке Константинополя.
Песочное тесто времени для изготовления законченных жизней.
Безмолвие души среди сосен и опадающего кустарника.
Моя жизнь посередине всего.
Все подлинно-человеческое в листве и траве.
Безмерно доверие мое, но к чему?
Плещущийся в такой знакомой Волге ответ.

2006г.

Свет и подробности тишины.

Если долго смотреть на свет, то можно увидеть то, что светит.

Деревья никуда не спешат.

Не заслоняй себе пространство и не заслоняй пространство собой.

Счастье – это страсть.

Поэт, акробат, живущий под куполом цирка.

Живу, то есть ускользаю от определений.

Позволь Всему течь сквозь тебя, как Все позволяет течь сквозь себя.

Мое место за письменным столом.

Зрачки кошки, зеленый блеск изумруда.

Лучшее имя для женщины – Майя, иллюзия.

Если человеку ничего не надо, значит, его нет.

Мне почти ничего не надо, значит, меня почти нет.

Подлинная красота – одухотворенная симметрия.

Любовь – незаслуженный дар.

Дышу, впитываю свет, узнаю подробности тишины.

Стихи, следы прикосновений к тайне.

Мое место везде.

Радость: воробьи, играющие в снегу.

Если и становиться звездой, то только в созвездии.

Книга – почтальон из иного мира.

Женщина, песок, поцелуй, надежда.

Мне бы хотелось научиться танцевать словом.

Звезды всегда в поле. В городе звезд нет.

Будет лето, будут сосны, будет солнце.

Я не одинок. Разве птицы одиноки в небе?

Кустарник не выбирает, кому кланяться.

В извечной игре светотени я ставлю на свет.

Февраль 2008г.

Трилистник восприятий

(письмена дикой малины)

10 образцов жестокости

1.

Жестокость кисти к мизинцу - его часто не берут в игры, лишают участия даже в самой примитивной работе.

2.

Жестокость любовников, когда они вдруг изменяются, то есть начинают обходиться друг без друга.

3.

Обоюдная **жестокость** тела и души, ведь тело частенько не признает, что душа существует, а когда душа отлетает, то бросает тело так, как обертку мальчишка, развернувший мороженное.

4.

Жестокость мальчика к своему войску – вся бесчисленная рать оловянных и пластмассовых солдатиков бросается на штурм игрушечной крепости и гибнет в схватке.

5.

Жестокость правителя к младшему визирю – он наказан за проступок, который ему неизвестен и свои шестьдесят ударов плетью он получает тут же, в мраморном зале.

6.

Жестокость судьи, зачитывающего суровый приговор, который мог бы быть иным, если бы не ужасающие ноющие боли в желудке вершителя закона.

7.

Жестокость женщин к мужчинам, состоящая всего-то лишь в том, что они умело лгут и скрывают свое подлинное к ним отношение.

8.

Жестокость пассажира трамвая к билету, который выбрасывается сразу же после окончания поездки. Дальнейшая судьба бумажки остается неизвестной.

9.

Жестокость ветра к одуванчику, рассеивающего по пушинке голову вышеозначенного до полнейшего облысения, лекарство от которого будет найдено только через год.

10.

Жестокость гения к своим коллегам по цеху: он пишет произведение, вовсе не заботясь о том, что сотни писак будут кусать себе пальцы в завистливом отчаянии, читая его новую книгу.

2000г.

**История мировой мысли
в вопросах и ответах.**

Что сказал Ахиллес черепахе, когда все-таки догнал ее? Скорее всего, какую-нибудь пошлость.

Что сказал Ной, когда пошел дождь? Ну, с Богом!!

Что делал Дедал во время полета Икара к солнцу? Наверное, мастерил что-нибудь.

Что сделал бы Заратустра, если бы встретился с Ницше? Они станцевали бы танец огня.

Что сказал человек, однажды дошедший до края земли? Ну, а дальше что?

Если дважды нельзя войти в одну и ту же реку, то жарким летним днем рискуешь остаться без купания.

Умер Бог? Или Человек? Достоверно известно только о смерти автора и читателя.

Где мы ощущаем себя как рыба в воде? Там, где нас никто не сможет поймать в сети.

Читатель, у тебя есть домашнее животное, и ты его нежно любишь? Тогда ты смело можешь оставить животное и следовать за великим йогиним Миларепой.

Читатель, ты уже ел сегодня? Тогда пойд и вымой свою чашку.

Человек – тростник Паскаля или флейта Гамлета? Главное, чтобы на нем нельзя было играть слишком легко или слишком монотонно.

Одиночество Клейста, Ницше, Ван Гога, Вальзера – кто в нем виноват? Совершенно невозможно отыскать виновника этого, включая самих художников.

Что сделали бы со своим мучителем собаки Павлова, если бы им удалось вырваться из лаборатории? Страшно представить...

Куда пошли поэты, когда их изгнали из идеального государства Платона? Неужели в кабак?

Что можно было бы спросить у лежащего возле сбившей его машины Ролана Барта? А сам то ты получал удовольствие от текста?

Что тебе снится, блуждающий биоробот? Вопрос Чистякова риторический и не требует пересказа ваших сновидений.

И все-таки, Уильям Блейк, песни невинности или опыта? Песни невинности опыта?

Куда ж нам плыть, А.Пушкин? К Набокову через пролив Лермонтова или к Платонову через море Гоголя.

Читатель, ты ведь помнишь, в каком томе мирно уживаются: соловей Китса, цветок Кольриджа, сфера Паскаля и предшественники Кафки? Если не помнишь, найди этот том и перечитай!

Читатель, ты не умеешь ладить с людьми, не можешь найти своего места в обществе? Вспомни притчу Шопенгауэра о дикобразах и успокойся.

На поиски Диогена с горящим факелом Человека ответил Будда Шакьямуни: «Будьте сами себе светильниками!».

2010г.

Краткое описание двенадцати утраченных картин Рене Магритта

Наследники Кафки. Происшествие с господином К. Следуя в своем нелепом мешковатом костюме по хрустальному мосту, обнаруживает вечность в основании несущих конструкций. К. курит, глядя прямо в зрачки случайному зрителю его находки. Внезапное желтое наплывание в углу картины в виде облачка детской памяти.

Невыносимое желание. Город, будто застывший в приветственном жесте. Внимание зрителей торжествует, но безмолвствует. Лабиринты античных колонн и террас, увитых черным виноградом, но если обнаружить ключ-разгадку, то город откроется встречному порыву страсти.

Нерезкие движения. Явно незавершенный пейзаж обрывается внизу картины – зияющей темнотой и туманом. Но и в том, что можно разглядеть, чего-то недостает – то ли леса, то ли дворца? Приглядевшись, можно увидеть необарочный бифштекс с зеленым горошком медлительности.

Женщина и лето. Лето, парящее внутри осени, томится плотским желанием, порожденным внезапно появляющейся обнаженной женщиной, красноречиво вдыхающей чистейший воздух живописи. Звери и птицы, кажется, вовсе не против соседства с Караваджо.

Пришествие сна. Чуть замедленный прыжок льва, из пасти которого рождается двухмесячный носорог с явными вторичными признаками механического пианино, играющего тут же возникающую мелодию.

Метаморфозы воды. Ровная гладь океана с пальмами, растущими в центре. Мы наблюдаем рыбу, на наших глазах превращающуюся в мужчину, начиная с головы, который, обернувшись, видит свою фиолетовую тень женщины.

Ворон. Книги и статуэтки разбросаны повсюду в полутемной комнате с черно-красным полом. На ветхом шкафу ворон из стихотворения По предсказывает следующую за ним эру маленьких страшных коробочек, имеющих явное происхождение в кинокартинах Линча.

Ясность разрушения. Внезапно разбуженный жираф мечется по ярко-рыжей от огня саванне, явно не замечая огромных створок ракушки, глотающей все приближающееся. В специальный карман сложена призрачная возможность бегства-спасения.

Дхарма летного дела. Одиноким летчик в красной тибетской шапке бродит между прекрасных пагод и высоких фонтанов, перечеркивая некоторые из них инструкцией по самолетовождению. В его правой руке – нефритовые четки, а в левой – сломанная веточка вербы и сухой лист кипариса.

Иерусалим весной. На максимально близком расстоянии мы видим серию летящих бумажных пуль, превращающихся в тюльпаны за секунду до столкновения со стеной плача, на которой корявыми буквами начертаны первые семь букв арабского алфавита.

Левитация света. Бронзовая статуэтка Лао Цзы в даосском монастыре, чуть приподнявшись на корточках, наблюдает за тремя монахами, которые неверно толкуют строку трактата «Дао дэ цзин» и, чтобы не слишком обозначать свое присутствие, трижды тихонько хлопает одной ладонью.

Сущность дерева. Воздух, издали схожий со свинцом, растворен в утреннем свете. Голландия времен Брейгеля Мужичского, но без снега и воды. На высоком холме старый бук тянет ветви в сторону зрителя, а на кончиках его ветвей – человеческие пальцы. (Январь 2011г).

Критика на «Письмена листвы».

Мысль и слово.

Разнородные мысли разных лет, собранные вместе. Почему они собраны? Есть ли какое-либо общее основание – вопрос философский. Текст за один раз не читается – он представляет собой по форме собрание афоризмов, а такое можно читать только очень медленно. Прочитываю афоризм, размышляю над ним, затем читаю следующий. Если бы я был брахмачарином, то мог бы посвятить изучению текста всю свою первую ашраму. Если бы я был исследователем творчества давно умершего автора, то мог бы посвятить исследованию текста всю свою докторскую диссертацию. Но я не брахмачарин, не исследователь. И хотя мне и стыдно, но приходится сознаться, что прочитал «Письмена листвы» всего один раз, и что многие намёки остались непонятыми. Попытаюсь в таком случае передать мои ассоциации, вызванные текстом. Впрочем жить – значит, ускользать от определений (дуб 3, 6), и лежащий передо мной текст не хочет быть определённым окончательно. Если «Письмена листвы» переписать, то получится одиннадцатый экземпляр – своего рода переиздание.

«Иногда медлишь, медлишь с ответом, но потом отвечаешь всё-таки тихонечко» (калина 1, 7)

С пятидесятых годов уже не нашего двадцатого века рок-группы как и формы городской развлекательной музыки в целом дали три более-менее сформировавшихся направления. Во-первых, существовали «оракулы-философы-проповедники», во-вторых, «бунтари», в-третьих, «впавшие в нирвану». Сергей Сумин, обычно воспринимаемый как представитель третьего типа, похоже, возвращается из нирваны, чтобы донести нечто до нас. То есть, переходит к первой группе. Впрочем, такая классификация применима для менестрелей, а Сергей Сумин может ведь оказаться кем угодно. Но для этого нужно пройти многому времени.

В самом деле, очень трудно смотреть на мир, не интерпретируя его в уже известных словах. (берёза 1, 6) Речь определяет сознание так же, как и сознание определяет речь. Это не принцип идеализма, а концепция Сепира-Уорфа. Но ведь и Лао-цзы *написал*, что письмо бесполезно.

«Слова и термины относятся всегда к сфере человеческого языка, а не самого пространства». (берёза 1, 13) $\phi\upsilon\sigma\epsilon\iota$ vs. $\theta\epsilon\sigma\epsilon\iota$, $\nu\omicron\mu\omega\iota$ или $\tau\upsilon\chi\eta\iota$ та $\omicron\upsilon\omicron\mu\alpha\tau\alpha$ $\epsilon\sigma\tau\iota\nu$ То есть слова устанавливаются либо по обычаю, либо случайно, либо по договору, но никак (у автора) не по природе. По Платону же (и с противоположной стороны Земли Конфуцию) «для

каждой вещи есть слово, установленное специально для неё, этимология которого содержит в латентном виде указание на важнейшие свойства вещи».

«Основной закон цивилизации: человеческую речь нельзя понимать буквально. Даже речь невежды, который не разбирает, какой смысл буквальный, а какой переносный». (Дж. Фаулз, «Маг»)

«Метафора – кратчайшее расстояние между предметами, словами и явлениями мира». (берёза 2, 12) – вот художественное определение художественного же мировоззрения. (См. пример в: берёза 3, 3) Если учёный ищет одну непреложную объективную истину, а философ пусть субъективную, но так же непреложную, то художник может менять свои истины не только в зависимости от творимого им предмета, (Каждому предмету – по его индивидуальной истине!) но и может внутрь одного произведения вложить несколько истин, разделить их там, создав миры в мирах матрешечного типа. В максимальном мире имеется художник, который сам есть собственный мир в себе, но он и творит иной мир, в котором, допустим, есть персонаж, также являющийся миром в себе, каждая идея есть минимальный мир. При этом «максимальный» означает уходящую наружу совокупность миров, а «минимальный» – уходящую внутрь. Неделимого и окончательного нет. А если персонаж – сам писатель? И если пишет он, скажем, биографию Набокова?

Миссия поэтического по определению Германа Броха есть «миссия познания тотальности, помещаемого поверх всякой эмпирической или социальной обусловленности, миссия обретения того познания, благодаря которому человеку всё равно, в какую эпоху ему жить: в феодальную, буржуазную или пролетарскую. Это попросту долг литературы перед лицом абсолютного характера познания».

«Если ты не бросаешься в крайности и противоположности, то тебе нет необходимости придерживаться какой-то одной идеологии». (берёза 1, 7) Мировоззрение не обязательно выражается в *идеологии*. Другое дело, что идеологией часто зовут любое мировоззрение. Мировоззрение Сергея Сумина, например, вполне даже чётко очерчено. А на крайности и противоречия пусть его оценивают идеологи.

Есть Пастернак, Гёте, прочие, но автор не собирался сказать нечто новое. Мы видим другое: мучительную попытку сказать. «Сказать» – глагол в данном случае непереходный. А значит, по определителю Барта, Сумин – не писатель, но пишущий. Не в том смысле, что пишущий не важно, что, а в том, что писать – есть часть жизни, как дышать для многих, как бороться для некоторых. Есть ведь и такие, кого и спросить нельзя, для чего или против кого они борются. Просто так они устроены, что должны бороться, пока дышат. А иные пишут, пока дышат. «Каждый

В ФОКУСЕ

пишет то, что слышит. Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет». (Здесь место для нот.) «Путь, который можно пройти – не есть настоящий путь» (рябина 3, 6). Путь – для того, чтобы им шли, а не для того, чтобы его проходили. Для этого есть проходная.

«Как читатель, автор лучше всего подходит для своих произведений» (берёза 2, 13) А критик – для переиздания. Если «Письмена листвы» переписать, то они останутся «Письменами листвы».

«Чтобы понять – нужно отпустить смысл» (дуб 2, 17). Но есть ли вообще тема у этого текста? Такая тема, как обычно бывает у художественных текстов? Думается, философский текст – всё-таки не может быть подобен обычному рассказу. Такой текст претендует на то, чтобы объять собой всё *ens a primo* (сотворённое бытие, творение), все доступные темы этого мира. Тем не менее, мне хотелось бы выделить один из мотивов «Письмен листвы», чаще других встречающихся на листах этой книги. Я бы обозначил его именем одного авторитетного германского печатного издания прошлого – «Слова и вещи». Слова и вещи, ими обозначенные, невозможность выразить вещь через слово, слово, обозначающее нечто, чему нет вещного соответствия – вот вопросы, мучавшие многие множества от Демокрита (в Европе) до Сергея Сумина. Конечно, на этом наши мучения не закончатся, и каждое последующее поколение будет пытаться выразить свою несоответствующую ни одной вещи мысль через слово и при этом надеяться, как надеюсь сейчас я, что он сделал всё возможное, чтобы читатель захотел приложить свои усилия, чтобы понять мысль автора.

Алексей Аристов

Возвращение волшебства.

Автор этой необычной книги скорбит о том, что утрачена магия поэзии. Причину этого он видит в современной ситуации власти рационализма, логики, узколобого практицизма. Современный человек больше не верит священному бреду оллавов, боянов и бардов.

Читая, мы все время спрашиваем себя – почему автор так затемнил смысл книги? Кто он – романтик, оторванный от реальной жизни? Возможно... Но одно он верно понял: рай дикой природы утрачен нами, мы больше не чувствуем реального мира, не отличаем чертополох от зверобоя, не ведаем о семи священных деревьях леса, не умеем излечиваться прикосновением к стволу березы или жеванием листа чистотела. Книга «Письмена листвы» – старинная мистерия, осколок

древней традиции стихов-загадок, странный конгломерат изречений полумагического свойства, книга заклятие каких-то сил, призыв к человеку, зов его к границе познаваемого... Из явных предшественников Сергея Сумина можно распознать Уильяма Блейка с его «Бракосочетанием неба и ада», Новалиса с «Цветочной пылью» или Рембо периода «Письма ясновидца».

По поводу композиции произведения, состоящего из шести трилистников по три текста можно сказать – это напоминает стадии просветления в традиции чань-буддизма или даосизма. В целом, жанр книги определить трудно, но его можно рассматривать как эзотерический трактат, собрание поэтических афоризмов или словарь метафор.

В «Письменах» слово несет волшебную, магическую функцию. Это, конечно, не новость. Поэзия всегда рассматривало слово как самоцель, а не как служанку человеческой общительности, общественной связи. В книге нет ни одного мертвого термина, она строится при помощи живых ветвящихся слов, похожих на ростки каких-то странных цветов.

Всякое искусство – эксперимент – устремление к новому... У нашего автора каждый новый текст – в своем стиле.. Поэт как бы говорит – вот здесь я пытаюсь проникнуть в мир времен пророка Заратустры, а вот здесь я погружаюсь в дикую природу, здесь – в сюрреализм, а здесь – в даосские трактаты.

Из заголовка текста (собрал гербарий Сергей Сумин) следует, что личное яканье меньше всего здесь имеет значение. Писатель как бы растворяет себя в том, на чем остановился его взгляд. Кажется очевидным, что автор движется к деиндивидуализации, потери своего «Я», однако для человека это слишком трудная задача. Помимо избавления от субъективности личности, Сумин и от читателя требует такого же неличностного существования: «Позволь Всему течь сквозь тебя, как Все позволяет течь сквозь себя».

В каком-то парадоксальном смысле книга Сумина – о счастье, о том, как достичь его в нашем беспокойном, быстроменяющемся мире. Рецепт – целительное молчание, остановка движения, анонимность существования. Вот, например: «Молчание и речь – две великие силы. Когда говоришь, стремись, чтобы слова были полны безмолвия, а когда молчишь – вслушивайся в глубины слов».

Именно такой открытый взгляд на вещи, где человек не застит собой мир, и является по «Письменам» наиболее точным взглядом. Тем не менее, заметно, что автор отталкивается от предшествующей традиции, как западной, так и восточной: «Шесть великих авторов, построившись в ряд, прочесывают длинными деревянными палками каждый сантиметр

В ФОКУСЕ

моего сознания». Он по сути постмодернист, уставший от мировой культуры и пытающийся в своем голом зрении освободиться от груза самопознания, которое Ницше считал непосильным бременем. Однако еще вопрос, можно ли освободиться от узанных нами истин?

Итак, мои краткие выводы: автор пытается мыслить метафорами и загадками, магически, а метафизические вопросы он предпочитает решать при помощи поэтических откровений, затемненных фраз-афоризмов. Что ж, в книге попадаются довольно интересные трилистники, которые, чтобы их понять, требуют перечтения, вдумчивого отношения к себе. Пожелаем автору вдумчивых и неленивых читателей!

Евгений Новицкий

Вечная осень поэзии.

Книга С. Сумина трагична, и этим она привлекает своего читателя, посвящённого (или посвящаемого в ходе чтения?) в некую тайну. Как-то на первом курсе университета лектор предложил нам задание, которое перевернуло мои представления о языке и мире, в нём отражённом. Он попросил дать толкование простым, повседневным словам: лист, ветер, чашка. С этих пор всякое утверждение, которое начинается словами: «Счастье — это...» или «Жизнь — это...» кажется мне фальшивым. Определения бывают только в словарях. С.Сумин создаёт свой словарь, предлагая нам возможное толкование таких тонкостей, как любовь и философия, жизнь и смерть, счастье и творчество, мужчина и женщина. Но в этом словаре больше вопросов, чем готовых ответов. Одни вынесены в заглавия: «Что значит жить?», другие составляют содержание разделов: «12 вопросов небу», но большая часть возникает у читателя по прочтении текста.

«Жить — значит замедлить шаг, чтобы увидеть, как быстро завершается этот день», — пишет автор, и вся книга даёт читателю возможность «замедлить шаг», осмотреться. В книге, как в осенней луже, отражается мир, и вода спокойна, и читатель может часами наблюдать за тем, как уже сорвался с ветки жёлтый лист, и падает, и вскоре упадёт, но это «вскоре» кажется таким же невероятным, как и то, что Ахиллес всё-таки нагонит черепаху. Мир спокоен. Мир зыбок. А книга об этом мире трагична. Трагична хотя бы потому, что «Всякое большое произведение является результатом борьбы между силой Слова и всеилием Безмолвия». По философии автора (и не только его одного, так как

следующая далее мысль известна на протяжении нескольких тысячелетий), человек должен быть безмолвным, он не может ни говорить, ни писать (ср. с хрестоматийным примером из Тютчева: «Мысль изречённая есть ложь»), но автор объясняет, описывает, раскрывает и анализирует мир при помощи слов. В результате получается новая книга человека, считающего общение между людьми невозможным и желанным одновременно, о человеке, едином и многообразном, говорящем, но желающем молчать, быть в себе, в своём мире, который должен охватывать весь мир. Если бы к этой мысли автор добавил сюжет, то мог бы получиться совсем другой эпический художественный текст, но «Письмена листвы» остаются в рамках лирики, публицистики и философии, воздействуя образом и мыслью, но не воплощаясь в динамичную, текучую жизнь.

Осень, как время года, положенное в основу текста, — это вечная осень, которая никогда не станет зимой и не вырвется из холода в весну и лето. Время остановилось. Существует вечное мгновение. «Деревья никуда не спешат», — пишет автор. Но не будем говорить о том, что отсутствует в произведении, о тексте нельзя писать в сослагательном наклонении, а «жажда совершенства убивает непосредственную красоту, находящуюся в данный момент рядом с тобой» («Человек и вещи»). «Очень трудно смотреть на мир, не интерпретируя его в уже известных тебе словах» (из «Трилистника размышлений»), и каждый читатель подберёт к «Письменам листвы» свой язык, свой шифр, думая, что разгадывает, а на самом деле только запутывая вырвавшиеся мысли автора.

Светлана Аристова

Листья и листы.

С новой книгой Сергея Сумина «Письмена листвы» в ее оригинальном авторском оформлении смогли познакомиться очень и очень немногие — это, в прямом смысле, ручная работа, а потому и тираж самиздата очень невелик. Вариант, представленный в альманахе, передает лишь сами письма, но никак не позволяет прикоснуться к листве, а значит и к множеству загадок, которые являет собою эта работа.

Этот новый букет миниатюр в творчестве С. Сумина, получился, пожалуй, самым роскошным, значительным (быть может, даже знаковым) и неоднозначным, в чем и видится главная его ценность. С одной стороны, в письменах легко угадывается знакомый почерк и знакомые строки — и сдержанность эмоций, и некоторая отрешенность, и тяготение к философской

В ФОКУСЕ

поэтичности, и цикличность, и использование сверхкратких миниатюр, и слышанные уже ранее тексты. С другой стороны, «Письмена» выделяются среди прочих произведений Сумина не только новизной использованных форм, но и поразительной их выверенностью даже в мельчайших нюансах, законченностью, цельностью, тем редким равноправием содержания и формы, когда одно становится неотделимо от другого. Словесное содержание порождает, диктует, лепит форму; форма говорит там, где умолкают слова.

Отраден тот факт, что некоторая нестандартность книги не перерастает в манерное оригинальничание. Фигурность контуров страниц непривычна лишь для восприятия взрослого человека, в то время как для детской литературы такое оформление книжек – норма. Членение сборника на трилистники благодаря опыту И. Анненского стало классикой, и было лишь несколько переосмыслено С. Суминым. Жанровые истоки большинства миниатюр «Листвы» следует искать в фольклорных и восточных философско-мистических – китайских в частности – традициях. Олицетворение и наделение сознанием стихий и объектов природы свойственно большинству древних языческих религий. Знание мирового культурного наследия и способность писателя органично использовать его и вплетать в канву современной литературы можно оценить как одно из безусловных достоинств сборника.

Главная удача цикла – безусловно, его название. Это тот нечастый случай нахождения универсальной формулы, дающей художнику возможность почти необъятного расширения смысловой нагрузки и неограниченные средства для воплощения своего замысла. В самом деле, о чем может поведать листва? О небе, к которому она ближе человека; о земле, которую она обзревает с большей высоты; о недрах, что питают ее жизненной силой. Под кронами деревьев проживают свой век, изливают души и находят вечное упоение миллионы живых существ. Листва – собеседница дождей и ветров, пища и кров лесных обитателей, носительница вековой мудрости стихий...

Письмена листвы – это словосочетание изначально содержит в себе ребусы, построенные на игре корневых понятий. Лист как часть растения; лист как поверхность, пласт; лист как единица хранения информации; лист как инструмент художника, а значит – отправная точка творчества; лист как послание, письмо в переводе со славянских языков. Письмена – информационное сообщение, дневниковые глубоко личные излияния, обращение в поисках общности, завещание, пророчество, бредовый поток сознания... Этот ряд можно продолжить. Парные сочетания различных значений этих двух слов порождают все новые и новые смыслы.

Какой размер может иметь гербарий, листву каких растений включать в себя? Это зависит только от целей, желаний и возможностей того, кто его собирает. Сейчас это шесть трилистников деревьев и кустарников, и это, несомненно, имеет свое значение (даже если составитель букета его изначально

не закладывал – любое воплощение, намеренное или нет, несет смысловую нагрузку, зачастую даже вопреки своему создателю), составляющее одну из загадок сборника. Но именно отсутствие окончательной завершенности, возможность продолжения в любой момент, устремленность в бесконечность (когда уйдет один собиратель, его гербарий может продолжить другой – листва будет падать и без нас) придает значительность «Письменам», так как смысловая их наполненность необъятно увеличивается за счет внутреннего потенциала.

Дополнительные ракурсы постижения произведения, а значит и новые загадки, Сергей Сумин заложил, вырезывая каждый лист своей книги в форме листа того растения, которому посвящен данный трилистник. Казалось бы – банальность, но разве не общеизвестен факт, что по округлости – резкости, длине – краткости линий почерка можно почти безошибочно угадать характер автора строк; по линиям ладони читается судьба человека? Таким образом, форма листа (ах, начертить бы еще и его прожилки!) несет поистине уникальную информацию, разгадать которую тоже задача читателя.

Вообще, «Письмена листвы» содержат в себе больше вопросов, чем утверждений. Например, цвет листов – чем предопределен он? Конечно, самое простое решение – наличием у составителя гербария цветной бумаги. Но еще раз вспомним, что, независимо от замысла и обстоятельств воплощения, любое явление уже имеет некую наполненность по факту бытия. Так что же тогда означает белая листва клёна: совокупность всех спектральных составляющих или отсутствие цвета? Чистоту и первозданность или траурность? «Потерю собственного «я»» или усвоение чужого опыта?

Всё в этой книге: графическое оформление, соотнесенность рубрик в составе трилистника, выбор того или иного растения, даже постановка даты в конце раздела, не говоря уже о смысле высказываний – содержит массу вопросов. Тому способствует подчеркнутая дистанцированность составителя от авторства: он лишь собирал этот букет текстов, созданных не его воображением. Так например, что означают цифры после текстов: время зарождения мысли, время написания листвой своего творения, время сбора составителем гербария той листвы, время исполнения пророчества? Тут же, конечно возникает и один из главных вопросов: кто те посвященные, кому адресован гербарий, посвященность какого рода он подразумевает?

Что же до содержания текстов книги – кто же возьмется осуждать или одобрять листву за то, что она падает и падает к нашим ногам каждую осень?

Татьяна Бочкарь

Разговор с поэтом.

Лада-дождь.

Мы встретились с Ладой-дождь (или с Элладой-дождь, как она попросила себя называть) у нее дома в конце августа 2011 года. Она сразу же сказала, что вообще-то не слишком любит давать интервью, но в данном случае отказаться не могла. По ее словам, это второе интервью в ее жизни (предыдущее она давала в 2000 году газете «Тольяттинское обозрение»), и если что-то пойдет не так, она не виновата. Но все получилось на редкость удачно. Вот это интервью.

Сумин Сергей.

- Лада, первый вопрос – знаешь ли ты, что такое поэзия? Почему, несмотря ни на что, она продолжает существовать в нынешнем рациональном и продажном мире?

- Что такое поэзия знают все, кто не Маугли, поэтому на этот вопрос я отвечать не буду. Но для меня поэзия не только литературная субстанция. Я воспринимаю ее также как некую магическую и врачевательную науку, а также как один из наимоощнейших способов для самопознания и самореализации. Как ты знаешь, «Илиада» Гомера была чисто литературным произведением - для непосвященных, а для масонов - ценнейшей зашифрованной энциклопедией. Занятие поэзией возбуждает связь между левым и правым полушарием и наравне с классической музыкой может активизировать очень большое количество клеток головного мозга – что весьма продлевает нашу жизнь. Вот поэтому и слушать, и читать, и сочинять хорошую поэзию весьма полезно, особенно в нашем левополушарном мире. Вкус к поэзии еще вернется, когда люди задумаются об экологии мозга - ретро влечения к поэзии ждет нас в недалеком будущем (через 3-5 лет). Поэзия никогда не была продажной, поэтому она все еще существует и поверь мне, ей ничего не угрожает, ибо в отличие от нас она бессмертна.

- Одной из составляющих твоей поэзии является активное присутствие античной тематики. Как бы ты сама прокомментировала постоянство присутствия античных реалий?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Античность - это цивилизация, во многом превышающая нашу по развитию человеческих отношений, самосознания, развития способностей левого полушария и т.д. К сожалению, наши сведения об античности весьма скудны, многие знания утеряны глобально и безвозвратно. Нам остается только догадываться о том, что там было на самом деле. Когда я подключаюсь к античности или смотрю на звезды - мне хочется жить вечно.

- Насколько я могу вспомнить, манера твоей работы в конце 90-х была крайне напряженной - ты писала по несколько сотен стихотворений в год. Ты сама выбрала подобный ритм письма или это он тебя выбрал? Смогла бы ты писать сейчас также?

- Без проблем. Я могу писать столько стихов в день, сколько себе позволю. Я снизила темп написания своих стихов, чтобы иметь возможность прокормить свое чадо (стихами ребенка не накормишь, особенно в Тольятти). Но после того как мой сын стал совершеннолетним, я могу позволить себе прежний ритм. Тем более что месяц назад под моими окнами поставили трансформаторную подстанцию, которая не только вредна для моего чувствительного здоровья, но и своим жужжанием значительно сокращает мой сон. А это значит, что больше времени остается и для написания стихов, и для всего прочего, что творится ночью.

- Как влияет на письмо конкретное место проживания поэта? Что это за пространство такое – Тольятти? Комфортно ли тебе здесь?

- Место проживание имеет большое значение. Моему разуму в Тольятти всегда есть чем заняться (и человеческий фактор, и логика событий интересны и своеобразны), но моему сердцу здесь – прохладно (хочется чего-то теплого и романтического, а не только культа машины-тезки).

- Не попробуешь ли ты объяснить, как рождаются у тебя те или иные образы? Можно ли вообще что-то рационально объяснить в таком деле как творчество?

- Я вызываю их, и они приходят. Сначала я слышу их как музыку, потом звуки превращаются в образы и обрастают смысловой конструкцией, а после к ним примагничиваются слова. Но есть и другой вариант - я медитирую на конфигурацию слов, и образы не заставляют

себя ждать, остается только подобрать музыку. А если проще – тайна сия велика есть.

- Как твое увлечение астрологией совмещается с поэзией? Не мешает ли одно другому?

- Они обожают друг друга. Главное - не заигрывать и не отрывать от земли. Если написание поэзии – процесс зашифровки знаний человеческих для будущего, то астрология - процесс расшифровки знаний вселенной для настоящего. При помощи поэзии легче изменить будущее более глобально (если конечно твои стихи после смерти кто-нибудь прочтет). При помощи астрологии легче изменить жизнь здесь и сейчас - но это менее глобально и более болезненно. Пушкин тоже занимался астрологией, даже сам выбрал дату своей свадьбы. «Чего хорошего Вы хотите от женщины, которая родилась в день Бородинского сражения?» – говорил он о своей жене. Между прочим, я тоже родилась в день Бородинского сражения - 8 сентября, так что пушистых стихов от меня не ждите.

- Насколько я помню, ты всегда писала циклами-книгами – от 10 до 30 стихотворений. Как сложилась эта система? Что это для тебя?

- Я писала так много, что мне лень было придумывать стихам названия, легче было их пронумеровать.

- Были ли у тебя в жизни литературные учителя? Кого бы ты назвала как любимого своего поэта?

- Лермонтов. Когда я была ребенком, мне мама читала на ночь «Мцыри» - жестокая мама, могла бы и «Дюймовочку» почитать. В юности мое сердце покорили: Мандельштам, Бродский, Соснора.

- Последний вопрос, Эллада. Ошо как-то сказал: «Когда поэт пишет стихотворение, то это Бог пишет». Что ты можешь по этому поводу сказать?

- Абсолютно с ним согласна, именно так все и происходит (в каждом из нас частица Бога).

Лада-дождь

Я в пустых примечаньях прочту продолжение миров,
И пойму, что звезда лишь чужой лимфатический узел
Высох марганец крови и вымя священных коров
Пролило Млечный Путь, где всплывают пузатые Музы
Междометья природы прекраснее всех языков,
И как странно теперь от себя самого не зависеть
И я греюсь как сфинкс на плацу электронных песков
Забывая пароль всех своих обесточенных миссий.

1999г.

Здравствуй, вовремя пришедший
Мы до винтиков похожи
В доме двое сумасшедших
Блок и зеркало в прихожей
Мы не скрестим руки-шпаги
И вино давно прокисло
Скифы строк на дне бумаги
Жгут костры масонской мысли
Жизнь – бессмертия починка,
Вянет шницель на посуде
Личность – совести личинка
Скоро бабочкою будет.

2000г.

Не встретились... Остались незнакомы.
Обмен имен нарушен на земле
Обетованной выпущенной кровью
Чужой любви и залежами стен.

Не поиграли в прятки ни с судьбою
Ни с провиденьем в казематах дней
Насущных, непотребных. Бог с тобою.
Со мной – не вижу кто, – другим видней.

Влюбились понаслышке. По Платону.
Как два материка переплелись
Две памяти. И змеями Горгоны
Лучи звезды погасшей пронеслись.

2000г.

Пометки в клетках мозга... Здесь – не здесь,
Актив людей, пассив их назначений
На службу богу. Нары новостей
Куда ты, тень, идешь со мною в ногу?

Палящий свет включенного окна
Луна наискосок от небоскреба...
Я эту плоть испробовал до дна
И путь от памперсов до крышки гроба

Один на всех, но исповедь на вкус
У каждого своя, но что в ней толку?
Наш интеллект лишь черепа прикус
В руке у Гамлета. Долой протез на полку

Под видом книг, написанных собой
Не к стати, и по времени – не к чести
Пометки в клетках неба – солнца сбой.
Сыграем в гения? Сегодня козырь – крести.

2000г.

Надо верить в тайные слова
Не боясь их холода и хруста
Чтоб когда приблизится трава
Подтянуться с точностью мангуста
Надо ждать не прошлого в засос –
Знака с направлением на млечность
Чтобы снега нежный альбинос
Обнимал раздавленные плечи
Надо слыть не именем в графе
Ублажать не тело, а сознание
Стать рукой Венеры, например,
Чтоб постичь дилемму прикасания.
2000г.

Я живу своей смертью все чаще, как будто уже...
Как младенец цветок на ладонях вздыхает под утро
Но губам приказать прошептать на прощанье «Мон шер»
Все равно что со дна приподнять потонувшее судно.
Буду я машинально рукой поправлять свой манжет
И в глаза посмотрю для того чтобы только согреться.
Ты живешь моей жизнью все чаще, но поздно уже
Вырезать из зеркал мое глупое, скользкое сердце.
2000г.

Нас время подождет, за виски друг заплатит
Я в полночь запрягу ободранных собак
Канада не Эдем, но в ней простора хватит –
Я с женщиной ветров не заключаю брак.
Шершавая луна, снегов рукопожатье,
Как трубку всех миров спросонья не кури,
Мне волки впереди священники и братья
А ты, что предала, дорогу не дари.

Нас время подождет, а смерть не переплатит,
За прошлое мое фальшивого рубля.
И нежится звезда, как стерва на кровати,
Как водится – для всех, но все же – для меня.

2001г.

Четверг-чертог недели. Дня кулисы
Полны проколом чисел и идей
И горизонт как отчим биссектрисы
Чуть устарел в нашествии теней.

Листвы рывок с остывших перекладин
Деревьев. Перхоть снега на земле...
Любить не значит ночью кожу гладить
Взаимность – факт безрукости Венер

Влечение тел как импульс первобытный
Осознан и сознаньем устранен
Бульвар бурлит теченьем. Дайте Битнер!
Все обошлось – я значит ни при чем.

Зачем косить под Воланда иль Будду?
Где яблоко Познания – там змея.
И если я как все уже не буду,
То, значит, скоро будут все как я.

2000г.

Жизнь поэта как танец богов. Сердце – маленький бубен.
Заводная судьба поперхнется – еще заведем.
Не с меня ли ты делал набросочки демона, Врубель?
Каждый миг – Рубикон и его мы не все перейдем.

Мой катарсис-оазис прозрения. Память – Бермуды.
Но в анализе слов я болезни одни нахожу
И хожу по земле изучая людей амплитуды
И с небес получаю лишь то что для прочих прошу.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Генералы любви – в целлофане уставшие розы
Гладиатором фраз выхожу на арены твои
Не озвученный Разум, отбросив как меч папиросу
На себя вызывая надежд проливные бои.

2000г.

Мой милый друг, в Тольятти скукотища
Монмартр пуст, у Нотр-Дама нищие
Под видом обеспеченных людей.
Жду от тебя любовных новостей.

Мой милый враг, в Нью-Йорке все как прежде
И сердце благодарно лишь надежде
Не встретиться с назначенной судьбой
Живите с тем, с кем спите, дорогой.

Мой милый Некто, будущий Никто.
В Шанхае дождь, китайцы отсырели
Я слышала, Вы живы, неужели?
Куда писать? – Живому от живой.

2000г.

Отпусти свои грехи, дай свободу им и хлеба
Орган, пишущий стихи расположен в центре неба.
Грейтесь ветры у костра, месяц вырезан из бивня,
Гениальное всегда так светло и примитивно.

Прима радостей души, чувства черствая подачка.
Жизнь со вкусом дотаци, сердца временная тачка.
Ставка градусов в вине, ночь – патрон в закрытом тире.
Тот, кто вспомнит обо мне - станет мною в этом мире.

2001г.

Когда проснется и откроет глаз
Алмазный свой дракон в холодном сердце
Все боги вспомнят, может быть, о нас
И мы сойдем с гондолы у Венеции.

Тогда взойдет погасшая звезда
В моих стихах, набросанных вслепую
Разрушенные встанут города
Когда я их в пространстве нарисую

Тогда не мы, а кто-то вроде нас
Найдет друг друга и забудет снова
Но из груди моей дракона глаз
Увидит все и ничего мирского

Где хлопнет дверью небо в вышине
Дожди омоют осени глазницы
Растопит страсть - жемчужину в вине
Мы будем вместе, ну и что, что птицы...

2002г.

Алексей Аристов

Анаксагор

– Терситу привет! – говорю я. – Откуда же идёшь ты? Похоже, что там, где ты был, тебе задали сложнейшую задачу. Смотрю, идёт себе мимо, нос повесил, меня не замечает.

– Это верно, – отвечает Терсит. – Я был в новой гимнасии у Фалерских ворот, слушал Анаксагора.

– Вон оно что! Видно, озадачил тебя этот возмутитель спокойствия, что ты друзей не замечает.

– Да ты бы сам его послушал, Эперит, – говорит мне Терсит. – И у тебя бы голова болела потом целый день. Он такие вещи рассказывает, что сердце пляшет, когда слушаешь его. Помнишь, наверное, как весь город носился в прошлый раз с какими-то камнями из Ионии и каждый показывал другому, как этот камень притягивается к железным предметам?

– Э, брось ты, – говорю ему. – Я берегу свою голову и с ума не схожу от сомнительных чудес. Я давно уже знал о таком свойстве гераклеяского камня. У меня же дядя торгует с Милетом, Магнесией и Гераклеей, он привозил мне таких, когда я ещё маленьким был. Просто ты не спрашивал, – я и не рассказывал. Нужно ли это мне? А кто не знал, у того голова и болела. Чем он вас там сегодня удивлял? Наверное, рассказывал, как рассчитать ширину морского пролива? Да это любой землемер сможет! Или вот ещё есть у Анаксагора в запасе следующая штука: рассказывать о том, что никто не может проверить. Знаешь ли, ведь теперь мы должны считать, что солнце – это дыра в небе, а вовсе не раскалённый шар, как говорили ранее?

– Брось шутить. В этот раз Анаксагор говорил совсем не о таком, а как раз наоборот. Когда ты меня встретил, я думал именно о проверке одного его положения.

– Это, конечно, куда как интереснее. Расскажи-ка мне!

– Хорошо, только скажи сначала, что это ты несёшь такое?

– Это? Это железное навершие для мотыги.

А надо сказать, что я в тот день купил на площади этот наконечник, так как старый бронзовый совсем истёрся, и я решил лучше один раз потратить больше денег на покупку железного навершия, чем каждый год покупать новое бронзовое.

Сказал я Терситу, что это такое было, и даю мотыгу ему – думаю, он мне фокус какой сейчас покажет.

А он отдаёт её мне обратно и говорит:

– Сперва скажи мне, сможешь ли ты согнуть её рукой?

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

– Одной рукой? – переспрашиваю. – Нет, конечно.

– А что ты спрашиваешь, одной или нет? Двумя, что ли, сможешь?

– И двумя не смогу, – говорю, а сам думаю, как вообще можно согнуть что-либо одной рукой.

– А теперь вот ещё что скажи, – требует Терсит. – Как сильнее ударить в драке: просто кулаком или зажав в него что-нибудь тяжёлое? Камень, например?

– Камнем, конечно, большее будет, – недоумеваю я вопросом.

– А какой молот в кузнице делает лист железа более тонким, тяжёлый или лёгкий?

– Тяжёлый, я в этом уверен. Да ты к чему, вообще, это всё говоришь?

– Значит, если нельзя согнуть эту твою мотыгу рукой, то можно согнуть её чем-нибудь тяжёлым! – заключает Терсит. – Анаксагор назвал это увеличением возможной прилагаемой силы!

– Если покрепче ударить, то согнёшь, конечно, да только что тут опять такого?

– Да ведь даже бить с размаху не потребуется! Просто нужно приложить что-нибудь, и тогда сила твоей руки и сила этого предмета будут складываться!

Тут я сообразил, что как раз это утверждение легко будет проверить, и говорю ему:

– Послушай, Терсит, вон рабы грузят в телегу брёвна для чьего-то строительства. Давай возьмём одно и проверим, что там произойдёт с прилагаемой силой.

– Давай, – говорит Терсит. – Только, чтобы весь наш опыт был правильным, следует тебе сперва попробовать согнуть твою железку голыми руками. Двумя, конечно.

Я не мог не согласиться с логичностью такого утверждения, и мы приступили к опыту.

Я беру мотыгу и пытаюсь её согнуть, а Терсит садится на камушек и, изображая философа, говорит мне:

– Сильнее давай жми! А теперь пошире возьми! Да не так – возьми левой вот за этот конец!

Наконец у меня заканчивается терпение, и я говорю, что если он сейчас же не отправится за бревном, то я приложу всю возможную силу ему по голове.

Терсит немедленно исчезает, а я, всё-таки попробовав (неудачно, конечно) согнуть одной рукой, сажусь, в свой черёд, на камень и с самым философским видом начинаю оглядывать обочину дороги, на которой мы встретились, чтобы найти более подходящее место для опыта. Наконец я слышу пыхтение, а затем вижу и его источник – Терсита, волочащего по земле бревно. Я ему и говорю:

– Ты чего такое маленькое взял? Я-то думал, ты вон то возьмёшь. В самый раз будет.

– Это ты сам волоки, с меня хватит, – отвечает Терсит, и мы приступаем к опыту.

Чтобы не бить по железяке, а только увеличить прилагаемую силу, мы кладём мотыгу на землю, сверху водружаем торцом бревно и со всей силы давим на него.

Мотыга – в лепёшку.

– Вот! – говорю я с долей гордости. – Опыт удался, а значит, этот Анаксагор оказался прав. И зря ты меня про молот путал – им же бить нужно, а здесь мы всего лишь давили так же, как я руками, только бревном.

Говорю я это и смотрю – Терсит снова носом в землю смотрит.

– Ты чего опять? – спрашиваю. – О чём на этот раз думаешь?

Терсит рукой манул.

– Нечестно. Не сработал наш опыт. Мы нечестно его провели – ты же один её руками согнуть пытался. Я же здесь сидел.

– Что, совесть появилась? Решил извиниться за то, что не помогал?

– Это кому ещё извиняться надо! Кто бревно в одиночку притащил?

– Ладно, – примирительно говорю я ему. – Считай, что это была моя такая месть.

– Да я и не про это сказал, что нечестно было, – настаивает он на своём. – Руками ты один сгибал, а на бревно мы оба давили! Силы-то больше стало, понимаешь ты? Вдруг вдвоём мы бы смогли согнуть?

– Да, точно нечестно, – соглашаюсь я. – Опыт надо по-новому поставить. Давай теперь ты её разогнёшь, а я бревно подниму.

Ставлю я, значит, бревно на торец, а этот сумасшедший грек пытается руками разогнуть то, что мы вдвоём только согнули. Наконец он это понимает и пытается теперь разогнуть железяку ногами. Тоже всё тщетно.

– Давай, – говорю, поднимая бревно, – под бревно клади. Зря я его держу, что ли?

– Точно, – говорит, – бревно согнули, бревном и разогнём. Клин клином вышибают.

– Ты не болтай, а клади! Стою тут с бревном, как...

Кладёт он железяку под бревно, мы так же прижимаем его хорошенько и роняем в сторону. Мотыги нашей нет.

– Ну и где она? – развожу я руками и сам же вижу, что железяка просто вдавилась вся в песок.

– Земля слишком рыхлая. Давай вон на камень тот, что ли, положим.

Повторяем наш опыт на камне – железяка, в самом деле, разогнулась, но не ровно, а так как-то волной пошла. Мы надавливаем ещё раз – и она ломается пополам!

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- Давай другую! – требует Терсит.
- Нету!
- Как нету?
- Да ведь это...

Но не успел я тут вспомнить Терситу, что железяка была моей новой мотыгой, которую я только сегодня купил, как к крикам рабов, грузивших неподалёку телегу, присоединился ещё один голос. Владелец телеги, оказывается, пересчитывал свой груз и не досчитался одного бревна. Рабы, разумеется, показали на нас.

– Ах, вы такие-сякие, – раздавались его крики, пока он приближался к нам. – Чтоб вас растак и разэдак! К воронам вас с вашими опытами!

В общем, не буду я передавать здесь его слова. Да и как день окончился, не буду описывать. Неинтересно он окончился. Скажу, пожалуй, только, что в результате всех этих не особенно-то и важных событий, я лишился новенькой железной мотыги, а Анаксагор – двух возможных учеников.

2011г.

Книга.

В библиотеке был, похоже, ремонт. Молодому человеку, чтобы попасть в читальный зал, пришлось пару раз обходить какие-то нагромождения мебели и один раз разминуться с грузчиками в узком коридоре. Но вот он дошёл до ярко освещённого зала, взял книгу потолще, сел за один из пустующих столов и принялся внимательно рассматривать титульный лист.

А пока он медленно переворачивал одну за другой страницы, перестановки продолжались. Вот пара дюжих ребят пронесла пустой шкаф за спиной чтеца. Чтец перевернул страницу. Грузчики понесли шкаф обратно. Ещё одна страница перевёрнута. Тётенька-библиотекарь вышла из-за своего места давать указания, а грузчики принялись за тумбочку, на которой стоял копировальный аппарат. Рядом с парнем поставили этажерку, и тётенька сразу принялась набивать её книгами. Страницы продолжали переворачиваться, а интерьер продолжал изменяться, становилось темнее. Кто-то попросил поднять книгу, и стол забрали.

Но вот книга закончилась, и читатель очнулся, потянулся и оглядел сумеречный мир вокруг себя: его окружала теснота шкафов, забитых пыльными книгами, ближайшая лампочка светила где-то через пару проходов. Удивившись, сколько он читал, парень посмотрел на электронные часы, они ничего не показывали – видимо, села батарейка.

– Люди, где вы?

Так книги приближают к нам вечность.

2011г.

Канат Омар.

* * *

сдувающийся и тоненько свищущий
подпрыгивая от нетерпения
воду пугая своим отражением
скребущий в затылке
ванька-встанька полихлорвиниловый
купленный по дешёвке
на китайской толкучке для новой жизни

* * *

парламент ищущей тревоги
ниоткуда в манишках срывая пальто на лету
устремляясь к перилам
с речью горячечной я гляциолог смотри
птицы летят закрывая глаза ниоткуда
нипочему горизонт протирая до дыр
вынул платок и стекляшки протёр на портрете
шорохом режет глаза грачи прилетели
вот и подходит и плечи схватив напирает
смотрит в глаза лопается пузырясь
нет на запрос космонавта ближайшей планеты
для разведения ос
полосатых японских разведчиков

* * *

С.А.

что ни день попадаются толпы прелестниц безбашенных
белянок смуглянок и златовласок
как тут остаться в уме как выжить
а белый свет всей этой кутерьмой переболев
давным-давно окрашен
костром королевы рыжей
самой королевы из всех королев

* * *

в замедленном мороке листьев
мутный вокзал отъезжал
будет мне только сниться
морось ветреных жалоб
подругой беды бледнолицей

думаешь ветер скрипит за окном
судорога вяжет больные сучья
тополь разбужен грозой маячит покойник
простуженным воплем и стёкла пучит
ужасом сумерек *кто они*

форт мой разбит и флаги обрушились
в пену обрыва где сраму не имут
гибнет кораблик в пронзительной луже
буквы клубятся и полон немymi
ров под ногами где шест не нужен

мёртвая девочка трогает капли
плющит лицо о пузырь непогоды
дуется на отражения и скатывается
по захлебнувшемуся зеркалу в подводной
чугунной гостиной на ртутную скатерть

О. О.

* * *

огромный лопух стоит качаясь на разделительной полосе
на упругом стебле
в руках у мальчика лет 8
полуприкрыв его
в час пик

рядом с матерью
в обвисшем трико и малокровной майке
с лопушиным лоскутом на щеке
она вертит головой туда и сюда
шалеет от выхлопных газов

думает
только бы перебраться через эту стремнину
этот железный поток
невредиму выползти на каменистый утёс
поджимая вывихнутую ногу под твёрдый как скулы живот

а мальчик помахивая лопухом
щурится и насвистывает русского паганини
ты только погоди мама
дай только вырасти
вот тогда

* * *

вагон качнулся и заскрипел
сквозняк глубоко вздохнул
и присел на корточки
дерево деревенская девушка
залопотало в замасленной раме

и воздух вдруг засвистел затенькал
сотворив из ничего
даже не дудочку в равнодушных пальцах
легчайший комочек
с сердцем булькающим в горле

она не пела
просто висела на проводах
трясла хвостом
играла оттенками изумрудного профиля

но и это пиликанье
которое выдувал из неё ветер
никуда не спешащий
никого не слышащий

и эти шутовские поклоны

так напомнили
другие часы полустанки озёра

что

тронулся поезд замелькали пробелы
а она всё плывёт и плывёт
в сумерках на проводах

свободная без усилий

* * *

на разъярённых перечниц и на ведущих дневник
нападает икота в начале марта
по причине губельного потепления
у ахмеда протух весь товар
на границе с абхазией
мандариновый газ душит моих повелительниц
смазанных уже слегка и потёкших

* * *

вырваться в тверь не выпрыгнуть за дверь
с высоты птичьего клюва обозреть поля
и вывесить декрет для босикомых
будьте мужественны
летят перелётные гуси уплывают холода

Сергей Щелоков

Корабль из музыки
(для Елены Кочевой)

* * *

дольше странствия берег
который не выдумал беринг
и сомнительно что беллинзгаузен ради Америк
мы прожили полжизни потратили полмиллиона
ради новой полжизни
и снова приплыли на берег
и несли свои ниши
а следом несли свои кущи
а просили потише
поскольку не умер несущий
дольше странствия берег
а время конечно же оно
и кто умер по вере
тот умер как громко поющий
а мы и прилагательных знали не взвалишь на плечи
но не знали причастий
в чем и парадокс междуречья
но мы и части речи глотали как тела и крови
и лишались на время и зренья и слуха и речи
но за нас подпевало
как мы и любили пространство

и за нас выпивало
как мы ненавидели пьянство

и кроме всех имён и
глаголов безбрежия кроме

в нас цвели легионы
времен
и само протестантство

А. Темникову

(зима без начала)

декабрь был бы кораблём да только он странно сух
снова зима без снега а вот было бы лето без мух
и только одна стрекоза летала бы у единственного фонаря
а может и бабочка значит корабль поплывёт без декабря
но со мной ведь мне всё равно в каком из двенадцати месяцев быть
тонущей ниткой но кто ещё мне распутает эту нить
какая парка права отныне и впредь какой пейзаж просматривать
когда надо в оба глядеть в лицо именно этому декабрю
весла и паруса сушу потому что это не пароход
бабочки и стрекозы на вёслах а на парусах восход
теперь когда они чёрными быть перестали когда
с них смыли грязь и во сне земля а наяву вода
декабрь осторожно объявится его сторожа и посты окружают
его охраняют от нового года как от ежедневно грядущей жатвы
хоть бы подморозило но снова зима без снега а под столом
могло бы не быть летних мух и бабочек и декабрь бы был кораблём

СОНЕТЫ ТЁПЛОЙ ЗИМЕ

1

Вначале слово да не Божье
как черепицей по металлу

Вначале слово было ложью

да и в конце ничем не стало

Вначале слова было мало
оно дрожало мелкой дрожью

зато в конце оно дрожало
так что согреться невозможно

Мы согревались осторожно

но от бокала до бокала
нас медленно но верно брало
и уносило в бездорожье

А там уж много было можно

но всё равно не помогало

2

Черепица по металлу
и железо по стеклу

Выпускай мою иглу
божественное начало

Мы теперь идём в подвалы

хоть какому-то теплу
будем воспевать хвалу
чтоб и в холоде стояло
чтоб игла моя сшивала
щели в каменном полу
трещины в любом углу
потолок бы в одеяло
превратила и упала
в белоснежную золу

3

Белоснежная зола
родилась во время оно
из цемента и бетона

а из снега не смогла

Ведь зима теперь пошла
словно белая ворона

Что там красна самогона
что там зелена вина

согревается она
силой своего закона

нет ни ледяного лона
нет ни снежного руна

А когда придёт весна

словно бы и нет резона

4

Весной уже без подогрева
нас Божье Слово заберёт

и больше не подставишь рот

зато пошепчет в ухо слева
какая-то чертовка-дева
а справа ангел проорёт

На что сей извращённый род
бежит от будущего гнева

Кто им внушил бежать туда
где разливается вода
и радуга не во спасенье

Весна приходит всё равно

Её не ждут а ей смешно
и над собою и над всеми

* * *

Если считать реку
то не считать берег
ну а считать этот
так не считать тот
Чешет поэт репу
в чём он себе верен
стоит ли нагретый
спирт заливать в рот
Реки внутри льются
и берега моют
Вроде темнить можешь
да не войдёт свет
Есть у него блюдце
с мухами и с молью
Есть у него кожа
Мяса под ней нет
Если считать реку
первою из сущих
то никого рядом
даже его ноль
Этот поэт редок
из некуряпьющих

разве что тот задом
ловит его роль

И потому реки
и берега тоже
не говорят литься
или же стоять

Всё это навеки

и это всё Божье

и только лет тридцать
и только чувств пять

Если река помнит
что она им движет
и не забыл берег
что он стоит тут

то он дурак полный
устный или книжный

но всё равно верит
что его ведут

и всё равно верит
в то что другой задом
ловит его мысли
и его слова

Но не закрыть двери
перед таким адом

и не уйти быстро
просто на раз два

Так же река льётся
Так же стоит берег

Передом встал первый
Задом второй встал

Если один лоцман
значит другой Беринг

Значит мои нервы
крепкие как сталь

* * *

Ручей разгонит мельничное колесо

и недобитая рыба
снова прыгнет в кляр

Ты видишь
что это Пикассо

Я слышу
что это Элюар

Пожар спасёт разрушенный пейзаж

Треск и хруст
за слова сойдут

Ты смотришь
а я слушаю мираж

и что у тебя там
у меня тут

Однажды слух и зрение умрут

и ничего уже не передашь

* * *

Поводырь проводит рукой
по воде потом по песку

Проводник проводит рукой
по губам потом по виску

Я не знаю кто я такой

но мне не заглушить тоску

Поводырь ещё не оглох
Проводник ещё не ослеп

Я не знаю что хочет Бог

но пока мы идём не в след

Ибо весь мой высокий слог
всё равно что приторный сленг

Поводырь уже оглушён

Проводник не видит ни зги

И моим губам хорошо

но опять заныли виски
и по ветру с воды большой
на глаза нанесло пески

И одну за другой куря
и от кабака к кабаку

я не верю в поводыря
и не верю проводнику

ибо все они глушат зря
мою приторную тоску

* * *

Сердце перерезавшая тьма
погружает лезвие во свет

А сама тоска сошла с ума

Никакого дела рядом нет

Никакого дела потому
что великий малым дорожа
погружает в шёлковую тьму
лезвие конторского ножа

Этот свет коллекция бумаг
на которых ничего и нет

разве что во тьму глядящий знак

Нет они не заслужили свет
никакой особенно такой

Вот уже пришёл конец всему

Только заслужившее покой
сердце перерезавшее тьму
располозовавшее и лёд
и в снегу оставившее след
никогда сказали не умрёт

и сказали что войдёт во свет

Два посвящения Айвазовскому

1

В черновике картины, на углу,
на заднем плане, где туманны дали,
прогоркло масло.

Лучше без Италий
и без Голландий.

Лучше на полу,
на потолке, на стенах –

и в пыли
бесчинства и безумства, вакханалий
и оргий –

хоть на книге, на журнале,
в конце концов, по стулу, по столу
ножом –

но никогда не на холсте
и в рамке,
никогда не ясной краской.

А море – праздник.
Море – это праздник,
мой брат в искусстве, но не во Христе.

Да ты, мой брат, к тому и не привык,
что чистым маслом пахнет чистовик.

2

В черновике картины масла нет:
оно уже заранее прогоркло.

Так вот, мой брат художник и поэт,
как прозаично заболело горло
и как неживописно разлились
по телу синяки...

Мой друг, а синий
цвет – лишний здесь.

Увы, ты не Улисс:
ты видел море только на картине.

О, если фото – черновик кино, –
ты всё же видел море –
но не это.

Оно там и трагично, и смешно –
но разве это море – чудо света?

Пиши стихи, картину, что-нибудь –
но отовсюду и всегда вернись ты.

Пусть твой всегда ненастоящий путь
проложен кораблями маринистов.

* * *

Корабль тебе говорит

Приди
ко мне пешком

а потом уж вместе

Ведь ты всё время искал пути

и если уж не летал
то ездил

Теперь пльиви говорит на мне

Ко мне шли многие

но на дне
они водители и пилоты

Приди ко мне по воде
Я вот он

Я кораблю говорю

Пойду
к тебе пешком

только осторожно

Я не летаю уже
Езду
давно забыл
Поплывём возможно

А если я не дойду

то вот
я не водитель и не пилот
тебе скажу напоследок

Сроду
любил я воду
и только воду

Татьяна Бочкарь

Ей, юной, жизнь простой игрой казалась.
Устав от глубины твоей тоски,
Она с другими весело смеялась,
Других звала смотреть на родники.

Ты ж, в ожиданье взора ледяного,
Где расплескались бликами ключи,
Не видел глаз моих тепла живого,
Не чувствовал, как слёзы горячи.

Не так ли, утопая в отраженье
Твоей мечты о счастье, вновь и вновь
Отталкиваю я в изнеможенье
Того, Кто Сам – спасенье и любовь?

Каруселью закружились
Брызги бездны, мир забыт...

Может, это мне приснилось:
Первый луч и стук копыт?..
Где-то в поле кони мчались
К водопою поутру,
Только гривы развевались
Лёгкой дымкой на ветру.
Солнце силу набирало,
Мрак издал последний стон –
Из долины изгоняли
Эти кони ночь и сон...

Гулким эхом прокатился
Ржанья бешеного бред,
И ромашкой распустился
Белой кобылицы след.

Анатолий Глущенко

Я вас любил,
А может, позабыл?
В ваш гибкий стан
Я был влюблён,
Был я словно пьян.
Со всех сторон
Вы прекрасны, хороши
Ваши черты...
...и свойства
Небесной...
.. райской той души.

На миг один...
Я стал бы облаком твоим.
Ты госпожа, я господин,
И, не касаясь, мы летим.

И наши крылья так похожи!
И серой дымкой облака
Невидимой большой косынкой
Нас укутала их рука.

Ты так близка и далека,
За горизонтом облака
Я стал бы облаком твоим.
И мы летим куда хотим.

За тихой заводью
Шуршит неслышно ветер,
Он тихо за душу
Меня небрежно треплет.
Хочет что-то рассказать,
Но я его не слышу.
Я только вижу, как

Листочки он колышет .
Вот так и нас судьба
Бросает от запятой до точки.
Она помятые страницы
Срывает, как у вербы сережки

Кристина Власова

Рыдала сказка, сотней тонущих котят.
Вдыхая боль пушистеньких надежд.
Так старшие взрослому мстят,
За всё насилие стареющих невежд.

Peter Pan

Ну, что же ты... Я – фея! Я Динь-Динь.
О Питер, ну зачем ты вырос!?
Твой мир стал мутен сер и синь,
Как лондонский туманный выпас.

О мальчик, ты как будто умер!
Ни те манеры, и ни те повадки.
Леса ты променял на тесный номер.
А юмор у тебя пудовый, гадкий.

Назад в нигдешнюю страну.
Я улечу одна, - ты не сумеешь.
По-твоему, я - дура?! Ну и ну!
О Питер, ну зачем же ты глупеешь.

Любовь – это месиво
Из времени и эмоций,
Спутанных в сети привязанности,
А может, зависимость.
Она оставляет обломки того,
Что было до неё.
Собрать бы их,
Склеить крупички детской радости

Все́му такому постылому.
Ай, да ладно, потом.

Немного страшусь одиночества,
С которым поссорилась,
Променяв на страсть...
Оно гложет меня,
Сдирая с кожей
Никчёмный налёт зелёных фантазий,
А потом позовёт в прошлое.
Мы с ним будем делать то,
Что делали до измены,
Постепенно склеивая
Пылинки разбитого мира.

Мне повезло, что у меня есть
Такая добрая муза –
Одиночество,
Которая ревнует молча,
Кусает смехом,
Истерит в полголоса
И чтобы простить
Не требует покаяния, -
Моя истинная любовь.

Владимир Малолетков

Страх

не бойся проходящих над тобой
не бойся проходящих
а бойся проходящих за тобой
несущих долгий ящик
ты говоришь себе я сам
среди смотрящих
ты смотришь в зеркало а там
свистящий ящер
ты сладко мыслишь о чужой
горячей пояснице
ты в разочарованье погружен

кругом одни лишь лица
пора идти туда туда
где ветер вертикален
а жидкая звезда звезда
жует горячий камень
и выстрелы из головы
пренебрегают стенами
опасные края травы
носы отрежут теням
ты станешь ощущать зеленый цвет
как головную боль
и ты поймешь что цвета нет
предметы просто знают свою роль
и ты возьмешь и ты пойдешь и ты пройдешь
над всеми нами
и с ящиком за мной придешь
пока глаза усыплены слезами

обернись
в дверях стоит глухая тень
предметы спросят что затем
затем и после до и перед
влетает птица в синих перьях
она похожа на ключи
и рыбьим голосом кричит
мы постоянно видим стены
разве это худший вид
не чувствуя пока подмены
стеклянный ветер говорит
ведь это собранный руками
помощник пепел рядом с нами
куда мы выстрелим теперь
ты весь вздыхаешь от потерь
и прячешься за толстым словом
и притворившись безголовым
сужает видимый предел
хозяин твой
хозяин дома
и ты ушел от грязных дел

Дмитрий Перегудов

Последствия

Планета была мертва.

Это стало ясно еще на орбите, но Ян Шелдон думал, что удастся найти нечто уцелевшее внизу, когда решил спуститься в шаттле вместе с командой ученых.

Они шли по выцветшему, искаженному ландшафту, одетые в герметичные прорезиненные скафандры желтого цвета, с трехлепестковым символом на рукаве. Дыхание гулко отдавалось в плотно прилегающем к голове капюшоне и закрывающей лицо дыхательной маске.

В руках ученые держали цикл-счетчики, коричневые коробки с круглыми приборными шкалами. Стрелки исполняли какой-то мрачный танец над цифрами.

Год назад здесь, на Тенаре, Альянс взорвал несколько десятков цикл-бомб. Пепел осел, открыв людям картину разрушений. Даже Шелдон, доктор физики, не мог точно понять принцип действия этого оружия. Никто не понимал, но оно работало.

- Тенара не будет больше нам угрожать, - сказал доктор Тул, который шел позади остальных.

- Что есть, то есть, - пробормотал Ян.

Он говорил себе, что не имеет отношения к этим взрывам, но ведь и он работал на Лигу.

Ян всегда думал, что любые политические разногласия можно решить мирным путем, или хотя бы не применяя вещи, подобные цикл-оружию. Но теперь, к неудовольствию правительства, у шанийцев тоже были бомбы и снаряженные ими звездолеты, они имели возможность выжечь главный мир Лиги, Толию.

Установился паритет, доктрина гарантированного взаимоуничтожения, каковым неизменно обернется цикл-война. И то, что случилось здесь, не повторится.

Ученые шли, удаляясь от угловатой коробки челнока, под бледным выцветшим небом, а вокруг высились руины зданий, странно искаженные и перекрученные. В них уже нельзя было узнать экзотическую тенарскую архитектуру.

Группу Шелдона сопровождало несколько солдат, все в блекло-зеленых скафандрах военного образца, с автоматами в руках. Болезненный свет солнца отражался от линз их дыхательных масок.

- Будьте осторожны, - сказал сержант Дэ. – Здесь могло еще остаться нечто живое.

Он говорил с почти суеверным страхом – все здесь знали, какими свойствами обладает цикл-радиация. Шелдон прочитал множество научных работ на эту тему, и большинство из них было засекречено правительством Лиги.

Почтенные профессора прятали свое незнание за умными фразами, в действительности, но не могли сказать ничего о природе цикл-излучения и фенайской руды, которая была его источником. Так или иначе, при определенной интенсивности воздействия, как при взрыве бомбы, оно могло исказить все законы природы.

Несколько лет назад Шелдон присутствовал на испытаниях цикл-бомбы, проводившихся на планетоиде Гефестон, видел, что произошло с лабораторными животными, специально оставленными на разных расстояниях от эпицентра.

Те, что были дальше прочих, были еще живы, но стали гротескными бесформенными конструкциями из плоти, а в эпицентре застыли сюрреалистические скульптуры из камня. Изменился состав воздуха, который на несколько часов вдруг перестал проводить звук. Зона поражения составляла десять километров в диаметре.

А ведь на Гефестоне взорвали лишь маленькую модель, тогда как на этот мир звездолеты Лиги высыпали около сотни боевых зарядов. Это случилось год назад.

- И что тут было? – задал вопрос доктор Тул.

Ему ответил Джек, техник:

- Судя по схеме, город Торо, культурный и научный центр Тенарской Империи.

- Да, теперь уж и не поймешь. Ладно, Джек, пора делать снимки.

Техник, еще одна безличная фигура в скафандре, кивнул и достал из рюкзака за спиной камеру.

Ян смотрел на раскинувшийся ландшафт, смешение желтого и тускло-коричневого цветов. Изломанный рельеф вызывал содрогание, он казался диким и противоестественным. За годы работы Шелдон так и не привык к этому.

Он запрокинул голову к небу, за которым ждал корабль, вооруженный транспортный звездолет “Язон”, который нес исследовательскую группу, техников и солдат. Ян представил массивную

ДВА РАССКАЗА

машину с вытянутым цилиндром двигательного отсека на конце и жилым модулем в передней части.

И тогда до людей донесся кошмарный вой, от которого кровь стыла в жилах.

- Внимание! – выкрикнул сержант уже совершенно излишнее предупреждение.

- Что это?

- Доктор Шелдон...

- Я не знаю.

Ян взгляделся в руины, переплетенные скрученными в спирали металлическими балками.

Что-то двигалось там, сверкая металлом. Солдаты вскинули ружья, а Ян пригляделся сквозь маску.

- Вот ведь черт! – вырвалось у одного из ученых.

Это оказался автомобиль, вмятый искореженный корпус с облупившейся синей краской.

Он каким-то образом двигался, но очень медленно, судорожными рывками. Ян похолодел, когда увидел, что вместо колес у машины четыре человеческих руки, худые, грязные, покрытые струпьями. Металл автомобиля пронизывали фиолетовые жилы.

Крышка капота рывком поднялась, за ней показалась мясная фантазмагория, увенчанная искаженными безумием двумя человеческими лицами. Из кривящихся ртов понеслась какая-то околесица на тенарском языке.

- Вот ведь...

Сержант Дэ сделал рукой охранное знамение Богов. Он направил оружие на существо.

Разум Шелдона заработал быстро и чисто, без эмоций, словно хорошо отлаженная ЭВМ.

- Это была машина, водитель и пассажир, - ровным тоном произнес он. – До взрыва.

Джезек механически делал снимки, один за другим. А сержант передернул затвор.

- Покойся с миром, - пробормотал Дэ.

Он был меток, очередь прошла прямо по лицам безумной конструкции, и она упала, с подломившимися руками. По синему корпусу побежали темно-красные потоки.

Ян подошел ближе, он склонился над несчастной жертвой циклизлучения.

- Будем делать вскрытие? – спросил он Тула, у которого была степень по экстремальной медицине.

За прозрачным щитком маски пухлощекое лицо медика странно скривилось.

- Я могу этим заняться, а вы идите дальше.

- Это небезопасно, - возразил Дэ.

Шелдон задумался, он был главой группы, и принимать решение надо было ему.

Обстановка вокруг сулила множество опасностей, и мутанты были не единственными из них. Даже гравитация здесь могла резко измениться и расплющить человека в лепешку.

- Ладно, - сказал Шелдон. – Но будьте осторожны и держите связь.

Тул кивнул, но без особого энтузиазма.

Ученые продолжили свой путь через страшные руины, озираясь и готовя себя ко всему.

- Как это существо здесь прожило год? – раздался приглушенный маской голос доктора Лим, химика, приземистой ширококостной женщины средних лет.

- Видимо, здесь была еда, - отозвался Ян. – Я уж и не говорю, как этот биологический хаос вообще жил.

- Спросим потом у доктора Тула.

- Ага.

Теперь заговорил сержант:

- Ладно, господа, через несколько часов мы возвращаемся на корабль, здесь нельзя надолго задерживаться.

- Хорошо.

Шелдон взгляделся в мрачный изломанный горизонт, где небо становилось зеленоватым.

За это время они увидели много всего.

У границ бывшего города рос лес, в котором Джек снял на пленку порожденные излучением гибриды деревьев и животных, обугленные жаром взрыва, но еще живые. Из истекающих тягучей смазкой стволов росли ноги с копытами, бессильно молотящие воздух. На бугристой коже их виднелись пятна хлорофилла.

Но таких порождений было немного, в основном, лишь искаженные сторевшие стволы, опаленные энергией цикла. То тут, то там попадалось нечто, похожее на подобию машин, но уже практически не поддающееся идентификации.

И все же тут была жизнь. Пробивались ростки, из трещин в скалах выползали чудом уцелевшие насекомые, некоторые из которых даже не несли следов искажения. Но восстановится ли на истерзанной планете

ДВА РАССКАЗА

хоть какая-нибудь экосистема, или эти слабые следы жизни исчезнут без поддержки.

Ян не знал, в конце концов, он не был экологом. В одних местах радиации не было, в других счетчики зашкаливали. Остовы зданий практически уже не встречались, тенарская цивилизация исчезла, словно ее никогда и не было.

- Ладно, - сказал, наконец, Шелдон. – Заканчиваем.

Он включил наручный комм и вызвал челнок.

Прошло несколько минут, прежде чем послышался рев двигателей, шаттл приближался.

- Вы забрали Тула? – спросил Ян.

Пилот ответил утвердительно.

- Возвращаемся.

- Вот черт, - проворчал Джек. – Теперь четыре часа карантина.

Кто-то криво усмехнулся.

Всем было не по себе, всем хотелось избавиться себя от впечатлений, смыть их, как радиоактивную пыль.

- Хорошо, - Дэ переводил дух. – Слава Богам, все обошлось без эксцессов.

- Действительно.

Шаттл опустился, выпростав посадочные опоры, его металлический корпус с синим гербом Альянса блеснул на свету. С низким гудением и скрежетом опустилась аппарель.

Ученые поднялись на борт, неся с собой снимки и образцы в герметичных контейнерах, и это было не единственным, что они уносили с собой на звездолет.

* * *

По корабельному времени была полночь, и поэтому кубрик практически пустовал.

Ян сидел за столом, высокий и тощий, с угловатым лицом, высоким лбом и короткими темными волосами, одетый в брюки и зеленую футболку с изображением атома.

Физик мрачно смотрел на тарелку с мясом и кружку кофе, стоящие перед ним. Стены здесь сверкали полированным металлом, на раздаче повара гремели посудой и столовыми приборами. Пар исчезал в забранных решетками отдушинах. Кубрик готовился принимать очередную смену экипажа.

Шелдон вспомнил бледно-желтый шар Тенары, вокруг которого сейчас вращался “Язон” и подумал о трети имперского флота, ушедшего в

никуда после гибели их мира. Как они, должно быть, ненавидели Лигу! На Толии этого боялись.

Ян заметил, что руки слегка дрожат, а горло сжимает предчувствие чего-то ужасного. Это неудивительно, сказал он себе, после того, что случилось на Тенаре. Интересно, как к собранным ими здесь материалам отнесутся заправила в Генштабе?

- О, доктор Шелдон, - сказал Тул, подсаживаясь с подносом. – Я и не знал, что вы не спите.

- Нет.

Ян посмотрел на медика.

Доктор Тул был рыхлым мужчиной с каштановыми волосами, он носил хорошо отглаженную серую рубашку и брюки. Все это казалось недешевым на вид.

- Задумались о чем-то?

- Да, о Тенаре.

- Теперь никто не посмеет нам угрожать, - Тул улыбался, отчего маленькие глазки его утопали в жирных складках.

- А как же Шиень? – Ян решил поддержать разговор.

Медик махнул рукой:

- Ты же видел отчеты, шиенийские бомбы не так эффективны, да и меньше их. Эти бабы знают, что к чему, и никогда не нападут.

- Но ведь Толию они все равно могут превратить в то, что мы только что видели, ведь так?

- Так.

Теперь Тул нахмурился.

За месяц, в течение которого корабль добирался до Тенары, Ян неплохо узнал остальных ученых группы. Из всех них Ян, никогда не отличавшийся склонностью к компанейству, особенно невзлюбил именно специалиста по экстремальной медицине. Ко всему прочему, толстяк был излишне рьяным патриотом Лиги.

Несколько часов назад закончилось совещание, последовавшее за нудным сидением в карантинном отсеке, в который вентиляторы нагнетали насыщенный антисептиками воздух. Скафандры, побывавшие под цикл-излучением, на всякий случай, выбросили из шлюза. Совещание было коротким.

Все равно, полученные “Язоном” данные будут анализироваться армейскими специалистами, особой породой ученых, которых Армия воспитала под столом.

Учитель Яна, доктор физики Амон Грайл, всегда весьма нелестно отзывался о военных ученых, хоть и был вхож в высшие круги, сам президент прислушивался к его мнению. Когда-то именно Грайл открыл

ДВА РАССКАЗА

аномальное излучение фенайской руды, названное позже цикл-излучением, с него все и началось.

- Все будет хорошо, - произнес медик.

Ян приподнял брови.

- Лига может защитить себя, и только это важно.

Остаток трапезы они провели молча.

Наконец, Тул формально попрощался, отнес посуду в мойку и вышел из кубрика.

Ян глотнул кофе и закрыл глаза, перед мысленным взором снова предстала мертвая земля и перекрученные уродцы. Какой контраст с чистыми сверкающими лабораториями Университета. Мрачные мысли шевелились под черепом.

- Надо спать, - тихо сказал он себе.

Шелдон пошел по коридору, освещенному забранными решетками ярко-белыми лампами.

Мимо прошел техник, плотный мужчина в коричневой спецовке, он уважительно кивнул Яну.

- Спокойной ночи, доктор Шелдон.

- И вам.

Пройдя с десятков шагов, ученый облокотился о стену, усталость пришла резко, словно набросилась из-за угла.

Коридор, прямой как стрела, тянулся вдаль, он был узок от проходящих по стенам труб и кабелей. Корабль был словно доменом клаустрофобии в бескрайних безднах космоса.

- Спать.

Он пошел, ориентируясь по указателям на стенах, техники выныривали из боковых проходов, и Шелдону приходилось прижиматься к стенам, и тогда чувствовалась вибрация могучих машин, двигающих звездолет и дающих ему энергию.

Ян спустился ниже, на жилую палубу "Язона". Он ввел личный код, повернул покрытое резиной запорное колесо и отворил тяжелую дверь каюты, лег на узкую жесткую койку и только тогда, наконец, смежил веки. Ученый видел сны о гибели миров.

Контакт

Дэвид Зир открыл внешний люк тамбура и в лицо, защищенное прозрачным куполом шлема, ударили потоки пыли, несомые ветром. Снаружи все было серым, и в облаках пыли темнели уродливые скальные нагромождения.

Прорезиненный материал скафандра неприятно облегал тело, а металлический нагрудник и кислородные баллоны давили на плечи и спину. Он спустился вниз по трапу и оглянулся на угловатый корпус “Ионы”, на котором синим светом горели окна командного мостика. Корабль покоился на четырех опорах.

- Ладно, давай скорее, - раздался в шлеме голос Жана сквозь монотонное шипение помех.

- Не хочется торчать здесь долго.

Зир только усмехнулся.

- А уж мне-то как!

Жан, капитан и инженер “Ионы” остался там, на борту, а научному эксперту нужно было забрать проклятый зонд.

Дэвид вздохнул. Он был молод, за стеклом шлема просматривалось патрицианское, чуть скуластое, бледное лицо и короткие, черные, как вороново крыло, волосы. На подбородке пробивалась щетина – Зир уже третий день не пользовался депилятором.

Он поднял правую руку и посмотрел на крошечный экран интерактивной карты с указанием местоположения зонда. Ради того, чтобы его забрать, они и летели почти полгода.

Корпус Первопроходцев рассчитывал, что за свой почти пятидесятилетний полет зонд собрал много полезной информации.

Но время не собиралось ждать. Зир бросил еще один взгляд на корабль и пошел к горному хребту, похожему на искривленный позвоночник. В свете фосфоресцирующих гейзеров блеснули кольца дюз.

- Да, та еще красота, - пробормотал космонавт.

Гравитация на безымянном планетоиде была выше земной, и в несколько раз выше искусственного тяготения “Ионы”, отчего каждый шаг давался Дэвиду с трудом.

Он вдруг подумал, что мертвый ландшафт и правда обладает некоей красотой, чуждой и мрачной. В конце концов, на Земле мужчина иногда говорил, что красота и уродство это одно и то же, хотя сам и не считал так.

Тянулось время, мелькали минуты на хронометре, встроенном во внутреннюю поверхность прозрачного купола.

Наконец, впереди замерцал световой сигнал зонда, а подойдя ближе, Дэвид увидел металлический цилиндр с поломанными шестиугольниками солнечных батарей. Космонавт подошел ближе и перевел дух.

- Вот он, - произнес Зир и собственный голос гулко загредел в ушах.

ДВА РАССКАЗА

К горлу подступила тошнота, но Дэвид подавил ее усилием воли. Он проделал слишком большой путь.

Зир отцепил от пояса и разложил переносную тележку, активизировал ее аккумулятор. Шесть выпуклых колес опустились на каменистую поверхность планетоида. С помощью манипулятором цилиндр удалось закрепить. Все сложное осталось

Зир даже улыбнулся, как все оказалось просто. Теперь оставалось вернуться к кораблю. Обратный путь занял вдвое меньше времени, хотя нужно было вести на поводке тележку. На корпусе “Ионы” ярко горели маяки, а на мостике свет почему-то мерцал, научный эксперт не придал этому значения.

Он пробыл в тамбуре необходимые для карантина полчаса, снял скафандр и оставил его в стенном шкафчике. Зонд по служебному тоннелю переключался в грузовой отсек “Ионы”. Дэвид принял душ в крошечном закутке и надел чистый комбинезон с эмблемой Корпуса, звездой в лавровом венке.

- Жан, все сделано! – крикнул Дэвид в интерком. – Открывай внутренний шлюз.

Капитан ничего не ответил, но плита из окрашенного белым пластика плавно ушла в стену, открылись знакомые узкие проходы, показавшиеся сейчас Зиру зловещими.

- Эй, Жан!

Он пошел к мостику на ногах, быстро становящихся ватными от внезапно накатившего страха.

Чем ближе Дэвид был, тем сильнее в воздухе чувствовался запах, странный, не неприятный, но напоминающий сырое мясо. Он остановился, чувствуя, как колотится сердце.

- Бред какой-то.

Внутри зародилась злость и придала решимости. Научный эксперт переступил порог мостика.

Жан сидел в кресле у пульта, неподвижным взглядом уставившись прямо перед собой. Его чуть пухлое, в веснушках, лицо было совершенно спокойно и безмятежно.

- Жан!

Из-за высокой спинки анатомического кресла вынырнула тень.

Дэвид даже не успел ее толком разглядеть, когда Жан вдруг поднялся в воздух и завис в метре от пола мостика. Лицо оставалось безучастно, когда отделилась, словно срезанная циркулярной пилой, верхняя часть головы, от середины носа.

Крови никакой не было, но следом отделилась сама голова, обе части висели в воздухе над обезглавленным телом, но Зир почему-то знал, что капитан жив.

А потом части встали на место и Жан, безо всяких следов разрезов, снова опустился в кресло. Он был жив, губы едва заметно двигались, а грудь под форменным комбинезоном поднималась и опускалась. Странный запах в воздухе усилился.

Только теперь Дэвид обратил взгляд на еще одно существо, присутствующее здесь.

Сначала Зир подумал, что оно похоже на лошадь, облитую жидким черным металлом. У существа, ростом с человека, были четыре длинных тонких ноги, заканчивающихся копытами. Гибкое стройное туловище переходило в вытянутую голову с шестью узкими щелями, горящими морозно-синим светом.

Из окруженного подрагивающими лепестками металлической плоти рта вырывались облачка синеватого тумана. Зир заметил под головой десяток механических на вид конечностей, которые росли из блестящего тела без всяких границ перехода.

Дэвид отшатнулся к стене, реальность для него пошла трещинами и раскололась.

- Кто вы? – онемевшими губами промямлил Дэвид, не надеясь на ответ.

Существо молчало.

Космонавт ощутил на себе взгляд, изучающий и совершенно равнодушный.

Гигабайты прочитанной научной фантастики разом пронеслись у него в голове.

- КТО ВЫ, - донеслось откуда-то из недр существа. Это казалось лишено всякого смысла.

- Я человек, - Дэвид прижал руку к своей груди, а потом указал на существо.

- Ты?

Выражение глаз, шести морозных бездн, осталось неизменным. А потом существо исчезло.

Что-то еще произошло, но Дэвид не мог понять, что именно. Он услышал голос Жана:

- Как там с этим зондом?

ДВА РАССКАЗА

Тот сидел и смотрел на Зира, как ни в чем не бывало.

- Доставлен...

- Чего это ты такой бледный?

- Так, просто так. Ничего странного не заметил, а?

Жан покачал головой.

- Я тут чуть задремал. А ты?

- Нет.

- Будем взлетать. Не нравится мне тут.

- Да...

Дэвид неотрывно смотрел прямо перед собой, а потом вдруг дико расхохотался.

Георгий Квантришвили

Текст этой статьи был написан автором в 1991 году, но по ряду причин не был тогда опубликован. Редакция сочла необходимым напечатать этот материал о страшных и удивительных страницах истории России и Самарского края.

Поэт Александр Кремлев
(1898-1938)

В 1915 году в Полтаве, ставшей местом дислокации госпиталей для солдат Первой Мировой войны, вышел альманах в пользу раненых со стихами гимназистов. Одно из стихотворений, величиной в 25 строчек, выделялось среди других как по форме, напоминая опусы бюджетлян-футуристов, так и по содержанию: в стихотворении осуждалась война, что выглядело как минимум свежо на фоне казенных либо наивных ура-патриотических излияний.

Форма ли, содержание ли стало виной, но автор предисловия, напечатанного в этом же альманахе, местный газетчик Ольгин лишился вскорости рабочего места. Сам же автор, астраханский гимназист Александр Лоскутов, имел достаточно оснований предъявлять претензии войне. Он-то уже успел побывать на фронте, где ходил в кавалерийские атаки; в одной из них пуля выбила его из седла и, пока гимназист лежал на поле, другая пуля, шальная, зацепила ягодицу. Не исключено, что стихотворение, сослужившее плохую службу газетчику Ольгину, стало своеобразной мальчишеской мстью войне, больно задевшей юношеское самолюбие. Осталось выяснить, каким образом астраханский мальчишка умудрился добраться до линии фронта.

...Еще недавно был первым учеником класса и одним из лучших в гимназии, что дало сыну каспийского рыбака и прачки возможность учиться за казенный счет... с четвертого класса товарищ редактора ученического журнала... у него ли, любимца учителей латинского и русского языков, еще не так давно в карманах лежали переписанные стихи Хлебникова и Северянина, и рядом с ними ариэтки Вертинского?..

Сбежать на фронт особого труда не составляло, – по всему Нижнему Поволжью квартировали резервные части русской армии, сюда же везли на подготовку новобранцев. Выше Астрахани, под Царицыным, страдал от оскорблений и муштры земляк Лоскутова, чьими стихами тот

зачитывался, и кого друзья, футуристы-будетляне, назвали Великим Поэтом Современности, Велимир Хлебников.

Ну, а гимназист пристал к уланскому полку, отправившемуся на фронт из его города. Может быть, с этого времени Лоскутов взял за правило прибавлять себе к возрасту лет 6-7, что он, кстати, сделает еще не один раз. И не устоит перед этим искушением даже в официальной автобиографии во второй половине 20-х годов. Истинная же дата рождения останется тайной для биографов и просто любопытных.

А пока неудавшийся улан вернулся в родной город с двумя ранениями и нелюбовью к войне. Видимо, именно второе определило его симпатию к большевикам, во всяком случае, среди одноклассников он слыл за такового. Позднее, во время офицерского антибольшевистского восстания, симпатия вышла боком и не миновать бы Лоскутову расстрела, если бы не подоспевшие матросы, выбившие офицеров из Астрахани. Избавители, однако, оказались людьми подозрительными, гимназическое прошлое арестанта внушало им недоверие и экс-гимназист стал готовиться к вторичному расстрелу. Когда бы не дядя Лоскутова Яков, вступившийся за племянника, а если быть абсолютно точным, когда бы не пролетарское происхождение как дяди, так и племянника, то рассказ был бы закончен именно здесь совместными усилиями матросов и моими. Однако мне еще предстоит потрудиться.

И тут нас ждет некоторое удивление. Ибо почти без передышки Лоскутов из неудавшейся жертвы матросской бдительности превращается в матроса Каспийской военной флотилии. Мало того, за то время, что он находился в ее рядах, с семнадцатого по двадцать второй год, он проделал еще несколько превращений, закончившихся постом секретаря политотдела флотилии и отдельным кабинетом в Баку. В промежутке же между 17-м и 22-м годами воевал вместе со своим непосредственным начальником Федором Раскольниковым и его женой Ларисой Рейснер, ездил на хлебозаготовки в село, где был брошен местными кулаками в прорубь, но остался в живых и в отместку увез из села красавицу-жену, и, конечно же, писал стихи.

Фёдор Раскольников – непосредственный начальник нашего героя. Переезд в Баку в 1920 году и два года жизни в южном городе дали ему не только псевдоним Кремлев, как говаривали злые языки собезьянничанный с псевдонима другого поэта-военмора Ильи Шехтмана.

Баку дал и еще многое: возможность печататься в местной периодике и журнале "Военморы"; знакомство с поэтами Вяч. Ивановым, С.Городецким, О.Мандельштамом, Крученых, Ю.Дегеном (+мемориальный сайт), Даниловым, Б.Серебряковым, и – самое главное – дружбу с кумиром своей юности Велимиром Хлебниковым. Об этой

дружбе можно написать многое, но главное – и тот, и другой поэты нуждались друг в друге.

Кремлев помог бездомному и полуголодному бюджетлянину, устроив его на ставку матроса Каспийского флота и выделив ему комнату в общежитии, в котором, этажом ниже, жил и сам. Его помощь простиралась и дальше: от предоставления в пользование личной библиотеки, которую Хлебников перерывал почти каждый день, бросая тайком восхищенно-робкие взгляды на жену товарища, до совместных походов в баню, о существовании коей вечно поглощенный собственными вселенского масштаба идеями Велимир частенько напрочь забывал.

В Баку Велимир открыл законы времени. "Чистые законы времени мною найдены (около 17.XII) 20 года, когда я жил в Баку, в стране огня, в высоком здании морского общежития..."

Что мог дать Кремлеву Хлебников? Может быть, ответить на это поможет посвящение главного поэтического творения Кремлева, поэмы "Голод-Любовь-Революция", "матросу Каспфлота Велимиру Хлебникову"? Да и сборник рассказов Кремлева, о котором позже, имел эпиграфом искаженную строфу из стихов Велимира, а предполагаемый титул неизданной книги перефразировал хлебниковские же строки.

Хлебников доверял Кремлеву настолько, что именно ему хотел оставить свои бумаги, собираясь в очередное странствие, – в Москву, к Маяковскому. Может быть, это и не спасло бы черновики Велимира, – через 15 лет его бакинский друг будет убит государством. Некоторые бумаги Кремлева на свой страх и риск сохранила его жена, много лет ежедневно ожидая обыска и ставя на ноги, теперь уже в одиночку, трех детей, старшему из которых было дано в память о Хлебникове настоящее имя Велимира – Виктор.

Побывав в Астрахани, Кремлёв передал письмо родным своего друга. В свёрнутый в трубочку лист бумаги был засыпан урюк.

Год, сделавший Кремлева отцом, стал последним годом суматошной жизни Хлебникова. Встретившись с Маяковскими и присными и ужаснувшись происшедшим переменам, Хлебников бросился из Москвы в свое последнее, ставшее роковым, странствие, написав незадолго до смерти:

Я одиноким врачом
В доме сумасшедших
Пел свои песни-лекарства.

В "доме сумасшедших" Кремлев должен был прожить еще полтора десятка лет.

По каким-то причинам он уезжает из Баку. Некоторое время живет в Саратове, где налаживает чернильное производство. Одной из главных своих заслуг будет он потом считать то, что благодаря именно ему тогдашняя цена флакона чернил упала до пяти копеек. Тем не менее, Саратов не оставил хорошего впечатления, не в последнюю очередь потому, что по неизвестным нам причинам было сорвано несколько выступлений, на которых Кремлев представлял в ипостаси уже не организатора чернильного производства, а поэта-футуриста.

В биографии поэта можно найти глухие намеки на то, что его футуризм не очень-то устраивал иных "товарищей" еще и в Баку. Не подобные ли "товарищи" попортили ему кровь и в Саратове? Можно только гадать. А в 1924 году старшие товарищи по большевистской партии послали чернильного мастера в распоряжение Губиздата г. Самары.

Известно, что Маяковский на сакраментальный вопрос "Почему Вы не вступили в Коммунистическую партию?" обычно отвечал: "Меня бы послали ловить рыбу в Астрахань. А я нужнее здесь". И, разумеется, Кремлев, вступивший в Коммунистическую партию еще в пресловутой Астрахани, не мог решать, где он нужнее. Но Коммунистическая партия требовала от него гораздо большего, ибо в "доме сумасшедших" нельзя оставаться нормальным, не будучи врачом. Или врачом, что в общем-то почти одно и то же.

Видимо поэтому Кремлев, закончив в 24-м году в Самаре поэму "Голод-Любовь-Революция", начатую еще в Баку, наконец-то "впервые задумывается над идеологическими корнями, вырабатывает под влиянием местного критика Семякина классовое сознание", – именно такими словами описывает Кремлев в своей автобиографии выработку классового сознания – насущного по тем временам предмета. Право, этим стоило бы гордиться меньше, чем пятикопеечным флаконом чернил.

К счастью, "классовое сознание" иной раз уступало место обыкновенному, человеческому. Это видно из сохранившихся рассказов Кремлева, которые он начал писать все с того же 1924 года. И, должно быть, это послужило причиной тому, что подготовленный им сборник "Гибель князей" так и никогда и не увидел света.

Тем временем жизнь становилась труднее: началась поденная газетная работа, среди сохранившихся кремлевских бумаг немало таких ее образцов, что порой берет удивление, один и тот ли человек совместил в себе авторство злободневных фельетонов и рассказов, лежащих рядышком, листок к листку.

Затем очередная партийная чистка, во время которой, несомненно, припомнились прошлые грехи, гимназическое прошлое, неудачная

попытка написать биографию башкирской большевистской бонзы и, наконец, рассказы, которые нигде не печатают и некому читать.

А к 37 году положение стало отчаянным: исключенный из партии бывший лучший ученик Астраханской гимназии, бывший футурист и бывший приятель и сослуживец Федора Раскольниковца, автора обличительного письма Сталину, впрочем, написанного несколько позднее, после бегства Раскольниковца за рубеж, – был обречен.

Попытка уехать, спрятаться от прошлого в Ашхабаде, подальше от Самары, напоминала попытку обложенного охотниками зверя выпрыгнуть за флажки.

Или, может быть, вспомнились бакинские уговоры бывшего однокашника Владимира Козина, потом ставшего писателем, – книга Козина была куплена в Москве во время командировки, – перейти иранскую границу, из Ирана через Турцию попасть в Европу? Лоскутов был нужен, потому что владел английским языком, а отец Козина вроде имел какой-то вклад в английском банке. В книге однокашника было написано, что автор работает зоотехником в Туркмении. Но это только домыслы биографа и Козин с 1932 года жил в Москве.

Энкаведешники арестовали Кремлева в Туркмении. Впереди было возвращение под конвоем в Самару. Иранская граница была южнее. На Западе лежало Каспийское море, в котором когда-то утонул его отец.

П.С.

Кремлев Александр Николаевич

(варианты фамилии: (Лоскутов)) Родился в 1892 г., в Астраханской губернии.; русский; беспартийный; писатель..

Арестован 31 октября 1937 г.

Приговорен: Верховным судом СССР 29 октября 1938 г., обв.: по ст. ст. 58-8 и 58-11.

Приговор: к расстрелу. Реабилитирован 27 июля 1957 г. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР

Источник: Книга памяти Самарской области.

Александр Кремлёв

отрывки из поэмы «Голод-Любовь-Революция»

.....
.....
.....

В час, когда
Балки стружками корчатся в пасти огня
Стоны толпы станут стройны и страшны.
На обугленных башнях
Полощется кровь на господской рубашке.
Ночи иструпляются лязгами пуль и упорством
Школьника ранец для боевых патронов.
И трон гильотины подножием станет.
Сталью кострами и ядом вытравят знаки из библий.
На алтаре задымит котелок с отвратительным хлебомом.
Улыбка плывет океанами слез в колыбели.
И детям игрушкой
Глазные шары истязанных
врагов
На изготовь...
Это значит идет Революции
Огнерукий апостол
ТЕРРОР

.....
.....
.....

На коромысле млечном
Небесного пути
Повесив шарик вечный
И колыбель детей
И если перевиснет
Оскалясь, труп вчера
Клыками горло стиснет

Хрипящим вечерам.
Мы кинем головешки
Дымящих кровью тел,
И сами вскочим кошкой
На чашки колыбель.
И если перетянут
Нас черепа вчера
С перетянувших стянем
Последнего червя
Повесим тех, что весят
На заклеенных чашках,
А землю кинем детям
Играть лукавым завтра.

И стряпчий черепки растяпал,
И в трещины пастей стекли
Похлебки вотчинных обычаев
Цепями стынущей сопли.

И хоронили в складках равности
Старин холопящие навыки
И надо было по горам нести
Клады задавленного данника.

И внук Батыйский орд отарами
Прошел запенить волны времени
И нам досталось стать татарами
Чтобы бичей узнали гнев они

1922-1924 гг.
Баку-Саратов-Самара

Григорий Яковенко (01.09.1936 – 29.04.2011)

1 сентября 2011 года исполнилось 75 лет со дня рождения самобытного тольяттинского поэта и прозаика Григория Яковенко.

Инженер-химик по образованию, он сумел обрести собственный писательский почерк и внести весомый вклад в национальную украинскую литературу. Всё его творчество – это гимн Украине, живой и веселый, ведь именно юмор во всех его проявлениях – от одобрительной усмешки до саркастического смеха – стал визитной карточкой наследия Григория Михайловича, которое неизменно находит своего героя в народных преданиях или истории Украины. Таков, например, сатирический цикл стихотворений-памфлетов «Моя шевченкиана», где современный городской анекдот так искусно вставлен в оправу исторических лиц и реалий, что не всегда возможно отделить правду от вымысла.

Венцом своего литературного творчества Григорий Яковенко назвал поэму «Казак Мамай», подарившую голос немому герою многочисленных фольклорных картинок XVII – XIX веков, украшавших двери, стены, сундуки и посуду малоросских селян. Изданная в 2003 и в том же году поставленная Ровенским музыкальным драматическим театром поэма была высоко оценена украинской литературной критикой и даже названа «новой «Энеидой», достойным продолжением традиций Ивана Котляревского.

К сожалению, в Тольятти, городе, где Яковенко прожил почти полвека своей жизни, его творчество известно только очень тесному кругу читателей, ведь писал Григорий Михайлович (он не дожил четырёх месяцев до своего юбилея) только на родном украинском языке. Многочисленные стихотворные юморески, а также прозаические опусы еще ждут своего переводчика и, конечно же, благодарного читателя!

Татьяна Бочкарь

Григорий ЯКОВЕНКО

Мешки старой Карги

Сказка

Давным-давно, во времена казачества, в одном селе на Подоле, что стонал под гнётом панской Польши, на самой его окраине, над глубоким омутом стояла полуразваленная избушка старой-престарой одинокой бабуся Карги. Родных у нее не было, а сама она была так стара, что никто из односельчан и не знал точно, всегда ли она жила уединенно или, пережив всю свою семью, осиротела и осталась теперь одна на белом свете. Так же никто не смог бы и ответить, была ли она родом из того села, или приехала откуда. Никто даже имени ее не ведал, как и того, впрочем, отчего ее зовут Каргою: то ли фамилия у неё такая, то ли просто сельское прозвище. И не удивительно: она ни к кому никогда не заходила ни в гости, ни проведать, ни по какой хозяйской нужде. Редко кто и когда видел ее на селе, словно она безвылазно сидела в своей хибарке. Только по всему Подолу про нее разносилась слава искусной знахарки и чародейки. А селяне – односельчане и пришлые – часто навевались в ее лачугу: девчата прибежали к ней поворожить; бабы приходили с просьбами снять порчу с детей или какую хворь излечить. И бабуся всем помогала. Но только всё равно одни боялись ее, другие почитали за святую, третьи ненавидели. Особенно же скрежетали от злости паны, которые странным образом вмиг просадили свое состояние. Те же паны, которые жили-поживали и в добре купались, норовили как-нибудь неприметно пробраться в ее лачугу глухой темной ночью. И то было не капризом или какими особыми знаками внимания тех панов бабусе Карге. Дело в том, что к ней едва не каждую неделю приезжали среди бела дня запорожцы и забирали из хаты по два-три мешка, переполненных золотом и драгоценными камнями. Но откуда брались у неё те сокровища, никто не знал.

Однажды ночью, когда дождь лил сплошной стеною, а темное небо словно раскалывалось слепящими молниями пополам под оглушительные раскаты грома, в роскошной карете ехал к себе домой изрядно навеселе богатый пан Веселовский. Промчавшись по мосточку через яр возле омута, кони его внезапно остановились с громким ржанием возле хаты старой Карги. В убогой ее мазанке тускло мерцала плошка. Пан Веселовский, который много был наслышан про сокровища, что вывозят запорожцы из ее хаты, очень обрадовался, что судьба в этот час и в такую погоду сама привела его к этой хибаре.

– Вот мы и проверим теперь, что находится в этом хлеву старой колдуньи!

Он нацепил саблю, вылез из кареты и, насвистывая под нос краковяк, уверенно направился к жилищу старухи. Держа на всякий случай правой рукою саблю наготове, он левой, в полной темноте, нащупал ручку дверей и резко распахнул ее. В хате, земляной пол которой был устлан свежим чернобыльником, было почти пусто: у окна он увидел грубо сколоченную скамью, а перед нею – небольшой столик с тремя деревянными стульчиками. У порога стояло ведро с водою, – вот и вся убогая обстановка ветхой той халупы. Зато в углу, отражая скупые лучи теплящегося каганца, в двух грубых мешках, наполненных доверху, сияли, переливались сказочным светом золотые монеты, серебряная утварь и богатые украшения. Рядом валялись еще два точно таких же, только порожних мешка.

Веселовский зычно гаркнул:

–Эй, хозяйка, где ты?

Но ему никто не ответил. Пан заглянул на печь – там тоже не было никого. Веселовский высунулся из хаты и крикнул в темноту дождя, но со двора ему тоже не ответил никто, только оглушительный раскат грома заставил незваного вельможного гостя вздрогнуть, присесть, и быстро захлопнуть входную дверь.

– Да, сейчас, как никогда, самый подходящий момент забрать эти мешки: кругом темень, гроза, а дождь и следы посмывает. Нечего тебе, дорогая бабусенька, подкармливать наших заклятых врагов запорожцев! – подумал Веселовский и, приблизившись к тому богатству, запустил свою левую руку в один из мешков. Мешок, словно оживший по какому заклятью, миг обвил его руку по локоть и стиснул ее так, что у пана аж слёзы выступили из глаз. Он рванул руку, но мешок не отпускал ее.

– Тьфу ты, нечисть, так я не буду сейчас вытаскивать руку, а потащу как есть мешок в карету! А там уж после разберусь.

Он рванул мешок, но тот, словно скала, не то что не подался с места, а, почитай, ни одним волоконцем не шелохнулся.

– Что тут я еще буду нянькаться с тобою! – выкрикнул со злостью Веселовский и рубанул саблею по мешку – раз, другой, третий...

Сабля звенела, словно пан рубил ею не мешковину, а гранит; снопы искр вылетали из-под нее и разлетались по хате; лезвие грозного когда-то оружия зазубривалось, тупилось, пока сабля наконец не переломилась пополам и со звоном не выпала у него из рук. Трясущегося от ужаса пана прошиб холодный пот, и, чуть не плача, Веселовский громко взмолился:

– Бабусенька, где ты? Помоги мне!

И – о чудо! – на печи что-то зашуршало, и вскоре оттуда, кряхтя, слезла седая, вся сморщенная бабуся.

– Ты звал меня, внучек? – спросила она ласково.

– Что мне делать? Зашел к тебе попить водички - глядь – стоят мешки. Дай, думаю, посмотрю, что в них. И вот тебе на!

– Что ж, хорошему человеку отчего не помочь! – не промолвила, а прошамкала бабуся. – Только ты должен будешь, внучек, потом наполнить один из этих двух пустых мешков, что валяются рядом с тобой на полу, золотом и драгоценностями, а всех своих крепостных отпустить на волю.

– Э, бабушенька, скорее раб на горе свистнет, нежели я наполню тебе мешок золотом, а крепостных распушу. Освободи меня только, я тогда еще с тобою поквитаюсь! – подумал Веселовский, но вслух пообещал:

– Изволь, бабуся! Я всё сделаю так, как ты сказала.

– Добре, милый мой внучек! Только чтобы наши слова не остались пустым звуком, я надену на тебя вот эту золотую цепочку. Если ты будешь старательно выполнять обещанное, то она ничем не потревожит тебя. Но лишь только ты нарушишь уговор или замыслишь недоброе, она начнет тебя душить и не отпустит до тех пор, пока не поумнееешь.

Карга замкнула на шее Веселовского массивную цепочку, и сразу же мешок простою тряпкой сполз с руки пана. Тот опрометью выскочил из лачуги.

– Смотри же, внучек, памятуй про то, что я тебе сейчас сказала! – крикнула ему вслед бабуся.

Примчавшись домой, Веселовский решил не откладывать дела в долгий ящик.

– Прежде всего, я арестую эту старую ведьму и именем закона заберу у нее все богатство, а ее саму как колдунью сожгу на костре. Просить ко мне воеводу! – выкрикнул он, и сразу же цепочка начала сдавливать его горло. Когда воевода прибыл, Веселовский уже не мог вымолвить ни слова.

До ареста ли Карги ему было теперь? Так и сяк, мычанием и знаками, просил пан снять с него цепь. Но дело служивых – воевать и арестовывать, а не украшения с шеи снимать. Отомкнуть замочек той цепочки вояка не сумел, да и все звенья ее словно прикипели одно к другому. Все попытки разорвать золотую безделушку остались тщетными – цепочка лишь врезалась в горло и все старания воеводы вызывали у вельможи одни лишь муки.

Тогда сбежались панские мастера и ремесленники с пилочками, кусачками, зубилами, только ничем не могли они помочь ему: пилочки тупились, кусачки ломались, зубила зазубривались при всякой попытке переломить, перепилить или перекусить ту золотую цепь.

Послали за ювелиром. Тот приехал с алмазными резцами, специальным инструментом, но тоже ничего не смог сделать.

– Где же вы раздобыли и для чего нацепили такой ошейник? Со скольких уже панов пытался я снять такие точно прикрасы! – вздыхал ювелир. – Ничего у меня не получалось. А паны те, все как один, быстро нищали, распускали

своих крепостных и делались едва не попрошайками. Вот и вам я помочь не сумел, а потому прощайте. Вряд ли уже когда теперь пересекутся наши пути, – сказал на прощание ювелир пану Веселовскому.

А цепь стискивала и стискивала его горло – до одури, до помрачения. Пану не осталось уже ничего иного, как, дождавшись рассвета, распустить своих крепостных на волю и начать распродажу имения. С каждым таким его шагом тиски золотой удавки всё ослабевали. А на следующую ночь, когда пан повёз мешок, наполненный всякими драгоценностями, к знакомой хибаре, цепочка и вовсе перестала сжимать его шею.

– Сними цепь, бабуся, – попросил он Каргу.

– Нет, – отвечала она. – Зачем ее снимать? Она не будет ни мешать тебе, ни мучить тебя, пока ты не будешь пытаться вернуть себе свое богатство и крепостных. Если же задумаешь что худое, она снова напомнит о себе.

Карга так же внезапно исчезла, как и появилась прежде темной дождливою ночью. А Веселовский, бросив последний взгляд на проклятый угол, безудержно, иступлённо расхохотался: там стояли уже не два, как накануне, а четыре мешка, наполненных драгоценностями.

Перевод с украинского Татьяны Бочкарь

Об Игоре Мельникове

В ночь с 12 на 13 января 2011 года умер тольяттинский поэт **Игорь Мельников**. Он просил не сообщать нам, его друзьям, и мы узнали об этом только 21-го. Со слов брата, тело Игоря кремировали, и развеяли пепел над Волгой в том месте, где он любил бывать. Место это остаётся тайным, его местом.

14 апреля 2011 года Игорю исполнилось бы 50 лет. Он с рождения страдал тяжёлой формой ДЦП, но трудился, более того, ходил на работу в архив ВАЗа пешком через лес, из Старого города в Автозаводский район. Его жизнь была подвигом: Игорь боролся с болезнью, ежедневно пытавшейся обездвижить его тело, изнуряющими физическими упражнениями, и писал стихи. Он говорил мне, что всё время бодрствования, чем бы ни занимался, он работает над стихами, шлифуя каждое слово подобно тому, как горный поток обкатывает, шлифует гальку на своём пути.

Его стихи кристальны, как горный поток, они пронизаны светом – вечным – и играют неземным огнём.

В последний год Игорю стало хуже. Завсегдатай, он стал редко заходить в писательскую лавку. А всё казалось, что вот откроется дверь, и Игорь наконец-то придёт и сядет на своё место, прочитает новое стихотворение...

К юбилею Игоря Мельникова готовится к печати книга: порядка 400 стихотворений, 500 экземпляров. Игорь сам скопил деньги на её издание из своей зарплаты. По его желанию, книга будет распространяться бесплатно.

Игорь Мельников ушёл из жизни раньше, чем книга была подготовлена. И я надеюсь, что она выйдет такой, какой её хотел видеть автор. Если раньше это было пожелание, то теперь это его последняя воля, и я не сомневаюсь в том, что редактор Владимир Мисюк и издатель Вячеслав Смирнов её исполнят.

Елена КАРЕВА

Тимур Алдошин

Чехов или Размазанный Рок

Кровавый предбанник наставшего тысячелетия – прежде всего топится черным по белому. Послеренессансные последние века – работа инженерно-магическая: изъять трагизм смерти из текста первого порядка (т.е. рукотворного) и переместить его в нулевое (самоё жизнь). Софоклы да Шекспиры заставляли всерьез убиваться по *штучной*, как довоенные гомельские брюки, гибели; в мире тою же порой резали землян планомерно, оставляя по бессознательно знаемому критерию, базис для стабильного приплода, и – мыслилось – грядущего процветания.

Уже Достоевский трагичен вяло, посматривает периодически, скосясь от текста, в то, *другое*, окно, из которого уже *дует*, и которого никто из благомысленных пока что особенно не замечает (Василь Василич разве что? да читатель путал порою внешний сквозняк со взрывами эрото-эсхатологического авторского «я»; кое-чему мешало).

Век XX в списке своих кардинальнейших достижений имеет существенное для нашего разговора перемещение, своего рода депортацию фигуры *Рока* со сцены рукотворенной – в быт. *Умертвие* (говоря щедринской терминологией) перестало быть, во-первых: «Ах ты, Боже мой, как же так!», и «скотоводчески осмысленным» во-вторых. Массы уничтоженных, уничтожаемых, и имеющих быть уничтоженными уже абсолютно подорвали какую-либо, самую слюнявую основу надежд на не то что цветущее, а и растительное человечество. Квази-эволюционная защитная пленка в мозгу возникла стремительно: не люди падают, куклы, и не кровь льется, а кетчуп (по аналогии с йогуртом в скучных, как проповедь, порнухах).

Посему рискну и назову Антона Павловича Чехова одним из первых и главнейших (а в своем роде единственным) провозвестников *размытого рока*, размазанного по орбитам судеб, как электрон в квантовой физике (ау, демокритовы атомы, лапласово «расписание поездов!»). Вот, скажем, Эдип: натворил (не собирался, но это не важно) – получай с верхом! И все-то герои «доволновой», *корпускулярной* литературы тратят и получают крупными купюрами. Нож в спину, яд в алмазе, кровосмешение, каменный мешок, черная месса, прыжки и

ПОСТСКРИПТУМ

ужимки на крепостных стенах. А вот откройте и почитайте чеховскую «Скучную историю». Ничего такого и миллионной доли нет, да и не было никогда! Несколько хороших людей благовоспитанным образом порасточали свою любовь, молодость, талант – не страсти роковые, а так, вроде из крана вода каплет – все не соберутся завернуть; а водопровод-то уж пуст.

Возмездие, как фигура, как статульный Командор, *никогда* здесь тяжелыми шагами в комнату не вступает. Так, мышка пробежала, хвостиком махнула... Яичко *всегда* золотое, но об этом *никогда* не знают, *не хотят знать*. Что, Лаевский «Дуэли» – заурядная, пошлая, фатовская личность? Да ему бы звездой первой величины в науках или художествах блистать – ан нет, не блистает что-то. Прегрешения его скудны, как зевота, на уровне задавленного походя таракана – и воздаяние мизерное: сидит, обращенный и пашет, пашет, пашет, чтобы долги отдать. А дальше? Это ведь не булгаково-пилатское вечное подлунное кресло – там хоть Бога ждут! Хотя Михаил Афанасьевич уже очевидно, декларативно пост-чеховен: и наказание-то скукой для бедного прокуратора чуть ли, пожалуй, не самое страшное (крамола: а вдруг мальчика-то и не было? Ну не стыдно всаднику ничуть, просто поболтать не с кем). «Микроба»-то чеховская уже...

«Сделайте мне красиво!» теперь не закричишь. Живи скучно, играй по-маленькой в винт, карьерная всеобщая подлянка, чужие жены в умеренных количествах с оглядкой, водка неумеренно, хотя и с оглядкой тоже, мучительно накопленные взятки, мучительно обновляемые бензином перчатки, мучительно жесткая мочалистая говядина, что в женином пансионе, что в (гоголевском еще) трактире, разве тараканом в общепите отдельно повеселят.

– Это что, жизнь?! – вопит периодически (слабо и про себя) чеховский герой. Каторга, арестантские роты. Арестантских рот он не знает, и когда в них попадает (см. Ад N 6) умирает сразу. Сразу как-то

рождается *не жить*. **Поживывать**, что ли – как позевывать, – невкусно и неизящно.

И вот – блистательный ХХ-й: оверкилл, а «рок», *индивидуальной* ответственности требующий, размазан, как каша по тарелке, нет почти его. Ну, повесили Геринга – *роковая*, что ли, фигура??!! Карточная какая-то сволочь, вроде тех, которыми герои чеховского рассказа «Винт» забавлялись. Есть такая болезнь: организм отторгает собственные ткани. Век ХХ выблевывает себя шариковой бомбой, так, что, где ухо, пупок, жопа – понять совершенно невозможно. Пикассо с «Герникой» уже ничего не открывал, пижон Дали тоже. Эта – сначала *разъятость* – а потом *размазанность*, *размытость*, а потом да и *замытость* уже – производная *холодной крови* героев одноименного рассказа. Везут быков. Не на именины, конечно. Продавать, а потом кто-то будет есть. И эти быки, которым нечего пить, жрать, холодно, страшно и непонятно в лагерьном этом вагоне – *более живые*, чем сын Малахин. Вот тут бы античные развернулись. Бык – да Юпитер, да Апис... Старший Малахин хоть с увлечением квитанции взятки за рюмкой в буфетах слюнит, в нем этот огарочек (Божья искра?! рискнем ли приравнить?) еще дотлевет где-то. Тот, новый, – уже *увеществленный* весь совсем. Дранг нах куда-нибудь ему абсолютно ничего не стоит – *как заведенному*.

Ничего ведь не делают! И наказания *нет и не будет*. Ничего ведь не понимают! Доктор у постели умирающего мальчика пытается дознаться у болезненно еще не разлюбленной им женщины, его это все-таки мальчик, только его, или еще и не совсем его; или вовсе сторонний? Она, *искренно страдая*, морщит лоб и что-то на внутренних пальцах *механически, от себя почти независимо*, высчитывает: сказать? правду? полуправду? неправду? Что выгоднее? чему? кому? – собственно *правды-то уже* не знает... Эх, Лиза там у Федор Михайлыча, измываясь в кровь над собой и Алешенькой, бредила, как вот при ней пытать будут, а она – ананасовый компот кушать! Романическая душа! И все-то они бабоньки у него романтики: губят всё что ни попадя без арифмометра и *рефлексии*, а с одною лишь истерической кровью в висках. И, как и «тургеневские барышни», – ушли: в дираковский вакуум назад, откуда однажды востребованы были. Пришла женщина неидейная, неинфернальная, а у которой *вьюшка кофтой заткнута и в комнате кошкой пахнет*. (Лесковские «феи» хоть – посттургеневски («Дым», «Новь») *нечто из себя изобразить пытались*, а эти просто – *живут так*). И за что их таких ругать, когда они *ничего не сделали*?

ПОСТСКРИПТУМ

Теория относительности, квантовая механика, теория информации, кибернетика, генетика, ближний космос, синтез полимеров, конвейер, планирование операций, трансплантация органов, клонирование, идентификационный номер в ПЛАНет-чипе – бессмысленно цепляться, как гидальго с Ламанчи наперевес вместо копья с Откровением Иоанна к стремительно, как намыленным, выскользающим из объятий, нововведениям. Никакого особого *человечества нет. Мальчика-то и не было.* Самгин – это уже Франкенштейн, Зомби, воскрешенный чеховский расслабленный, да воскрешенный не *Спасителем*, а по ритуалам вуду. В бредовых последних клочках романа падает под ноги всё той же ордынско-ходынско-октябрьской толпе, как кукла. *«И махновцы стонали под конским копытом – перебитые куклы хрустели под нами»* (автор «Гренады»).

Над куклами – какой Еврипид? «Истекаю клюквенным соком...» Рок размыт, и вот неприятно памятными вдруг становятся закономерности *другой, странной, причинности* – автор «Поэмы экстаза» гибнет от ничтожной царапины; триумфально уцелевший Лунопроходец калечится в комфортабельной («домастеныпомогают») ванной, супернинзя, начальник советской резидентуры в Японии падает навзничь от толчка пьяного, три ослепивших танк полотнищем смертника поворачивают судьбу страны, уран в «вирусном флигеле» Тысячелетнего Рейха упорно самовоспламеняется всегда до начала ядерной реакции, так что вконец взбешенный отец нации...

Рок начал действовать над нами другой – вьюшечный, кофтовый, кошачий. «Из окна дуло, а Антон Павлович Чехов закрыл окно. Дуло упало». Оконце раззявилось на сей раз не в Европу, а в наш домашний колодец – «мир Кусто» с кустами. «Если б Дарвин сюда нырнул – мы б не знали закона джунглей – или внесли бы в оный свои поправки». Вылезли на белый свет существа (наши же! наши!) *водные* (а нашим 90 процентам в организме как не срезонировать?!) и *моют, трут, чистят. Антипреосуществление крови в воду. У дяденьки манная каша на шляпе, которую Дениска не смог, ну не смог есть. «Размазня» Чехова одинаково мерсикает и за хамский огрызок заработанных и отнятых денег, и за восстановленную справедливость. Какао Ван-Гутена на эшафоте у Маяковского не срабатывает, как сырой порох. Дует.*

«Тебя похоронили, а я обедать пойду». Бесконечно, по 14 раз стреляются чеховские герои – неприлично, во время трапезы. Чеховская трапеза для чего угодно, кроме желудка. Фабрикант («Пьяные») к зеркалам битым и цыганам уже и этногенез приплел, учитель Пимфов с собеседником-собутыльником еле успевают оставить на месте мироздание – правописание ими уже упразднено – Одна купеческая дочь Анна Акимовна сладко томится затянувшимся невестинством; а за стенкой неврастеник сын пугает отца, что вот возьмут и докажут, что он Сару Беккер убил, а за стенкой у поручика Зюмбумбунчикова штаны за миллиардом лопнули, а за стенкой Иона во чреве тоски, как Ной, шепчет лошади, а за стенкой хористку набили по толстым щекам и последнее отобрали, а за стенкой городской голова самый человечный человек в городе – приказывает перестать музыкантам играть в лютый мороз, а за стенкой Иванов, хоть бы скорей застрелился, а за стенкой прекрасная барышня Ляликова от завода тает, а за стенкой Черный Монах, а за стенкой в церкви красивая барыня, на которой вот вырасту женюсь, да ведь жениться стыдно, а за стенкой из таганрогского детства жулик в сортире ночует, и испугаемся оба, а за стенкой Ванда – Настасья Канавкина кровью идет плюется, и до Альбиона так далеко, и гнилые яблоки члены санитарной комиссии на закуску все съели, и к Пастеру покусанные так и не доехали, и архитектор Финкс *никогда* не починит стену в гимназии...

Хватит!!!

... Нас уже нет, мы даже не космическая пыль, не поскребышек низвергнутого палимпсеста, не лопающаяся мыльным буддой сансара – «мы забытые следы чьей-то глубины». *Чьей-то глубины. Чьей-то глубины.* Водяной почти, просвечивающий, как в «Майской ночи», герой Чехова *кого-то все же еще напоминает.* «СКУШНО МНЕ! СКУ-У-УШНО!!!», – в *любовной*, как Женщина, *«Степи»*, орет Дымов – *живой.* Конец света уже произошел – и соединят праха персть к персти, и соберут по чисто вымытой тарелке, где домик и собака с важною мордой.

ТЫ – будешь Спасаться, и ТЫ – будешь Спасать. Об этом – Чехов. Только его нужно Читать.

29.09.2002

В редакцию альманаха был прислан материал, содержащий небезынтересный и небесспорный материал о состоянии дел в самарской литературе. Мы не ведаем, что за автор или группа авторов скрывается за псевдонимом Литературное ПТУ, но предоставляем самим читателям составить мнение об этой статье.

О самарской литературе

Речь пойдёт в основном о поэзии. Литераторы городского округа Самара ожидаемо делятся на условно правых, т.е. консерваторов-охранителей и так же условно левых, настроенных на инновацию.

Как и положено, в провинции хранители традиции имеют значительный численный перевес. Не последнюю роль в наличии этого перевеса играет существование периодических изданий «Союза писателей»: для взрослых ультра-православного «Русского эха», а для начинающих «Молодёжной волны». В обоих изданиях основным критерием при составлении и редакции является так называемая морально-этическая составляющая.

До недавнего времени поэт-иронист и главный редактор «Молодёжной волны» Денис Домарёв организовывал различные еженедельные литературные мероприятия в культурном центре «Арт-пропаганда». Самым популярным событием «Арт-пропаганды» стали «Поэтические ринги», привлекающие молодых поэтов своей соревновательной основой. Молодых поэтов вообще непросто заманить в несимпатичное литературное пространство, не провоцируя примитивных тщеславных инстинктов. Среди десятков выступавших в «Арт-пропаганде» поэтов я бы выделил уже заявившего о себе ранее Никиту Рублёва с его нехитрым рифмованием на актуальные среди «молодёжи» темы. Поэзия Никиты Рублёва близка и понятна одной части публики, и вызывает жёсткое отторжение из-за грубости и предсказуемости у другой. Не лишним будет выделить, возможно, даже более талантливых, но пока ещё не имеющих своего индивидуального «голоса» Амаля Имангулова и Евгения Больдта. За ними будущее.

А вот более возрастных участников литературной группы «Лабиринт» Дмитрия Ревякина, Викторину Альфредовну, Алексея Сыромятникова, Павла Загаринского выделять не обязательно. Так называемые подготовленные читатели без труда оценят их метафизическую поэзию.

Если же говорить об условно левых поэтах, то тут не без досады надо сказать, что не так давно они лишились своей основной площадки «Самарской областной юношеской библиотеки» по причинам далёким от литературных. Просто «левые» литераторы за последние несколько лет заметно

маргинализировались, а кто-то даже частично политизировался. И теперь им остаётся только примерно раз в год посещать крупные литературные фестивали с их круглыми столами, за которыми возрастные корифеи «говорят правильные вещи».

Кроме «левых» и «правых» есть ещё неопределившиеся литераторы-маргиналы. Для самых отчаянных ежемесячно открывает свои двери бар «Сквозняк», ставший излюбленной ареной для синих сквернословов и душевнобольных резонёров. Но всё же, секс и насилие – основные темы для стихов приблизительно 30% поэтов. Недоброжелатели (вроде «Лабиринтовцев») склонны завышать эти цифры, называя «Сквозняк» рассадником пошлости. Это не так.

В каком-то смысле маргинальными являются собрания «Стихийного бедствия» под руководством Павла Шиверова. «Стихийное бедствие» за короткий промежуток времени безболезненно способно трансформироваться из литературного клуба в тренировку по ЧГК (или даже по КВН).

Чуть не забыл, что время от времени экс-член «Союза Писателей» Люба Глотова проводит неформальные собрания «Девятой студии» целиком посвящённой разбору текстов молодых авторов. Пожалуй, это чуть ли не самое вмняемое литературное мероприятие Самары.

В основном же мы продолжаем спорить на темы: «можно ли использовать мат в стихах?» и «являются ли верлибры стихотворениями?».

Литературное ПТУ

Тольятти пишущий

Данный текст написан в феврале 2011 года и не является попыткой описать полновесно литературную ситуацию в городе Тольятти последних двух десятилетий. Это, скорее, субъективный взгляд на родной город, наброски для будущей большой статьи мемуарного характера, которую, я надеюсь, еще напишу.

Всех, кто приезжает в Тольятти, обязательно сводят на берег Волги, покажут необъятную ширь великой реки, махнут рукой в сторону заповедника Самарская Лука, что на другом берегу, а также сводят к Коню – памятнику основателю города - В.С. Татищеву.

Правда, нужно сказать, что основал Татищев крепость Ставрополь–на-Волге, которая нынче затоплена в связи со строительством Волжской ГЭС, и получается, что основатель смотрит прямиком на свой затопленный город.

Литературный пейзаж города Тольятти описать не так просто. Хотя бы оттого, что не было еще лет 30 назад здесь никакой литературы. Город, имевший два толчка для развития, крайне медленно поднимался в культурную горку. Старейшему вузу города – Политехническому Институту около 40 лет, первый профессиональный театр «Колесо» был создан в начале 80-х годов, а первый гуманитарный факультет (филологический) в городе появился в 1988 году на базе Самарского педагогического университета. В этой связи думается, что и литература в Тольятти появилась примерно тогда же - в середине 80-х или начале 90-х. Я имею в виду литературу сопротивления, литературу современную, самостоятельную и внепартийную. Несмотря на это, город последние годы живет достаточно насыщенной литературной жизнью.

Времена 80-х годов упоминать не буду, так как в силу возраста не могу тех дней помнить. В 1992 году, когда у меня стали возникать первые тексты, я начал активно посещать литературные тусовки, искать единомышленников. Могу удостоверить – в те годы город жил очень насыщенной культурной жизнью. По воле обстоятельств это совпало и с экономическим подъемом города Тольятти тех лет. Из событий тех лет можно вспомнить: старейший российский фестиваль поэзии «Майские чтения», где выступали Лев Рубинштейн, Юлий Гуголев и Елена Фанайлова и многие-многие другие, литературные квартирники у Лады-дождь и Андрея Князева, творческие встречи в доме детского творчества «Альянс», выступления и перформансы участников поэтической группы «Олимпийские игры», рок-фестиваль «Автоград», великолепные спектакли театра «Дилижанс».

Мест притяжения было много. В Старом городе все интересное концентрировалось около театрального центра «Голосова, 20», в Шлюзовом микрорайоне в течение трех примерно лет действовала студия «У камелька», которой руководил известный в городе музыкант и поэт Сергей Немов, а в Новом городе, по причине его величины, все было менее дружно – чаще всего поэты выступали в одиночку.

В 90-е годы в городе выходило несколько самиздатских литературных журналов. Я знаю о трех, но подозреваю, что их было гораздо больше. Назову эти три журнала: «Граффит», который я издавал в 1998-1999 годы, элитарный альманах «Ху-ня», выходящий в самиздате примерно с 1992 по 1998 годы, который издавал известный нонконформистский деятель Ладо Мирания, а также альманах «Антология берестяных грамот» под руководством Рафаэля (псевдоним Ра), который выходил где-то с 1995 по 1998 годы. Об остальных изданиях мне неизвестно, но я буду благодарен всякому, кто найдет и покажет мне что-то еще из самиздата тех лет.

Театральный центр «Голосова,20» стал точкой отсчета не только для известной группы тольяттинской драматургии (Леванов, Дурненковы, Клавдиев, Малинина), но и дал путевку в литературу многим и многим другим. На сегодняшний день таковой точки притяжения для пишущих нет. Кто-то выступает в барах, кто-то базируется в библиотеке, кто-то выпускает книги и раздает их своим знакомым.

Вообще, очень многие молодые люди в начале 90-х писали интересные стихи. Жаль, что многие тексты уже не вернуть – они утеряны или прочно заброшены на чердаках и балконах. Очень жаль, что не было предпринято ни одной попытки объективной антологии тольяттинской литературы. Вышедшие две антологии в агентстве Вячеслава Смирнова не могут быть признаны таковыми, ибо 90 процентов представленных там авторов – члены тольяттинской писательской организации.

В период с 1992 года по сей день я посетил довольно много сольных и коллективных литературных мероприятий с участием Вадима Гнатовского, Сергея Грудева, Лады-дождь, Андрея Кабилова, Виктора Ляшенко, Александра Тененбаума, Михаила Лезина, Татьяны Белоусовой. Где теперь можно найти и почитать их тексты? К счастью, сейчас группой единомышленников готовится к печати труд «Антология независимой литературы Тольятти 1990-2010гг.», в котором будут представлены около 30 авторов, а совпадения с антологиями Смирнова составляет всего 10 процентов. Акцент в этой антологии сделан на маргинальных, неофициальных явлениях в поэзии города. Большинство авторов почти неизвестно широкой аудитории. В начале 2012 года стоит ожидать ее появления в бумажной версии.

Итак, о ком надо сказать персонально в Тольятти:

В конце 90-х годов лучшим для меня поэтом Тольятти была Лада-дождь. Густая метафоричность, страсть на грани разлома, свежие эпитеты, преображенный крик. Поэзия Лады возростала не в изоляции (все пространство культуры – ее отчизна), но позиция отчуждения всегда была ей присуща. В литературной тусовке она всегда была немного в стороне. Не случайно, что где-то в 2002 году она перестала выступать перед публикой, замкнулась, уединилась. Будем надеяться, что она еще покажется, еще что-то сделает в поэзии....

Еще один женский голос в поэзии Тольятти – Дарья Попова(Муранова). Молодая поэтесса также пишет на самом краю собственного интеллектуального опыта, добавляя в текст некоторую нервозность, даже истеричность, не исключаяющую также и сюрреалистических и натуралистических реалий.

Айвенго, поэт, драматург, перфомансер, основатель поэтической группы «Олимпийские игры», продолжает свою ироническую, сказочно-мифологическую линию. В предисловии к публикации четырех тольяттинских поэтов (Айвенго, Сумин, Князев, Ладос Мирания) в журнале «Волга» саратовский поэт Алексей Александров пишет, что этими авторами найдена та идеальная мера, тот подход к юмору, который работает. В последние годы в творчестве Айвенго стало преобладать пристальное вглядывание в мир предшествующей культурной традиции, который он довольно своеобразно переосмысливает.

Андрей Князев, поэт и музыкант, по всей видимости, больше внимания стал уделять прозе. В его мини-рассказах жестокий и абсурдный мир противостоит тонкой и ранимой душе художника, которая единственно и имеет право выносить миру приговор. Такие значительные вещи как «Подлинная история православных калмыков» и «Подменыш» могли бы войти в антологии рассказов самой высокой пробы. Это, кстати, подтверждается публикациями прозы Князева в литературных журналах Москвы и Саратова.

Из тех, о ком нужно было бы сказать, но не позволяет объем статьи: Алексей Алексеев, Елена Кочева, Арина Усатова, Родион Родионов, Александр Тененбаум, Андрей Кабилов, Вадим Гнатовский, Сергей Грудев, Наталья Идрисова, Татьяна Шохова, Елена Карева и другие.

Обращусь к ситуации в Тольятти в первой половине 2011 года... Нужно сказать, что кое-что изменилось, и даже в лучшую сторону, например, появились литературные объединения на базе университетов и институтов. Но, конечно, многое и утрачено. Перестал предоставлять для поэтов площадку бар «Амбар», в руки посторонних людей попало помещение центра «Голосова, 20». В целом, минусов по-прежнему больше, чем плюсов, но это классическая ситуация для негубернского моногорода в России.

Удивительно, но теперь почти каждый большой вуз города считает своим долгом иметь литературную студию или литературный кружок.

Насчитать таковых можно штук 6-7. Присутствует даже факт уникальной, может быть единственной литстудии в России, образованной на базе Военного института, где будущие офицеры тоже пытаются создавать «прекрасное, доброе, вечное».

Особенно сильны и многочисленны две студии: студия ТГУ(руководитель Краснов Сергей, действует с 2005 года) и студия ВУИТа(руководитель Аристов Алексей, действует с 2007 года). На заседаниях студии ТГУ можно увидеть до 20 человек, на студии ВУИТ регулярно можно увидеть 10-15 человек. На заседаниях студии обсуждаются классические произведения, а также тексты самих участников студии.

Из общекультурных событий последних лет можно отметить проведение известным в городе и в России поэтом Айвенго фестиваля «Графомания», собирающего до 30 выступающих, ежегодные авторские читки драматургов «Новой драмы», интересные рок-проекты и т.д.

Что ж, вкратце это пока все. Я все еще надеюсь, что Тольятти ожидает мощная волна поэтического возрождения.

Сергей Сумин

Хроника книгоиздания в России.

Вадим Балабан «Памятник». Челябинск, 2010г. 86с.

В книге «стихийных сочинений» Вадима Балабана «Памятник» тяга автора к словесным, чаще на основе звуковых параллелей, экспериментам в рамках стихотворчества очевидна! Конструкции рифмованных и не совсем текстов довольно причудливо громоздятся на всём книжном пространстве. При этом, за приглядной внешностью сочинений разглядеть и понять смыслы автора не всегда представляется возможным. Вероятно, это от моих ограниченных способностей усвоения подобного материала происходит... Но и сам автор признаётся, что лавировать в таком буреломе нелегко:

*Заплутал среди слов, как среди сосен стволов
И мелькают то ветви-приставки,
то корни, то суффиксы лиловатой коры...*

Эта цитата проливает свет на мировоззренческий метод Вадима Балабана. Несомненно, такая техника даёт свои сочные плоды: красивые обороты речи в стихах «Вечер, плавно переходящий», «Симфония №2», «Иду по ночному лесу»... Похвально желание автора серьёзно, без вездесущего стёба осмыслить и передать гражданскими стихами общественно значимые проблемы: например, «Спроси у Бен Ладена», «Терра террора». Обилие затронутых тем говорит о широте взглядов и пытливости ума сочинителя, что обещает читателям новые встречи...

Сарынь на кичку!/Вперед, вперед!/На грудь табличку/ «Не тронь – убьёт!»

Александр Фанфора

**Евгений Заугаров «Избр-е». Литературный клуб «Дебют»,
Саратов, 2010г. 44с.**

Под оригинальным усечённым названием «ИЗБР-Е» саратовские автор Евгений Заугаров издал книжку, где читатель встречается соответствующее заглавию содержание. Большинство текстов представляют собой кусочки прозы, напечатанные столбиком, чтобы (возможно) усугубить их похожесть на стихи. Такой приём выдаёт некоторую неряшливость или даже лень автора. Ибо, с точки зрения наличия элементов поэзии в нерифмованных вещах Заугарова – всё в порядке! Здесь встречаются и яркие эпитеты, и

развёрнутые метафоры, и интересные инверсии и, в целом, колоритные образы; а кое-где даже поэтические размеры соблюдаются. Но! Отсутствие рифмовки переводит эти вещи в разряд набросков, пусть и настоящей добротной прозы. А имеющиеся в книжке полноценные стихи («Новый год», например) только подтверждают мои догадки, что талантливому автору не захотелось почему-то доработать многие классные заготовки до академических форм.

При печати черно-белых фотографий/как живые в это время, так и мертвые/получаются примерно одинаково.

Александр Фанфора

“Воздух». Журнал поэзии, № 3/10. Проект Арго. 2010г. 215с.

Журнал поэзии “Воздух” издается уже пятый год. Это 3-й его номер за 2010 год.

Следует отметить интересную структуру издания, свежую манеру подачи материала, сходную с ритмом дыхания. Фрагменты поэзии разных авторов, озаглавленные как “Дышать” перемежаются с прозой – “Перевести дыхание”. Эта концепция вполне соответствует названию журнала и даже дизайну его обложки.

Таким образом, все элементы журнала подогнаны друг под друга, выступают в единстве, словно живой организм, единый, но составленный из разнородных элементов.

Интересен также самый первый сегмент журнала-существа – рубрика “Кислород”, где сначала читателям представляется короткая статья о поэтессе Полине Барсковой, а потом ее стихи и отзывы на ее творчество (в том числе и в рифмованной форме). Среди несомненных удач номера можно назвать тексты Александра Белякова, Каната Омара, Елены Фанайловой и других известных поэтов России и других стран.

*по шву реки зеркальная стена/ ползут на берег раненые свечи/ и белизна
дневного полусна/ уже вошла на плечи полуречи. (Александр Беляков)*

Дмитрий Перегудов

КНИГА ЗА КНИГОЙ

“Василиск”, Литературно-художественный альманах, № 6, 2010г, 140с.

Издание, которое с 2001 года выходит в Саратове, представляет собой сборник поэзии, прозы и эссеистики поэтов и писателей Тольятти, Казани, Санкт-Петербурга и самого Саратова.

Среди них стоит отметить стихи-афоризмы тольяттинского поэта Айвенго, творчество неистового и страстного Николая Артюшкина, брутально-сентиментальную поэзию Яниса Грантса, а также короткие иронические зарисовки Андрея Князева. Все это собрание текстов органично разнообразила своеобразная графика Алексея Маслова. Альманах «Василиск», благодаря подвижничеству его редакторов, является одним из символов независимой волжской литературы. Пожелаем альманаху сохранить энергию и свободомыслие еще лет на десять.

День-деньской писатель пишет/ а народ его не слышит. (Айвенго)

Дмитрий Перегудов

А.Фанфора «Случайные стихи»

Тольятти. Агентство В.Смирнова, 2011г. 214с.

Наиболее полное собрание стихотворений тольяттинского автора, работающего в литературе больше 20 лет. В сборнике 8 разделов, разбитых по тематике и объединенных в циклы, представляющих все ипостаси творчества поэта – от философской и любовной лирики до саркастических элегий и злободневных пародий. При этом книга не выглядит эклектичной, и представленный автором мир провинциальных страданий и радостей выглядит убедительным свидетельством общей трагикомедии. Основные черты серьезной лирики Александра Фанфоры - внимательность к деталям мира, некоторая медитативность, приглушенность красок, прямое обращение к классике отечественной литературы в его реалистическом варианте.

Где растет абрикос, образуя стволами аллею,/ боевые названия улиц качают права/ длинный город три дня совмещал мою тень со своею.

Сергей Сумин.

«Гипертекст», журнал критики, Уфа, «Спутник» 2010 год, 52с.

Каждый номер этого критического издания, посвященного культурной жизни регионов, посвящен какой-либо теме. На этот раз многочисленные эссе и аналитические разборы касались явления маргинальности в современной культуре. При этом термин маргинальность трактуется достаточно широко – как занятия, доступные лишь малому числу людей, сознательно идущих против общего течения. В сборнике критических статей речь заходит о самиздате, коллекционировании, эротическом искусстве и т.д. Складывается, однако, ощущение, что лишь в искусстве позиция маргинала может отразиться в достойном результате – книге или картине. Произведения Маруямы, Хандке или Галковского могут служить примером честного и бескомпромиссного отщепенства.

Надо заниматься тем, что тебе самому интересно в данный момент. То есть это, может, странно, но творим в первую очередь для себя, распространяем интересные нам произведения и свои проекты в кругу друзей(Павел Ложкин).

Сергей Сумин

«Разница во времени» Сборник переводов из современной американской поэзии. Самара, 2010г. 138с.

Как говорится в предисловии к сборнику, современная американская поэзия не слишком знакома русскому читателю. Что ж, авторы-переводчики из Самары с успехом восполняют этот недочет. Около 30 американских поэтов представлены подборками от 3 до 10 стихотворений. Из наиболее влиятельных имен – Джон Эшбери, Кларк Кулидж, Майкл Палмер, Джон Хай, Мишель Мерфи. Многозначность, текучесть образов, фрагментарность, концентрированность текста – вот, пожалуй, основное объединяющее начало представленных авторов. Ситуация постмодернистского общества с разделенным сознанием людей 20 века, пожалуй, и не могла предложить ничего другого. Порой читатель ловит себя на ощущении искусственности, чрезмерной затемненности текстов, которые не служат проникновению в знакомый ему мир, однако, чтение подобной поэзии как раз и служит расширению горизонтов этого мира.

Мне нравится то, что вы дали мне/мои стихи – резные фигурки шахмат/волнений или безразличия, продуманного хорошо(Джон Эшбери).

Сергей Сумин

Тур Ульвен. «Избранное». Ариэль. 2010г. Чебоксары. 252с.

Книга представляет собой избранное из произведений одного из самых значительных поэтов Норвегии конца 20 века. Ко всему прочему переводы Ульвена сделаны сразу на два языка – русский и чувашский. Стихи в книге собраны в циклы, что идеально соответствует замыслу поэта, который работал и мыслил целыми книгами стихов. Странные и интересные тексты, безусловно учитывающие модернистский опыт Европы, проявляющий себя в особом синтаксисе, своеобразной системе «синкоп» и «цезур». Тем не менее, Ульвен демонстрирует укорененность и в традиции глубокого проникновения в мир природы, видя незаживающую рану современного человека от разрыва с ней.

Трагическая судьба поэта и его ранняя гибель продемонстрировали серьезность поставленных поэтом экзистенциальных проблем.

Становиться водой в воде. /Камнем – в камне./ Или влюбиться в руку, /что поймала камень/под водой.

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Алдошин Тимур родился 31 марта 1961 года в Казани, где и живёт. Лауреат литературной премии имени А. М. Горького. Публиковался в журналах: «Новая Юность», «Октябрь»; антологии «Нестоличная литература».

Аристов Алексей. Родился в 1983 году. С 2007 по 2011 год вел литстудию при Волжском университете Тольятти. Кандидат филологических наук. Пишет стихи и прозу. Занимается переводом. С сентября 2011 года живет в Санкт-Петербурге.

Аристова Светлана. По образованию – филолог. Работала в средней школе, пишет стихи и прозу. С сентября 2011 года живет в Санкт-Петербурге.

Бехтерев Андрей. Родился в 1969 году, долго жил и работал в Тольятти. Пишет рассказы, повести, пьесы. С начала 2000-х годов в Москве.

Бочкарь Татьяна. Родилась в 1971 году. 10 лет проработала на «Тольяттикаучуке». Окончила ТГУ по специальности «филология». Работает корректором в информационном центре. Руководит православной литературной студией «Слово». Живет в Тольятти.

Власова Кристина. 1988 год рождения. Родилась и живет в Тольятти. Учится на факультете журналистики Татищевского университета. Печаталась в сборнике "Между строк".

Глущенко Анатолий. Родился в 1962 году. Поэт. Печатался в коллективных сборниках «Между строк». Готовит книгу избранных стихотворений. Живет в Тольятти.

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации. Живет в Самаре.

Лада-дождь. Родилась в 1967 году в Тольятти. Окончила школу № 19. По образованию - бухгалтер и психолог. Стихи пишет с 13 лет. Автор нескольких тысяч стихотворений. Также писала под псевдонимом Эллада-дождь. Живет в Тольятти.

Латыфыч Константин. Поэт, эссеист. Родился в 1966 году. Автор книги стихов «Человек в интерьере»(2007г.) Многочисленные публикации. Живет в Самаре.

Малолетков Владимир Спартакович. Поэт. Родился в 1990 году в Тольятти, где и проживает, учится в филиале Российского Государственного Гуманитарного Университета. Играет на бас-гитаре, участник нескольких музыкальных проектов. Стихи пишет с 2006 года.

АВТОРЫ

Новицкий Евгений. Поэт, критик. Живет в Ульяновске. Старший преподаватель Ульяновского Пед. Института. Публиковался в самиздате.

Омар Канат родился 13 августа 1971 года. С 1990 года в Ленинграде, в 1996 году закончил Санкт-Петербургскую Государственную Академию культуры. С 1996 года в Павлодаре, с 2001 живет в Астане(Казахстан). Многочисленные публикации в литературных журналах.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. Живет в Тольятти.

Тавров Андрей Михайлович родился в 1948, поэт, прозаик, журналист. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом, художником по мозаике. Автор нескольких поэтических книг. Многочисленные публикации в литературных журналах. Живет в Москве.

Фанфора Александр. Поэт, критик. Автор трех поэтических книг, изданных в Тольятти. Многочисленные публикации в журнале «Город». Живет и работает в Тольятти.

Черешня Валерий родился в 1948 г. Поэт, автор 4-х книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

Щелоков Сергей. Поэт. Родился в 1974 году в Самаре. Окончил филологический факультет Самарского университета. Публиковался в антологиях "Нестоличная литература" и "Девять измерений", альманахах "Вавилон" и «Берега». С начала 2011 года живет в Тольятти.

Яковенко Григорий Михайлович (1936 – 2011), шахтер, инженер-химик. Родился в с. Ямное Сумской области Украинской ССР. С 1965 года жил и работал в Тольятти. Первый редактор возрожденной в Поволжье украинской газеты «Думка». В 1997 году в Петербурге издан сборник его стихов «Гнев и смех». В 2003 году в Ровно опубликована поэма «Казак Мамай среди монархов»